

Юрий Ситников

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ФАНТЕЗИ
ДЕТЕКТИВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИСТОРИИ

Юрий Ситников

ХРАНИТЕЛИ
ТАЙНЫ

Хранители
тайны

Хранители тайны

Кто такая Наина? Почему встреча с маленькой девочкой рождает у людей страх? Какие цели она преследует, повторяя, словно заклинание, слова из детской считалки: «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать!»? Все те, кого находит ребенок, бесследно исчезают.

...**П**оследнее, что успел сказать жене по телефону Кирилл Глухарев, были слова о Наине. Вера обратилась за помощью к Люське. Начав разгадывать головоломку, Люська выяснила — Наина погибла много лет назад. Что это: мистика или чей-то заговор? Окончательно дело запутал телефонный звонок. Незвестный требовал вернуть Наину...

ЕАС 12+

ISBN 978-985-7195-18-3

9 789857 195183

Юрий Ситников

ХРАНИТЕЛИ ТАЙНЫ

Повесть

Издание второе, стереотипное

Минск
«Книжный Дом»
«Литера Гранд»

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Рос-Рус)44
С41

Серия «Невероятные истории» основана в 2015 г.

Исключительное право публикации данной книги принадлежит издательству «Книжный Дом». Выпуск произведения, а также использование его отдельных частей без разрешения издательства является противоправным и преследуется по закону.

Иллюстрация на обложке Виктора и Алисы Чайчук

Ситников, Ю.

С41 Хранители тайны : Повесть / Ю. Ситников. — 2-е изд., стереотип. — Мн. : Книжный Дом; Литера Гранд, 2018. — 256 с. — (Невероятные истории).

ISBN 978-985-17-1567-7.

ISBN 978-985-7195-18-3.

Кто такая Наина? Почему встреча с маленькой девочкой рождает у людей страх? Какие цели она преследует, повторяя, словно заклинание, слова из детской считалки: «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать!»? Все те, кого находит ребенок, бесследно исчезают. Начав разгадывать головоломку, Люська выяснила — Наина погибла много лет назад. Что это: мистика или чей-то заговор?..

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Рос-Рус)44

ISBN 978-985-17-1567-7 (Книжный Дом) © Ситников Ю., 2016
ISBN 978-985-7195-18-3 (Литера Гранд) © «Книжный Дом», 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ!

Галина Валентиновна понимала, зависть — плохое чувство, но сделать с собой ничего не могла. Она завидовала всегда и всем. Исключений из правил не было, такой уродилась. Поздно бороться с привычками, намного проще с ними смириться. И Галина Валентиновна смирилась.

На своих шести сотках она работала от зари от зари. Подъем — в шесть утра, на завтрак — геркулесовая каша, сваренная на воде без соли, чашка зеленого чая и одна овсяная печенюшка.

В садовом товариществе «Елочки» еще все спали, а Галина Валентиновна, вооружившись лопатой, тяпкой или граблями, вовсю занималась физическим трудом. Вскопать новую грядку под клубнику или зелень, прополоть сорняки, подкормить кусты смородины, пересадить цветы — дел невпроворот.

К полудню, когда начинало припекать, Галина Валентиновна заходила на веранду, включала чайник и потирала руки. Чувство морального удовлетворения накрывало с головой, появлялось

ощущение собственной значимости и превосходства над соседями.

Галина Валентиновна старалась превратить свой участок в образцово-показательный. Для того чтобы завидовали ей, а не наоборот. Передохнув, она брала панаму и снова шла к грядкам-клумбам, пропадавая в огороде до вечера. После легкого ужина — Галина Валентиновна никогда не позволяла себе наедаться на ночь — отправлялась к соседям, чтобы немного им позавидовать. Благо было чему.

...Сегодня Галина Валентиновна пришла к Селезневым. Поговорив о делах насущных, посетовав на жару и отсутствие дождей, она начала «стрелять» глазками.

— Тонь, а ты чего, огурцы уже подвязала, да? А я еще не подвязывала. Не растут они у меня, а у вас вон какие. Чем подкармливаете? Навозом? Я тоже навозом поливаю — не растут. Ой, Тонь, а это что за цветы? У меня таких нет, надо будет у тебя взять. Осенью? Хорошо, ты только не забудь.

Прохаживаясь по огороду Селезневых, Галина Валентиновна непрестанно цокала языком:

— Тонь, у тебя шикарная роза, а моя совсем захирела. А лилии какие крупные! Откуда у тебя бочка взялась? Зять привез? Надо же! А моя прохудилась. Вы дрова купили? Сколько заплатили? У меня дров совсем не осталось. Кабачки у тебя уже большие, а у моих только листья лопухами раскинулись, самих кабачков не видать. Зато трава прет — будь здоров. У вас новая газонокосилка? Да ты что! А моя

на глазах разваливается: мотор барахлит, нож затупился, колесо заднее треснуло.

В девять часов Галина Валентиновна возвращалась домой, включала телевизор и смотрела новости. Спать отправлялась около одиннадцати, разгадав предварительно пару-тройку кроссвордов.

...Толкнув калитку, Галина Валентиновна медленно побрела по дорожке к крыльцу, еще издали заметив лежавший на ступеньке полиэтиленовый пакет. Не иначе кто в гости заходил и подарок оставил, пронеслось в голове. Пакет был новый, ручки не успели помяться, Галина Валентиновна улыбнулась.

Внутри лежала красная гвоздика. Взяв цветок, Галина Валентиновна машинально поднесла махровую шапку к носу, вдохнула и сморщилась. Ей показалось, цветок пах нафталином. Однако непонятно, кто мог оставить на крыльце пакет с цветком?

— Гвоздика!.. — Галина Валентиновна пошатнулась, прикрыла глаза и задрожала. Память перенесла ее в прошлое.

Неподвижно Галина Валентиновна простояла минуты полторы, а когда сзади раздалось звонкое хихиканье — словно зазвенело несколько маленьких колокольчиков — вздрогнула и резко обернулась.

Из-за угла дома выбежала худенькая черноволосая девочка лет семи. Непрестанно хихикая, она пронеслась мимо Галины Валентиновны, направляясь в сторону калитки. Ребенок был одет в белое платьице, белые носочки и красные сандалии. Кудрявые волосы девочки трепал ветерок. Остановившись

возле калитки, девочка осторожно — словно при замедленной съемке — повернула голову и махнула пухлой ручкой.

Галина Валентиновна прижалась спиной к закрытой двери; взгляд был прикован к смеющемуся ребенку. Нарастала головная боль, в ушах «зашуршала листва», перед глазами появились мушки.

Едва девочка выскочила на гравийную дорогу и добежала до соседского гаража, Галина Валентиновна закричала:

— Наина?!

Девочка замерла на месте.

— Наина! — повторила Галина Валентиновна.

Ребенок сделал странный жест рукой — ладонью она попыталась нарисовать в воздухе перевернутую восьмерку, или знак бесконечности — а потом что было сил бросилась бежать.

— Наина, — продолжала бормотать Галина Валентиновна, пройдя на веранду. — Наина...

В полночь Галина Валентиновна сидела в кресле, держа в руке красную гвоздику.

На улице послышался шорох. Галина Валентиновна насторожилась. Что это было, кто шумел? Еж? Кошки? Или ветер? А может, на участке человек?

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать! — послышался с улицы громкий голосок.

Галина Валентиновна встала с кресла, пересекла комнату, вышла на веранду и нервно спросила:

— Кто там?

— Я, — последовал ответ.

— Кто я?

— Я иду тебя-искать! Раз, два, три, четыре, пять!..

***

— Ты хорошо колешь, а Танька, окаянная — та совсем без мозгов. Как всадит иглу со всей дури, два дня сидеть невозможно. Балда! — Алексей Гаврилович улыбнулся молоденькой медсестре и протянул пятидесятирублевую купюру.

— Что вы, не надо, — смутилась девушка. — Уберите деньги.

— Да я ж от чистого сердца, возьми, Мариш. Каждый день ходишь, надоел я тебе, наверное. Эх, Маринка, самому опротивело таблетки горстями глотать. А к врачу как придешь, анализы как посмотрит... Все — туши свет! От уколов мне лучше, — Алексей Гаврилович бросил на столик ватку. — Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— Поправляйтесь, Алексей Гаврилович, вы у нас еще побегаετε.

— Куда мне, я свое отбегал. Главное, чтобы вам, молодым, хорошо жилось, а нам, старикам, хуже уже не будет. Я вот один живу, жены, детей нет, из родственников брат троюродный в Тюмени. А толку, что брат есть. Лет двадцать не виделись, не созванивались. Какое тут родство... Ох, Маришка-Маришка... Веришь, вечерами накатит тоска, хоть стреляйся: поговорить не с кем, позвонить некому, хожу по квартире приведением и думаю: долго еще небо коптить буду?

— Алексей Гаврилович, вам гулять больше надо, воздухом свежим дышать. Дома, конечно, скучно. На улице люди: с одним поздороваешься, с другим словцом перекинетесь — все-таки общение.

— Свежим воздухом дышать... Скажешь тоже, Маришка. Где ты в Москве воздух свежий нашла? Мне дома лучше дышится, чем на улице. Пока до поликлиники дотопаю, пылицей надышусь, опосля два дня чихаю. Что ты, родная, какой воздух... Давно гадостью дышим.

— Я пойду, Алексей Гаврилович. До завтра, — улыбнувшись, Марина вышла в коридор.

— До завтра, Мариночка. А денежку-то не взяла. Ай-яй-яй, ну чего ж ты старика обижаешь...

Марина открыла входную дверь и вышла на лестничную площадку, а Алексей Гаврилович поковылял в коридор.

— Я за тобой закрою, — сказал он, шаркая по выцветшему паласу.

Проводив медсестру, Алексей Гаврилович прошел на кухню. Ему было семьдесят три года, но он уже ощущал себя реликтом. Его отец прожил долгую жизнь, дед умер в девяносто, оба до последнего казались крепкими мужчинами, не нуждающимися в посторонней помощи. А его в семьдесят лет атаковали хвори: сначала заболели ноги, потом спина, позвоночник, сосуды, сердце, суставы. За три года он сильно сдал: похудел, сгорбился, превратившись в немощного старика.

Достав из холодильника три яйца, Алексей Гаврилович осмотрелся в поисках сковородки. Последняя почему-то оказалась на подоконнике. Не успев поставить ее на конфорку, он услышал звонок.

— Никак Маринка чего забыла, — забеспокоился дед, поспешив на зов.

В глазок он не посмотрел. Щелкнул замком, распахнул дверь и отшатнулся. На пороге стояла девочка в белом платье, белых носочках и в красных сандалиях. Девочка внимательно смотрела на старика и хихикала.

Алексей Гаврилович начал задыхаться. Он хотел отступить назад, но ноги приросли к полу. В голове начался сумбур, перед глазами появилась пелена.

Девочка стояла на пороге не больше минуты. Хихикнув последний раз, она развернулась и, подбежав к лестнице, начала спускаться вниз.

— Наинка?! — крикнул Алексей Гаврилович.

Этажом ниже послышался звонкий детский смех. Хлопнув дверью, Алексей Гаврилович поспешил вернуться на кухню. У окна он во все глаза смотрел вниз, ожидая, когда из подъезда выбежит девочка в белом платье. И она выбежала. Только теперь у нее в руке что-то было. Алексей Гаврилович прищурился. Что это? Вроде цветок... Ну да, цветок.

— Красная гвоздика, — прошептал Алексей Гаврилович, почувствовав боль в затылке.

Внезапно девочка остановилась и задрала голову. Алексей Гаврилович не успел отпрянуть от окна. Он испытал страх. Животный страх. Захотелось

немедленно забаррикадировать входную дверь. Замуровать ее!

Девочка не спеша шла по тротуару в сторону автобусной остановки. Когда она скрылась из виду, старику немного полегчало. Он даже смог приготовить себе яичницу и заварить чай с мятой.

В одиннадцать вечера в квартире Алексея Гавриловича раздался звонок. Поздних визитеров дед боялся. Подойдя к двери, он прильнул к глазку и задрожал. На площадке стояла она — девочка в белом платье.

— Кто там? — спросил Алексей Гаврилович, заранее зная ответ на свой вопрос.

— Это я.

— Наина?!

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать! — четко проговорила девочка.

— Откуда ты взялась? Что тебе надо?!

— Я иду тебя искать! Раз, два, три, четыре, пять!..

***

— Идиот! — в сердцах воскликнула Настя, швырнув телефон на стол. — Специально меня из себя выводит. Все, Нин, пролетела я с выходными. За город не еду.

— Чего у вас опять?

— Говорит, работает в субботу. Врет, конечно! Меня с родителями знакомить не хочет. Они сейчас на даче. Я думала, познакомимся наконец, посидим, шашлык сделаем... А он работает. Сволочь!

Зевнув, Нина пожала плечами.

— Бросай его, Настька, не нужен тебе этот хлюпик.

— Между прочим, с этим хлюпиком я два года встречаюсь.

— Во-во! Два года встречаетесь, а с родителями он тебя не знакомит. Почему? Ответ очевиден — ты нужна Сашке только для развлечений, серьезных намерений у него нет.

— Помолчи, доктор Фрейд.

— Хочешь сказать, ты со мной не согласна? Тогда встречайся с ним еще два года, потом подурнешь, и он тебя отошьет.

Настя взяла телефон и вышла на крыльцо. Она работала парикмахером, и сегодня, как назло, было всего два клиента. Ужасно, когда нет клиентов, начинаешь уставать от пустой болтовни и безделья. Настя терпеть не могла летние месяцы. Лето — мертвый сезон. Особенно когда на улице сорокоградусная жара, никто не стремится заскочить в парикмахерскую. А тут еще с Сашкой проблемы постоянно возникают на ровном месте — почему-то не хочет знакомить ее с родителями. «А вдруг он меня стесняется?» — промелькнула шальная мысль.

Пять минут спустя Настя поделилась своими опасениями с подругой.

— С какой стати он должен тебя стесняться? — вспыхнула Нина. — Ты что, отброс общества? Работа у тебя приличная, сама не уродина, не глупая,

разговор поддержать всегда можешь. Чего ему еще нужно? Брось, Насть, не стесняйся тебя Сашка, просто он тебя не ценит. И все дела!

— В последнее время мы часто ссоримся.

— Завершается ваш цикл, — сказала Нина. — Это естественно, отношения себя исчерпали, вы оба выдохлись, вам нужна передышка. Ничего не поделаешь, со звездами не поспоришь.

Настя отмахнулась. Нинка запоем читала всякую муть, а потом любила философствовать — Настю это жутко раздражало. Особенно раздражали разговоры о звездах, космических циклах и тому подобной дребедени.

— В книжном появилась новая книжка? — съязвила Настя. — О чем там пишут на этот раз? Как звезды влияют на отношения полов? Или дают советы, как при помощи космической энергии удержать рядом с собой парня?

Нина на сарказм подруги не отреагировала.

— Я познакомилась с Серегой год назад, — сказала она спокойным голосом. — Причем познакомилась благодаря советам, вычитанным из книг. Ты надо мной смеялась, а в итоге он меня и с родителями познакомил, и на Кипре мы отдыхали, и предложение он мне сделал.

Настя подняла правую руку.

— Сдаюсь! Ты меня убедила. Черт! Придет сегодня кто-нибудь, или нам с тобой здесь до вечера тухнуть в одиночестве? Когда жарница пройдет? Ненавижу!

— А мне нравится жара, — хохотнула Нина. — Когда я родилась, было плюс тридцать восемь.

У Насти завибрировал телефон. Увидев на экране «Сашка», она снова вышла на крыльцо.

В восемь вечера Настя возвращалась домой. До высотки оставалось метров двести, когда телефон подал признаки жизни — опять звонил Сашка. Разговаривая с ним на повышенных тонах, Настя практически дошла до подъезда, как вдруг взгляд привлекла стоявшая на детской площадке девочка в белом платье. Она стояла возле деревянного гриба, держала в правой руке красную гвоздику и неотрывно смотрела на Настю.

Выронив телефон, Настя сглотнула, ощутив, как по спине стекают струйки пота. Ей сделалось не по себе. Девочка взмахнула руками и побежала прочь.

— Наина?! — едва слышно пробормотала Настя. — Наина!

Непрестанно оборачиваясь, Настя дошла до подъезда, набрала код, открыла дверь и ужом проскользнула внутрь. В квартире она первым делом прошла в ванную, включила холодную воду, долго умывала покрасневшееся лицо. Перед глазами упорно стоял образ девочки в белом платье, белых носочках и в красных сандалиях.

Через полчаса на домашний телефон позвонил обеспокоенный Сашка. Он спрашивал, почему их разговор внезапно прервался и почему Настя недоступна.

— Саш, приезжай! Надо увидеться.

— Сегодня никак, — ответил Сашка. — На работе зашиваюсь. Увидимся завтра вечером. Зая, я тебя люблю. А ты меня?

Настя бросила трубку.

— Иди ты со своей любовью! Тебя никогда нет рядом, когда ты мне нужен.

Без четверти двенадцать телефон разразился очередным звонком. Полагая, что звонит Сашка, Настя сняла трубку и грубо проговорила:

— Слушаю.

На том конце повисла пауза, потом раздался четкий детский голосок:

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать!

Настя вскрикнула, отшвырнула трубку в сторону. Ровно через три минуты позвонили в дверь. Спросив, кто пожаловал в столь поздний час — глазка у Насти не было — она услышала все тот же голосок:

— Я иду тебя искать! Раз, два, три, четыре, пять!..

***

— Мне двадцать два года! — кричала Вера, не смотря на то что стояла она у открытого окна и ее крики слышны были на улице. — Я хочу стабильности, надоело жить как на вулкане. Ты понимаешь, что терпение может лопнуть?

Кирилл оставался спокойным. Он ждал, когда успокоится Вера — но, похоже, сегодня жена разбушевалась не на шутку. Зря все-таки он сказал ей об уходе с работы, надо было дотянуть с признанием до воскресенья. По крайней мере Кирилл смог бы

спокойно провести выходные дни. Язык мой — враг мой, думал Кирилл, глядя, как взбешенная Вера мечется по кухне в поисках турки.

— Ты говорила, что не будешь больше пить кофе. Столько денег за отбеливание зубов отдали.

— А не пошел бы ты! С тобой не только кофе пить начнешь, ты покойника до срыва доведешь. Смешно, да? А на что мы будем жить, на что жратву покупать, за квартиру чем платить? Ты об этом думал, когда с работы увольнялся?

— На карточке деньги есть, — осторожно заметил Кирилл.

Вера сверкнула глазами, отвернувшись к окну, Кирилл заметил, у жены задрожали плечи. Про карточку говорить не следовало — опять язык его подвел.

Полтора года они с Верой копили деньги на машину. Верочка мечтала оказаться за рулем собственной иномарки, и Кирилл клятвенно пообещал, что к Новому году подарит жене машину. Разумеется, не новую и не дорогую — денег было не так много. Но вполне приличную.

Кто ж тогда знал, что за эти полтора года Кирилл сменит три места. Нет, он не лентяй, мечущийся в поисках лучшей доли, но ему хотелось получать за свою работу приличные деньги. Деньги, на которые можно нормально жить, а не существовать от зарплаты до зарплаты. Деньги, на которые можно ездить отдыхать, покупать себе и жене хорошую одежду, не задумываться о том, что они будут есть завтра на обед и сегодня на ужин.

— Вер, прости, — Кирилл обнял жену за плечи и коснулся губами ее макушки: — Забудь про карточку, снимать деньги не будем, я что-нибудь придумаю. Дай мне пару недель, и я найду новую работу.

— Кирилл, не надо делать мне одолжений. Ты всегда ухитряешься все повернуть так, что в итоге я выгляжу стервозиной.

— Иногда ты перегибаешь палку.

— Мы семья! — Вера отстранилась. — Я это понимаю, а ты — нет.

— Я тоже понимаю.

— Тогда почему каждый раз заставляешь меня чувствовать себя пустым местом? Ты со мной не считаешься, захотел — уволился, захотел — снял деньги. Я уже никто и звать меня никак.

— Не утрируй.

— А кто утрирует? Вспомни свои обещания, ты хотя бы одно из них выполнил? У нас как не было денег, так и нет. Посмотри на других, они их лопатой гребут.

— Предлагаешь мне воровать?

— Воруют не все.

— Те, о ком говоришь ты, воруют.

Вера психанула.

— Я не могу с тобой разговаривать, это бесполезно. Что мне надо сделать, чтобы ты наконец понял: я хочу пойти туда, куда мне хочется, и купить то, что нравится.

— Может, слишком многого хочешь? — вспылал Кирилл. — Насмотрелась на подружек и самой

захотелось богатенькой стать? Что, неправду говорю? Только неувязочка одна есть: твои дорогие подруги выскочили замуж за старых уродов с деньгами, а тебя угораздило за меня выйти. Они теперь жируют, а ты, бедняжка, вынуждена жить на грани нищеты. Ты ж шмотье не в бутиках покупаешь, значит, ты нищая, по их меркам. Но выход всегда есть. Не нравится — вперед! Никто не держит.

— Соображаешь, что говоришь?

— Я соображаю, а ты иногда соображаешь туго, оттого и тормозишь. Чего ты от меня хочешь? Я не стану Ротшильдом, у меня не будет миллионов, принимай меня таким, какой есть. Наслушалась красивых сказок про принцев, ну иди ищи их! Как найдешь, свистни.

Вера выбежала из кухни.

— Поплачь-поплачь, — буркнул Кирилл, направляясь к входной двери. — Надоело твои истерики терпеть.

На улице Кирилл остановился, размышляя, куда податься. Возвращаться домой не хотелось, во всяком случае сегодня. А где можно провести ночь? Точно — у Левки.

Сев в машину Кирилл достал телефон и набрал номер приятеля.

— У тебя ночь перекантоваться можно? — без предисловий спросил Кирилл.

— Не вопрос, — ответил Левка.

— Тогда я к тебе. Жди.

Коснувшись руля, Кирилл заметил на левом рукаве солнечного зайчика. Повернул голову, осмотрелся. Возле подъезда на скамейке сидела девочка в белом платье. В одной руке она держала красную гвоздику, в другой — маленькое круглое зеркальце. Девочка смотрела на Кирилла, продолжая играть солнечным зайчиком.

Кирилл открыл дверцу. Ребенок сразу же вскочил со скамьи и засмеялся.

— Раз, два, три, четыре, пять! — кричала сквозь смех девочка. — Я иду тебя искать!

После этого она забежала в открытую дверь и скрылась в подъезде. Кирилл ринулся за ней следом. Возле лифта он остановился, прислушался. Лифт поднимался наверх. Перескакивая через две ступеньки, он добежал до шестого этажа и увидел открывающиеся створки лифта. В кабине было пусто.

На первом этаже из-под лестницы выбежала девочка. Оказавшись на улице, она подошла к машине Кирилла, положила на капот красную гвоздику и тихо сказала:

— Я иду тебя искать! Раз, два, три, четыре, пять!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ

Зайдя в прихожую, Люська поняла — дома опять развернулись боевые действия. Из гостиной доносились голос Дианы и торопливая речь Юлии Станиславовны.

— Ты всегда поступала и продолжаешь поступать мне наперекор! — кричала Диана.

— Вовсе нет, Диди, — отвечала Юлия Станиславовна. — Просто мне кажется, в данной ситуации правда на моей стороне. Я действую исключительно из благих побуждений. Не знаю, почему ты на меня злишься.

— Я устала повторять — ты сделала неудачный выбор! Неудачный, Юля!

— Диди...

— Не называй меня Диди! Я Диана, на худой конец — Ди, но только не Диди. Терпеть не могу эту собачью кличку.

— Хорошо, Диди, как скажешь. Вернемся к стиральным машинам. Взгляни, здесь класс отжима «А», а у тебя «С». Неужели не видишь явного преимущества?

— Боже мой! Чего ты прицепилась к этим классам? Плевать я на них хотела! Ты лучше смотри сюда. Видишь? Видишь, я тебя спрашиваю?!

Люська прошла в ванную комнату. Конфликт что-то затянулся. Ах, да, сначала необходимо пояснить, кто такая Юлия Станиславовна и откуда она взялась.

Юлия Станиславовна — родная сестра Дианы. Живет в Финляндии, в гости приезжает нечасто, но если приезжает — начинается буря. Юлия Станиславовна, как и Диана, актриса, а две актрисы в одной семье — перебор.

Родные сестры отличаются друг от друга, как бетономешалка отличается от хурмы. Если Диана вела богемный образ жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями, то Юлия Станиславовна являлась полным ее антиподом. Невысокого роста, слегка полновата, не зациклена на шмотках, косметике и вечной молодости. Выглядела она на свои года, не молодилась, терпеть не могла ходить на высоких каблуках и уже давно не мечтала сыграть Джульетту.

При каждой встрече Диана учила сестру правильно жить.

— Приведи себя в порядок, — говорила она. — Сделай прическу, в конце концов, купи парик. Где туфли на шпильке? Твой цвет помады слишком темный. Сделай маникюр! Не сутулься. Улыбайся шире!

Юлия Станиславовна слушала сестру, пропуская ее слова мимо ушей. Они были разные, очень разные.

В этом году Юлия Станиславовна приехала в Москву месяца на два. Разумеется, остановилась у Дианы. И началось. Придирки, мелкие ссоры, нравоучения, обиды... Люська держалась из последних сил.

Две недели назад Диана решила приобрести новую стиральную машину. Она и не подозревала, во что выльется ее затея. Юлия Станиславовна, считавшая своим долгом помочь родственникам в столь важном деле, взяла ситуацию под свой контроль. Она обожала давать советы. Всем и всегда! Раздавала их в огромных количествах, когда ее об этом просили, но самое ужасное, раздавала советы в еще большем количестве, когда ее об этом никто не просил.

Диана выворачивалась наизнанку, когда Юлия начинала советовать, как правильно варить кофе, лечить насморк, причесывать кошек, чем лучше кормить попугаев и как необходимо пеленать младенцев.

Отказавшись от помощи Юлии, Диана заявила, что лично найдет подходящую стиралку. Побродив по инету, Диана сказала:

— Стиральную машину я нашла. Поинтересовалась на форуме, какой следует отдать предпочтение, знающий человечек мне ответил. Можно делать заказ.

Юлия Станиславовна взяла из рук сестры распечатанный на принтере лист и присвистнула:

— Диди, ты в своем уме?! Это плохая машина.

— Много ты понимаешь. Посмотри на характеристики. Ракета, а не стиралка.

— Стоит она, может, и как ракета, а на деле машинка дрянь. Диди, я знаю, что говорю. Моя подруга купила такую же ерундистику. Прыгала до потолка от радости, а потом локти кусала. Через месяц она сломалась. Починили. Через полгода мотор полетел. Новый купили. Через три месяца опять мастера звать пришлось. Диди, не обижайся, но я не позволю тебе выбросить деньги на ветер. Нет у меня доверия к этому бренду. Надо искать дальше.

Поиски стиральной машины продолжились. Диана ежедневно распечатывала листы с характеристиками крупной бытовой техники и каждый раз у них с Юлией вспыхивали скандалы. Если что-то устраивало одну, то по всем законам подлости категорически не устраивало вторую. Люська старалась помалкивать и не вступать в бурные дискуссии.

А позавчера Диане с Юлей феерически повезло, они сдвинулись с мертвой точки. Забрав много стиралок, сестры остановили выбор на двух моделях. Но отдать предпочтение нужно было одной, поэтому на протяжении двух суток Люська слышит крики двух актрис:

— Люсико, хорошо, что ты пришла, девочка, — Юлия Станиславовна выбежала из комнаты. — Помоги принять соломоново решение. Я больше не могу с ней спорить. Она упряма, как ослица!

— Это я не могу с тобой спорить, — парировала Диана. — Тебе даже ребенок скажет: мой выбор

намного лучше. У стиралки тысяча четыреста оборотов, и гарантия на два года больше.

— А у моей класс отжима «А», — заявила Юлия Станиславовна.

— Опять ты со своим отжимом... Замолчи! Не могу про него слушать. Люсьена, скажи этой выскочке, что у меня давление подскочило. Она хочет моей смерти!

Юлия Станиславовна вспыхнула.

— Я выскочка?! Люсико, передай этой грандаме, что, в отличие от нее, я намного терпимее и лояльнее.

— О-хо-хо! — заголосила Диана. — Она терпимее меня. Люсьена, детка, ты это слышала? Передай ей, что я смеюсь!

— Люсико, передай Диди, я отказываюсь с ней разговаривать. Она груба и неадекватна! — с этими словами Юлия Станиславовна прошла в спальню.

— Люсьена, — вошла в роль Диана. — Передай нашей лояльной пампушке, что в ее сторону даже плевать жалко!

— Хамка! — послышался из-за закрытой двери голос Юлии Станиславовны. — Тоже мне, народная артистка.

— Еще одно высказывание — и кто-то отправится в Финляндию на оленях. И мою внучку зовут не Люсико, а Люсьена! А я Диана! Ты меня слышишь, заслуженная?

Люська взяла Диану за руку.

— Диан, вам не надоело спорить? Ну честное слово, пора уже уgomониться. Никогда не думала, что покупка стиралки может превратиться в настоящую пытку. Ладно, я сумку возьму и в магазин спущусь. Арбузика что-то захотелось.

— Люсико, — Юлия Станиславовна вышла из комнаты. — Зачем арбуз, когда в холодильнике много огурцов?

— А какая связь? — не поняла Диана.

— Разрежь огурчик, посыпь его сахаром — и будет тебе арбуз.

— Люсьена, моя сестра сошла с ума. Звони в психиатрическую клинику.

Люська схватила сумку и выбежала из квартиры.

***

Когда в семь часов в коридоре раздался звонок, Люська резко встала с кровати, схватила халат и выскочила из спальни.

— Кто? — спросила она, подойдя к двери.

— Люсь, это я, — послышался низкий голос. — Вера.

Пройдя в прихожую, Вера с ходу заявила:

— Извини, что разбудила, но у меня беда.

— Пошли на кухню, я чай приготовлю.

— Нет, — запротестовала Вера. — Пойдем к тебе в комнату, я не буду чай.

— Что случилось? — спросила Люська, когда Вера села в глубокое кресло, закинув ногу на ногу.

— Кирюха пропал!

— То есть пропал?

— Он не вернулся домой. Я чувствую, с ним что-то случилось. Боюсь идти в полицию. А вдруг они скажут, что обнаружили Кирилла и он...

— Подожди, Вер, давай по порядку. Когда он пропал?

— В пятницу вечером.

— В пятницу? Сегодня вторник. Ты что, три дня ничего не предпринимала?

— Кто ж знал, что он пропадет? Я думала, Кирилл психанул и свалил на пару дней, чтобы меня позлить.

— Что у вас случилось, опять пособачились?

— Он с работы уволился, сказал мне об этом в пятницу. Я в позу стала, нагрубила, он в долгу не остался. Сама знаешь, слово за слово — Кирюха психанул и ушел. До понедельника я особо не парилась, думала, характер выдерживает. А вечером меня как шандарахнет! Страшно сделалось до дрожи. Я ему позвонила. Телефон отключен. Еле-еле утра дождалась. Люсь, что делать? Пойдем в полицию вдвоем, я одна не смогу.

— В полицию, конечно, пойдем, — Люська начала метаться по комнате в поисках джинсов. — Раньше уже случалось, что Кирилл не приходил ночевать?

— Никогда. Что ты ищешь?

— Джинсы.

— Вот же они.

Люська села на край кровати. В голове царил полный кавардак. Ей почему-то сразу, как только Вера

сказала об исчезновении Кирилла, сделалось не по себе. Стали одолевать тревожные мысли.

— Друзьям, знакомым звонила? — спросила Люська на улице по пути в отделение.

— Да. Совсем забыла сказать, я сегодня в шесть утра Левке позвонила, они с Кирюхой еще с института дружат. В пятницу Кирилл позвонил Левке и сказал, что переночует у него. А потом...

— Вер, не тяни.

— Не знаю, то ли Левка что-то путает, то ли у меня мозги совсем расплавились. По его словам, примерно через час он перезвонил Кириллу, а тот заявил, что не может разговаривать, и упомянул какую-то Наину.

— Наину?

— Угу. Понятия не имею, о ком шла речь, у нас вроде нет знакомых женщин с таким именем. Как ты уже поняла, до Левки Кирилл не доехал. Он звонил ему пару раз, но абонент был недоступен.

— Наина, — повторила Люська. — Вот тебе и зацепка. Вер, а может...

— Не продолжай. Кирилл мне не изменял.

— Кто тогда та женщина?

— Не любовница точно!

— Вы поругались, Кирилл ушел из дома, а потом в разговоре с другом назвал женское имя. Не хочу нагнетать, но, по-моему, вырисовывается очень даже ясная картина. На работу Кириллу торопиться не надо, а проучить тебя он вполне мог. Вер, мне кажется, с ним полный порядок.

— Повторяю, Кирилл мне не изменял.

— Большинство женщин свято верят, что их мужья хранят верность. Но факты говорят сами за себя.

— Откуда столько уверенности, ты вела статистику, что ли?

— Не злись, я просто высказала мнение.

— С Кирюхой случилась беда! Он бы не отключил телефон.

Для себя Люська решила следующее: сейчас они напишут заявление о пропаже человека, а потом она попросит у Веры координаты Левки и лично нанесет ему визит. Думается, Левка был с Верой не до конца откровенным. Наверняка он в курсе, что у лучшего друга есть на стороне женщина — Наина — но говорить об этом Вере не посчитал нужным. Мужская солидарность. Люська же попытается выяснить, верны ее предположения или она глубоко заблуждается. В первом случае дела не так плохи, во втором может запахнуть керосином. А так хочется, чтобы в итоге все разрешилось и обошлось, как говорится, малой кровью.

В отделении Вера долго не могла вспомнить, во что был одет Кирилл в пятницу вечером.

— Вроде на нем были синие джинсы и серая футболка, — неуверенно говорила она.

— Вспомните точно, — несколько раздраженно попросил краснолицый мужчина. — Это важно.

Мобилизовав силы и память, Вера вспомнила: Кирилл был одет в темные джинсы и белое поло. Плюс черные туфли. Из особых примет Вера

назвала шрам от аппендицита, родинку на подбородке и татуировку в виде буквы «К» на правом предплечье.

Десять минут спустя Веру обрадовали, сообщив, что в морги и больницы не поступал мужчина с подобными приметам.

— Марку и номер машины назовите, — каким-то механическим голосом просил лейтенант.

С маркой и цветом проблем не возникло, а вот номер Вера не помнила.

— А почему я должна знать его наизусть? Это что, пин-код или шифр от сейфа? Была бы моя личная машина, может, и помнила бы.

— Поезжайте домой, — чуть ласковее произнес мужчина. — Оттуда позвоните нам и сообщите номер машины. Поймите, мы должны сообщить всем постам номер — без этого никак.

— Вы его найдете? — всхлипнула Вера.

— От нас не скроется.

— А скажите, у вас так уже было, человек пропал на несколько дней, вы его искали и находили целым и невредимым?

— У нас всякое бывало. Вы не волнуйтесь, верьте в лучшее.

— И где они были? — продолжала допытываться Вера.

— Кто они?

— Те люди, которых вы искали и находили?

— Кто где. Одни к родственникам подавались, другие, хм... с женщинами время проводили.

Вот недавно случай был: девушка в слезах примчалась и кричит с порога, муж пропал, неделю дома не появляется, найдите. Взяли у нее заявление, искать начали.

— И что?

— Ничего. Он у любовницы на даче жил.

— Кошмар!

— Вот вам и кошмар. В двадцать лет расписались, прожили без году неделю, а потом скандалить начали. Молодые, горячие, за словом в карман не лезут. Разругались, он уехал за город. Как потом сказал нам, позлить жену хотел, чтобы она переживала. Впечатляет, правда?

— Очень, — Люська взяла Веру за локоть. — Вер, поехали домой.

— Да, — Вера облизала нижнюю губу. — Поедем. А Кирилл обязательно найдется, я знаю.

На улице Вера сказала Люське:

— Я согласна.

— На что?

— На все! Пусть он будет с кем угодно, только бы живой и только бы домой вернулся.

— Вернется. Вер, скажи мне адрес и телефон Левки.

— Надо в книжке посмотреть, я так не помню. Ничего не помню, Люська... Мне плохо.

— Это от жары. И от нервов, — добавила Люська.

— Только теперь начинаешь понимать, какой мелочью кажутся все ссоры и склоки. Я раньше часто злилась на Кирюху, кричала, на нервах у него

играла. Иногда даже хотелось сделать ему больно, когда выводил меня из себя. Я гадина, да?

— Вер, хватит, ты не гадина, ты живой человек, у которого временами случаются срывы.

— Нет, я не человек, я чудовище! В пятницу на-орала на Кирилла, он обиделся и ушел. Ушел из-за меня, а теперь из-за меня с ним случилось несчастье. Ему нужна была моя поддержка, а я поступила как эгоистка. Почему я его не поддержала? Господи, если бы только можно было исправить ситуацию. Пожалуйста!

Глядя под ноги, Люська тихо проговорила:

— Время назад не повернуть. Увы! Имевши — не храним, потерявши — плачем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОНОК

Тем же вечером Левка угощал Люську зеленым чаем.

— Верку жаль, — говорил Левка. — Места себе не находит. Несколько лет назад у меня пропал дед, ушел из дома и не вернулся. Мать чуть с ума не сошла, все больницы, морги обзвонила — безрезультатно.

— Он нашелся?

— Пятый год ничего о нем не знаем. А с Кирюхой-то что могло случиться? Тем более он был на машине.

— Вера говорила, вы звонили ему через час после его звонка.

— Звонил, но толком не понял, о чем он говорил.

— Можете вспомнить его слова?

Левка надул щеки, задержал на мгновение воздух, после чего с шумом выдохнул.

— Я спросил, когда он приедет. Кирюха ответил... Так, что же он ответил? Что-то типа: «Не сейчас. Говорить я не могу. Здесь Наинка». Он обещал перезвонить, звонка не было.

— А Наинка — она кто?

— Понятия не имею.

— Вера исключает возможность того, что у Кирилла есть другая женщина, вы с ней согласны?

Левка медлил с ответом.

— Так у Кирилла есть любовница или нет? — повторила вопрос Люська, наблюдая за реакцией Левки.

— Какая там любовница, они поженились полтора года назад, еще не наскучили друг другу.

— А все-таки?

— Я не хожу за Кирюхой по пятам, и он мне ничего такого не рассказывал. Если даже и есть, я не в курсе.

— Но чисто гипотетически это возможно?

— Возможно абсолютно все, — ответил Левка. — Но не стоит забывать, Кирюха собирался переночевать у меня. У меня, а не у девушки. Суди сама, если бы у него была любовница, зачем ему звонить мне и договариваться о ночлеге? Нелогично как-то получается.

По дороге домой Люська позвонила Вере.

— Ничего выяснить не удалось, информации — ноль.

— И мне никто не звонил. От телефона не отхожу, а он молчит. Приезжай ко мне с ночевкой, иначе я с ума здесь сойду.

До половины двенадцатого они просидели в большой комнате, практически не разговаривая. Вера на диване, поджав под себя ноги, Люська расположилась в кресле. Иногда она вставала,

нарезала круги по комнате, выходила на пару минут на балкон и снова садилась в кресло.

— Вер, тебе приготовить чай? — спросила Люська без четверти двенадцать.

— Не хочу.

— Ты сегодня ела?

— Не помню.

— Вер, пошли, попьем чайку. Какая разница, где тусить — в комнате или на кухне. Телефон позволит — услышим.

— Вдруг Кириллу сейчас плохо, он нуждается в помощи, а поблизости никого нет? Лежит где-нибудь, кровью истекает...

— Вер, ну почему сразу истекает кровью, не драматизируй.

— А что, думаешь, Кирилл уже мертвый?

— Вера! Прекрати! Ты накручиваешься сама, накручиваешь меня — это не дело. Смотри, Кирилл уехал на машине, так?

— Ага.

— Теперь скажи, что могло с ним произойти теоретически?

— Что угодно. Он мог в аварию попасть, мог...

— Стоп! Остановимся на аварии. Предположим, Кирилл попал в аварию в пятницу вечером. А сегодня вторник. Прошло четверо суток. Неужели ты думаешь, за девяносто шесть часов его никто не обнаружил бы? Вер, это нереально. Попади Кирилл в аварию, его давно бы отвезли в больницу. Ты же слышала, в отделении сказали: человек, похожий

по описанию на Кирилла Глухарева, ни в больницы, ни в морги не поступал.

— А если на Кирилла было совершено нападение? Тачку могли отобрать, а его самого...

— Убить? Нет, Вер, сомневаюсь. По-твоему, он ехал, его тормознули, приставили к виску дуло пистолета, потребовали выйти из машины, выстрелили, а сами сели и дали деру?

— Вполне возможно.

— Брось. А где логика? Зачем им убивать Кирилла, идти на мокрое дело, если их цель — машина?

— Хорошо, тогда скажи, какой версии придерживаешься ты. Вечером Кирилл сел в машину и уехал. Что было дальше?

Люська задумалась.

— Меня смущает эта Наина.

— Меня она тоже смущает, — плаксиво произнесла Вера.

— Понимаешь, если Лева ничего не перепутал, то Кирилл сказал: «Здесь Наинка».

— Что нам это дает?

— На самом деле многое. Здесь Наинка, — повторила Люська. — Здесь! А где здесь? Она сидела в его машине, или он приехал в место, где была не известная нам Наина?

— Ты права, — Вера насторожилась. — Неужели они ехали вместе? Слушай, а что если Кирюха увидел старую знакомую, посадил ее в салон, и они поехали, скажем, в пункт «Б»? В это время ему позво-

нил Левка, и Кирилл сказал, что ему неудобно с ним трепаться, так как рядом находится Наинка.

— Версия очень даже правдоподобная, — кивала Люська.

— Кирилл запросто мог завихриться к Наинке, забыв обо всем на свете, — Вера вскочила с дивана и выбежала на балкон: — Пусть все так и случится. Пусть Кирилл будет у Наины, а потом вернется домой.

Минуту спустя Веру начали гложить сомнения.

— А телефон тогда почему отключен? Нет, неправдоподобно, что Кирилл на четыре дня завис у знакомой.

— Зарядка закончилась.

В половине первого, заставив Веру съесть яичницу и выпить чай с бутербродом, Люська начала мыть посуду. Вера сидела на табуретке возле окна.

Телефонная трель разрезала тишину без пяти час.

— Это мой, — вскрикнула Вера, выбежав в коридор.

Люська бежала следом. Схватив телефон, Вера закричала:

— Алло! Говорите!

В последующую секунду у Люськи взмокла спина.

— Кирилл! — завизжала Вера. — Кирилл, где ты?!

Секунд на десять Вера умолкла, внимая каждому слову мужа. Она кивала и вдруг вздрогнула:

— Нет, Кирилл, подожди. Алло! Кирилл!

— Где он? — Люська тянула Веру за руку.

— Кто вы? — кричала в трубку Вера, не слыша Люську. — Хорошо, я записываю. Люсь, быстро ручку, бумагу. Да быстрее ты! Говорите. Да-да, слышу, — записав на газете адрес, Вера взмолилась: — Дайте мне Кирилла, пожалуйста! Почему не может? Да! Мы приедем.

Отсоединившись, Вера разрыдалась.

— Едем, Люська, он там. Он жив, я записала адрес, а потом мужик сказал, Кирилл потерял сознание.

— Какой мужик? — на ходу спрашивала Люська. — Я вызываю такси.

— Он не представился. Кирилл просил меня срочно приехать. Я слышала его голос, Люська!

— О каком мужике ты говорила? — повторила Люська.

— Кирилл передал трубку мужчине, чтобы тот продиктовал адрес. Это деревня. По Дмитровке ехать надо, сейчас ночь, деревеньку придется поискать.

— Такси уже в пути.

— Выходим.

— Мужик хоть представился?

— Что ты от меня хочешь? — вспыхнула Вера. — Какая разница, как его зовут.

— Посмотри, с какого номера он звонил.

— Точно. Черт, номер не определился, перезвонить нельзя.

...Найти нужную деревню, а потом и нужный дом оказалось делом непростым. У старой покосившейся

избы Люська с Верой остановились в начале четвертого. Уже светало.

У ворот были припаркованы «скорая» и две полицейские машины. Вера зажала рот ладонями.

— Почему здесь полиция?

— Ты меня спрашиваешь? — Люська юркнула в приоткрытую калитку.

Вера следовала за ней. У крыльца их остановили.

— Вы кто? — спросил высокий мужчина.

— Нам позвонили, — зачастила Вера. — Я Вера Глухарева. Мой муж, Кирилл, он звонил мне отсюда.

На крыльце появились мужчины в медицинских костюмах. Они спустились вниз, остановились у покореженной бочки: один закурил, второй отошел чуть в сторону, приложив к уху телефон.

Вере с Люськой было велено оставаться на улице. Когда лейтенант скрылся в доме, Вера подошла к врачу.

— Что здесь произошло? — едва слышно спросила она. — Кому-то плохо?

— Уже нет.

— Я вас не понимаю.

— Сергей, — позвал врача коллега, разговаривавший по телефону.

— Я не могу ждать, — Вера ступила на крыльцо, и в этот момент ей навстречу вышел тучный капитан.

— Товарищ начальник, — лебезил семенящий сзади щупленький мужичонка лет шестидесяти. — Я же вам говорю, не встречал я раньше этого парня. Ну клянусь, не знакомы мы.

— Где Кирилл?! — заорала Вера.

Капитан нахмурился.

— Вы кто?

— Конь в пальто! — нервы Глухаревой начали сдавать.

— Вер, тише, — успокаивала ее Люська, но Вера только отмахнулась.

— Да пошли они все! Сколько можно стоять на улице? Мне кто-нибудь объяснит, где Кирилл? Отойдите с дороги, мне надо увидеть хозяина дома.

Капитан посторонился.

— Хозяин перед вами, — он кивнул на щуплого мужика.

— Значит, с вами я разговаривала несколько часов назад?

— Э-э... Вы Вика?

— Вера.

— Ну да, со мной. Он просил меня сказать вам адрес, — мужчина перевел взгляд на капитана. — Я дал ему свой телефон, он позвонил жене, вот она.

— Сожалею, — на лбу капитана появилась глубокая горизонтальная морщина. — Ваш муж скончался.

Вера схватила Люську за руку.

— Я вам не верю! Вы врете, Кирилл не мог умереть, мы с ним разговаривали по телефону.

— Простите, — подала голос Люська. — Можно Вере взглянуть на... возможно, произошла ошибка.

— Прошу вас, — обратился капитан к Глухаревой, — проходите в дом.

— Я пойду только с ней, — Вера крепче сжала ладонь Люськи.

— Проходите.

В просторной, но захлавленной комнатке витали ароматы кислых щей и масляной краски. В центре комнаты стоял стол, заваленный старыми газетами и пустыми банками из-под консервов. У стены стоял продавленный диван, возле которого лежал Кирилл.

Он лежал на боку. Глаза слегка приоткрыты, правая рука вытянута вперед, ноги поджаты в коленях.

— Это Кирилл, — ответила Люська.

— Его полное имя? — спросил капитан.

— Глухарев Кирилл Сергеевич, — машинально проговорила Вера. — Глухарев... Кирилл... Сергеевич...

Лишившись чувств, Вера мешком рухнула на пол. Ее перенесли в соседнюю комнатушку, уложили на кровать и позвали врача.

Люська стояла в дверном проеме, не в силах поверить, что Кирилла Глухарева нет в живых. Но что случилось? Как он оказался в этом доме? Где его машина и от чего Кирилл умер?

Задав вопрос капитану, она услышала:

— Потерял слишком много крови.

— На него напали?

— Вы хорошо были знакомы с покойным?

— Вера — моя дальняя родственница. Троюродная сестра.

— Понадобится ваша помощь, пройдемте.

Взглянув последний раз на Кирилла, Люська последовала за капитаном.

Хозяин дома, Макар Федорович, в очередной раз заявил:

— Не виноват я ни в чем. Гражданин начальник, знать его не знаю.

— Андрей, займись, — капитан кивнул на Макара Федоровича и услышал вопль пришедшей в себя Веры.

— Кирилл! — звала она мужа. — Кирилл!

Люська побежала в комнату. Капитан ее окрикнул, но она не собиралась останавливаться. О каких разговорах сейчас может идти речь?.. В настоящий момент она должна быть рядом с Верой.

Но отвечать на многочисленные вопросы все равно пришлось. Когда Кирилла увезли, у Веры началась истерика. Ей сделали укол, снова положили ее на кровать, начали терзать вопросами.

— Кирилл не появлялся дома с пятницы, — говорила Вера, глядя в потолок. — Сегодня утром мы написали заявление, вы можете это проверить. В час ночи мне позвонил Кирилл. Просил срочно приехать, мы с Люськой сразу же рванули сюда. Люська моя троюродная сестра.

— Я уже в курсе. Адрес вам назвал муж?

— Нет, я разговаривала...

— Со мной! Со мной она разговаривала, — в комнате появился Макар Федорович. — Гражданин начальник, ну выпил я вечером лишнего, так я же

ни в чем не виноват! Чего ж теперь мне под статью идти? Парень-то сам помер. Он отключился, а потом помер. Я здесь ни при чем.

— Якубенко, мы это уже слышали. В отделении все запротоколируем, пока тебя никто ни в чем не обвиняет.

— Пока? А потом начнут? Я его впервые в жизни видел, товарищ начальник.

Лейтенант вывел Макара Федоровича из комнаты.

— Да, я с ним разговаривала, — подтвердила Вера. — Переписав адрес, попросила передать трубку Кириллу, но он потерял сознание, — Вера закрыла лицо руками. — Почему Кирилл потерял много крови?

— В него стреляли.

— Стреляли? Как стреляли?!

— Пуля попала в плечо, началось кровотечение. По словам врача, стреляли в вашего мужа дня три-четыре назад. Судя по всему, временами кровотечение прекращалось, затем открывалось снова. Он держался до последнего.

— Где машина Кирилла?

— Пока неизвестно.

— А пуля? Пуля прошла навылет или осталась в плече? — спросила Люська. — Ведь по ней можно определить...

— Уверяю вас, мы знаем свою работу, — перебил ее капитан. — И еще, я хотел бы переговорить с Верой Андреевной наедине.

Люська вышла. В коридоре стоял бледный Макар Федорович.

— На меня хотят труп повесить, — сообщил он ей. — Я их знаю: чтоб убийцу не искать, на Макара всех собак повесят. У!.. Ненавижу их!

— Якубенко! — в коридоре нарисовался лейтенант.

— Иду, товарищ начальник, я курнуть хотел. Нервишки разыгрались.

Домой вернулись в девять утра. Вера упала на кровать, плакала, потом уснула.

Три дня она ходила, как сомнамбула, а после похорон сказала:

— Они не найдут убийцу Кирилла. Не найдут, Люсь, я чувствую.

Люська промолчала.

***

— Мишк, ты? — раздался из-за закрытой двери хмельной голос.

— Макар Федорович, откройте, у меня к вам дело.

Дверь скрипнула, в проеме показалась голова хозяина дома. Осмотрев Люську, Макар Федорович погрозил ей пальцем.

— Чего надо, кто такая?

— Я приезжала к вам несколько дней назад, ночью. Тогда в доме было много полиции и...

— Вспомнил! — перебил Якубенко. — Ты жена того парня. Его вдова!

— Нет, я сестра вдовы.

— Они из меня козла отпущения хотят сделать. Сегодня опять к себе вызывали. Я им так, мол, и так, ничего не знаю, а они на мозг давят. Психологическая атака, мать их! Но меня так просто не расколоть, до последнего стоять буду. Они как мозгуют? Раз сидел, значит виновен. А я свой срок от звонка до звонка отмотал. Чистый на свободу вышел. Поняла, нет?

— Вы сидели?

— Сидел. Ну и что? По дурусти замели, залезли с приятелем на хату одного ханурика, пошуровать там хотели. А этот гад с дачи раньше времени приехал. Семь лет дали. Он же оттуда, — Макар Федорович ткнул указательным пальцем в небо.

— Откуда?

— Пост занимает солидный. А ты говоришь... Нам максимум трешка светила, а тут такое дело. Намотали соплей на кулак. А ты чего приехала?

— Поговорить с вами, — Люська достала из пакета бутылку коньяка. — Это вам.

Макар Федорович подарок оценил. Просияв, он посторонился и залебезил:

— В комнату ступай, я сейчас. На стул садись или с кресла шмотье скинь и туда падай.

Люська решила брать быка за рога. Попросив Якубенко в подробностях рассказать о событиях ночи, когда у него в доме появился Кирилл, она села на колченогий стул.

— Выпил я в тот вечер, — пустился в воспоминания Макар Федорович. — Сначала с Мишкой,

потом дома немного добавил. Разморило меня, спать захотелось. Обычно если в кровать пьяным лягу, просплю до самого утра — даже не сомневайся. А тогда лег, кручусь-верчусь, заснуть не могу. Башка еще загудела, в комнате жарко. Ворочаюсь, ругаюсь, и вдруг кто-то в дверь стучит. Думал, Мишка приперся, встал, открыл, а там парень еле живой стоит. У меня в коридоре свет слабый, не видно ничего. Я сначала не понял, что он в крови. В плечо его толкнул, а он хрясь — прямо на пол. Елки-палки, думаю, атас, что за парень, откуда он взялся? — Макар Федорович посмотрел на коньяк. — Глоточек бы сделать, горло смочить.

— Позже смочите, продолжайте.

— Ну, значит, спать я лег, а мне, блин, не спится.

— Подождите, как спать? Вы же уже Кириллу дверь открыли.

Якубенко вытаращил глаза.

— Уже открыл, да? Елки-палки, как быстро. Открыл, правильно. Он потом рухнул, я его толкаю, а парень спрашивает, есть ли у меня телефон. Как не быть, я ж не охламон, трубой обзавелся сразу, как только деньги появились. Он говорит, позвони жене, и номер диктует. А сам в комнату ползет. Там я и увидел, что он весь в крови. Позвонил, передал ему трубку, он с ней говорить начал, меня попросил адрес продиктовать и отключился.

— А «скорую» кто вызвал, вы?

— А то! Он еле дышит, хрипит, я сразу позвонил.

— И полицию?

— Не-е, им не звонил. Врачи вызвали.

— Кирилл больше не приходил в сознание?

— Как не приходил, приходил. «Скорая» еще не приехала, он глаза открыл, смотрит на меня и стоит. Я ему воды поднес. Отказался. И вдруг...

— Что?

Макар Федорович резко вскочил, обогнул стол, попытавшись схватить коньяк.

— Мы же договорились, — напомнила Люська.

— Помню-помню, с памятью у меня полный порядок. Любой день назови, я тебе его в подробностях распишу, елки-палки.

— Макар Федорович, что произошло дальше? Говорите!

Якубенко почесал подбородок.

— Жарко было, не спалось мне совсем... а тут стучит кто-то. И так напористо. Ну, думаю, сейчас выйду — руки пообрываю.

Люська откинулась на спинку стула.

— Вы вызвали «скорую» и, пока она ехала, поднесли Кириллу стакан с водой. Пить он отказался. Вспомнили?

— Угу.

— А потом вы сказали: «И вдруг...»

— Я так сказал? — удивился Якубенко.

— Вы! — заорала Люська.

— А-а, ну, все правильно. И вдруг он говорит...

Люська подалась вперед.

— ...там лежит девочка.

— Там лежит девочка? Вы уверены, что правильно расслышали?

— Зуб даю! Я еще нагнулся, спрашиваю: где там? А он на меня смотрит, но как будто не видит. И продолжает бормотать. Я тогда скумекал — в бреду парень. Когда «скорая» у калитки остановилась, он вздрогнул, на бок перевернулся и крикнул: «Наинка!» И все. Врачи зашли, парень уже преставился.

— Вы полиции об этом рассказывали?

Макар Федорович показал Люське фигу.

— Накося выкуси! Ничего я не знаю, ничего не видел, не слышал и с парнем тем не знаком. Злой я на них. На семь лет меня закрыли. Ни слова не скажу!

Опять эта таинственная Наина. Кто она? Почему Кирилл вспомнил о ней в последние минуты жизни, находясь в бреду? Неужели она произвела на Глухарева настолько сильное впечатление, что даже перед смертью он не мог думать ни о чем другом, кроме как о ней? И где, интересно, искать эту Наину?

От Макара Федоровича Люська поехала к Вере. Требовалось разложить имеющуюся информацию по полочкам, но для начала неплохо бы собрать мысли в кучу и призвать их к порядку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

Люська застала Веру за весьма странным занятием: разложив на полу газетные листы, она склеивала их скотчем.

— Что ты делаешь? — Люська подошла к закрытой балконной двери, хотела ее открыть, но Вера закричала:

— Не открывай дверь!

— Хорошо-хорошо, как скажешь; ты только не волнуйся.

Вера продолжила орудовать ножницами и скотчем. Понимая, что от свалившегося горя она могла съехать с катушек, Люська растерялась. Постояв с минуту возле Веры, села на корточки и ласково спросила:

— Вер, тебе помочь?

— Сама справлюсь, — последовал резкий ответ. — Уже немного осталось.

Все ясно — Вера сошла с ума. Что же теперь будет? Ее упекут в сумасшедший дом, начнут пичкать лекарствами, колоть уколы, и вскоре Глухарева превратится в растение.

— Вер, а что ты все-таки делаешь?

— Сама не видишь?

— Вижу, но не понимаю, для чего склеивать газету скотчем? И почему я не могу открыть балкон? В комнате душно, не хватает свежего воздуха. Может, ты приляжешь? Хочешь, я приготовлю тебе кофе или чай?

На секунду Вера оторвала взгляд от газеты и, подозрительно взглянув на Люську, обеспокоенно спросила:

— Почему ты разговариваешь со мной, как с душой?

— Я?! Что ты, тебе показалось, — Люська попыталась поднять Веру с пола. — Давай, пойдем, полежишь немного, тебе полегчает.

— Люсь, отстань, — Вера вскочила на ноги и покрутила пальцем у виска: — Ты перегрелась, что ли? Хотя в такую жару у всех шарики за ролики заходят. Не собираюсь я спать и кофе с чаем пить не буду. Надо успеть до двенадцати с газетой разобраться.

— В каком смысле разобраться?

— На окна ее приклеить, — ответила Вера. — Я всегда так делаю, когда на улице жара под сорок. Заклеиваю окна несколькими слоями газеты, сразу темно делается, свет не проникает, в комнате не так душно. Поэтому и балкон не открываю. Там днем как в парнике — дышать нечем.

Люська села на диван.

— Кошмар!

— Что с тобой?

— Подумала, ты с ума сошла. Сидишь на полу, газету клеиваешь, балкон не разрешила открыть. Фу!.. Прямо отлегло.

— Я на самом деле с ума сошла, — огорошила Вера. — После похорон Кирилла кажется, что у меня с головой проблемы начались. Ночью просыпаюсь от его голоса. Постоянно мерещится, что он со мной разговаривает, зовет куда-то. Ты знаешь, с одной стороны, вроде страшно, а с другой — я уже жду ночи, чтобы Кирилла услышать.

— Это нервы, со временем все устаканится, ты забудешь...

— Забуду кого, Кирилла? — взвизгнула Вера. — Как ты могла такое сказать?! Я никогда не забуду Кирилла, он со мной, рядом.

— Вер, я другое имела в виду, — пыталась оправдаться Люська, но Вера заплакала.

— Зачем нам нужно было встречаться, зачем мы полюбили друг друга? Два года прожили вместе, Люсь, два года — очень мало. Кому помешал Кирилл?

— Убийцу обязательно найдут.

Вера вздрогнула, подалась вперед, схватила ленту скотча и вновь села на пол. От Люськи не ускользнула резкая перемена в поведении сестры. Вера сжалась, слезы высохли, движения сделались нервными — руки слегка подрагивали.

— Конечно, можно было купить пленку для стекол, — сухо бросила Вера. — В прошлом году Кирилл покупал. Не знаю, или ему бракованная

досталась, или она вся такая фиговая, но от жары она нас не спасла. Газеты — совсем другое дело.

— Ты можешь оторваться на минуту от своих газет?

— Не могу! Надо успеть до двенадцати, пока парит не так сильно.

В комнате повисла пауза, Вера продолжала слой за слоем наклеивать газетные листы, Люська, откинувшись на спинку дивана, молча за ней наблюдала.

Наконец Вера не выдержала. Отбросив в сторону скотч и ножницы, она, не глядя на Люську, сказала:

— Незадолго до твоего прихода я вернулась от следователя.

— И?

— Они выяснили, кому принадлежит пистолет, из которого ранили Кирилла.

— И ты молчишь? Верка! Говори, кто стрелял в Кирилла?

— Кто в него стрелял, мне не известно, я только знаю, кому принадлежит оружие.

— Не совсем поняла, Вер.

— Сначала я не поверила, но ведь они все выяснили, узнали — ошибки быть не может. Пистолет принадлежит Романову Алексею Гавриловичу.

— Так.

— Романову! Алексею Гавриловичу. Люсь, это крестный отец Кирилла.

Сказать, что Люська была поражена, — значит не сказать ничего. С минуту они сканировали друг друга взглядом, потом Вера всхлипнула.

— У меня была похожая реакция, чуть в обморок не упала. Следовательно меня спрашивает, знаком ли мне Романов, а я сказать ничего не могу. Язык онемел.

— Но в итоге ты сказала?

— Пришлось, — вздохнула Вера. — Они бы и сами узнали.

— Офигеть!

— Люсь, но это бред. Алексей Гаврилович не мог стрелять в Кирилла. Он любил его, как родного сына.

— Любил, не любил, а ранили Кирилла из его оружия.

— У Алексея Гавриловича могли украсть пистолет. Исключаешь такую возможность?

— Посмотрим, что скажет сам Романов.

— Ничего он не скажет, — Вера отвернулась к окну. — Следовательно говорит, Романов исчез.

— То есть?

— Его нет дома. Испарился. Причем испарился внезапно. Люсь, скажи честно, ты что-нибудь понимаешь?

— У тебя есть адрес Романова?

— Да, мы с Кириллом были у него в гостях. Что ты задумала?

— Нам необходимо съездить домой к старику.

— Я же говорю, Алексей Гаврилович исчез.

— Зато не исчезли его соседи. У них, если пове-
зет, можно разжиться информацией.

— Она нам нужна?

— Она нам необходима! Вер, бросай свою газету, собирайся, и едем.

Поднявшись с пола, Вера в очередной раз всхлипнула, шмыгнула носом и не спеша вышла из комнаты.

...Соседка Романова — грузная Алла Евгеньевна — при виде Веры приветливо закивала:

— Я тебя помню, вы с Кириллом к Алексею Гавриловичу в феврале на день рождения приезжали.

— Приезжали, — подтвердила Вера. — А это Люся, моя сестра.

— Здравсти, — Алла Евгеньевна посмотрела на Люську, лукаво улыбнулась и сказала: — Мне кажется, я тебя где-то видела.

— Вряд ли.

— Ты в рекламе не снималась?

— К счастью, нет, я...

— Мы приехали к Алексею Гавриловичу, — перебила Люську Вера. — Его нет дома. Вы не в курсе, когда он появится?

Алла Евгеньевна расправила плечи, поправила на носу очки и почему-то шепотом произнесла:

— Тут такие страсти творятся, похлеще сериалов. Пропал Алексей Гаврилович-то, ага, пропал еще неделю назад. Ко мне участковый приходил, выводывал все про него: как, что, когда? Интересовался каждой мелочью. Кстати, участковый и про Кирюшку спрашивал. Я, конечно, сказала, что он крестником Романову доводился. Снова вопросы пошли: как часто приезжал, когда последний раз

был, не ругались ли... Сказать честно, перетрусил я тогда.

— Пропал, — повторила Люська. — Алла Евгеньевна, а вы с соседом тесно общались?

— Как тебе сказать... Чужими друг дружке не были. Алексей уже в возрасте, болеет часто, врачи от него не вылезают. Сам хоть и ходит в магазин, в аптеку, но не всегда здоровье позволяет на улицу выходить. Выручаю по-соседски: когда хлеба куплю, когда лекарства какие. А что делать, от старости никто не застрахован. Я вот тоже вроде хорохорюсь, а как в поликлинику придешь, на сто лет себя почувствуешь.

— Вы его когда последний раз видели?

— Накануне исчезновения. Из магазина вечером возвращалась, он мусор выносил. Поздоровались, поговорили минут пять и разошлись по квартирам.

— Подождите, — Люська тряхнула головой. — Почему вы решили, что Алексей Гаврилович пропал на следующий день?

— Мне Маринка звонила, спрашивала, куда наш дедуля затерялся. Я Марине сказала: утопал, небось, в магазин. Она ждать не стала, тем более укол последний был, ушла. Марина — наша медсестра, уколы Романову на дому делала.

— Не было мыслей, что ему стало плохо и он не может открыть дверь? — спросила Вера.

— Не подумала тогда об этом. А когда полиция приехала, заволновалась. Они дверь взломали. Да! Меня в качестве понятой пригласили. Зашли

мы, посмотрели, там и нет никого. Думай, гадай, куда он упорхнул... А главное, с какой стати полиция Алексеем интересуется?

— Значит, ничего, — утвердительно заявила Вера. — Ничего мы не узнали.

— А что узнать планировали? — Алле Евгеньевне настолько хотелось помочь, что она вдруг вспомнила то, о чем забыла рассказать и полиции, и участковому. — Слушайте, вы к Игорю зайдите. Сама собиралась к нему заскочить, да замоталась совсем. Только сейчас сообразила. Игорь в соседнем подъезде живет, он с Гавриловичем дружит, машину часто у него одалживает. Алексей года три как ездить перестал, а чтобы машина совсем не проржавела, разрешал Игорю пользоваться. Когда я вечером с ним разговаривала, машина точно у подъезда стояла. Утром ее уже не было. Точно вам говорю! Лешкина иномарка на месте Романовского драндулета стояла. Как же я забыть могла... Получается, либо машину опять Игорь взял, либо Алексей сам уехал. Хотя маловероятно, что за руль сел... А там кто его знает.

Люська с Верой уже собирались вызвать лифт, как вдруг Алла Евгеньевна сказала:

— Жаль, у меня Галиного телефона нет. Возможно, Алексей к ней поехал. В последнее время он частенько порывался за город смотаться. Говорил, воздух там чистый и жара переносится легче.

— Кто такая Галина?

— Жена его бывшая. Ты не знала, что он женат был? — Алла Евгеньевна вопросительно посмотрела на Веру.

— Впервые слышу.

— Он с Галкой развелся семь лет назад. Но мосты не сожгли, вроде остались друзьями, перезванивались. Галка участок его купить собиралась, Алексей не торопился с сотками расставаться. Если рассудить, зачем ему сотки? Когда помоложе был, другое дело — удобрял, копал, ухаживал, а теперь... Участок, наверное, бурьяном зарос.

— Не пойму, как жена хотела купить у мужа участок?

— Участки в одном садовом товариществе: у Алексея свои шесть соток, у Галки свои. Места, конечно, хорошие, что и говорить. Я раза три к Алексею приезжала, приглашал смородину собирать. Кусты огромные, ягода крупная, сладкая. По пять ведер привозила!

— Полиция в курсе, что у Романова есть дача?

Алла Евгеньевна смутилась.

— Забыла сказать. Переволновалась я.

— А Галину упоминали?

— Они не спрашивали, чего я буду сама навязываться.

Попросив Аллу Евгеньевну написать, как добраться до садовых участков, Люська заметила, как у Веры задрожала нижняя губа. Когда они вышли на улицу, Вера неожиданно заявила:

— Зачем нам на дачу тащиться и с женой его разговаривать?

— Вдруг Романов за городом.

— Не верю! Из его пистолета стреляли в Кирилла, значит, пистолет был похищен из квартиры. Очень сомневаюсь, что Романов будет отдыхать на даче.

— Твои варианты?

— Давай зайдем к Игорю, узнаем про машину, — Вера задумалась. — Странно, Кирилл не говорил, что Алексей Гаврилович был женат.

— Не вижу ничего странного. Не интересовалась же ты личной жизнью старика. Не надо сейчас заострять на этом внимание. Пошли, Игорь живет в соседнем подъезде.

— У Алексея Гавриловича не было детей, — тараторила Вера, семеня за Люськой. — Это факт! Я однажды спросила у Кирилла, кому после смерти Романова достанется его квартира.

— Что ответил Кирилл?

— Сказал, кроме него, у Алексея Гавриловича нет родни. Про жену ни слова.

— Она бывшая жена.

— Но и дачу Кирилл не упоминал.

— Вер, — Люська остановилась у лифта, — тебя сейчас интересует дача Романова или сам Романов?

— Прости, это все жара! Туго соображаю, постоянно хочется спать. Ненавижу лето!

Игорь Лобанов, а точнее Игорь Львович — ему уже перевалило за шестьдесят — сильно удивился, увидев на пороге девушек.

— Да, Алексей давал мне машину, в чем проблема-то? — с вызовом спросил он.

— Алексей Гаврилович — крестный отец моего мужа. Мы подумали, вам известно, где он сейчас. Игорь Львович пожал плечами.

— Я не знаю.

— А его машина, она случайно не у вас?

— У меня. Алексей разрешил взять на две недели, у нас уговор был, все чин чинном.

— Когда именно вы договаривались?

— Так, дайте-ка подумать. Дней восемь назад. Нет, девять дней назад я Алексею позвонил. Мы с женой утром на дачу собирались, кое-что перевезти надо было. Я у Алексея ключи попросил.

— Вы разговаривали вечером?

— Да... начало одиннадцатого было. Жена все гудела, не звони вечером, старик спит. Ага, как же, спал он, с гостями рано не уснешь.

— У Романова были гости?

— Были! — хмыкнул Игорь Львович. — Он мне по телефону говорит, машину дам, а за ключами завтра приходи. Ладно, думаю, завтра так завтра. Через пять минут перезванивает и кричит в трубку, дуй ко мне, ключи бери. Я пошел. Правда, вышел не сразу, чай допил.

— Избавьте нас от подробностей, — неожиданно зло бросила Вера.

— Вер, ты чего, тише.

— Вы тянете резину, — набросилась Вера на Лобанова. — Сколько можно ходить вокруг да около?

Позвонил, попросил, перезвонил... Переходите к сути.

Игорь Львович откашлялся.

— Я вообще не обязан с вами разговаривать, могу дверью хлопнуть — и привет.

— Извините ее, — сказала Люська.

— Я сорвалась, — ответила Верка. — Не сердитесь.

— От жары у многих крышу сносит, — миролюбиво закивал Лобанов. — Вышел я, значит, минут через десять, к подъезду Романова подошел, и тут меня девчонка окликнула. Вы не дядя Игорь, спрашивает. Я киваю, а она улыбается и ключи мне от машины протягивает. Берите, говорит, вам Алексей Гаврилович просил передать. Я взял и домой вернулся.

— Как она выглядела? Возраст, приметы, вы запомнили? — спросила Вера.

— Да какие приметы, ну что вы говорите? Ребенок есть ребенок. Возраст... Лет семь-восемь. Одет в белое платье, на ногах красные сандалии — их я хорошо запомнил.

— Больше вы с Романовым не созванивались?

— Куда там, замотался, не до звонков было. Мы сейчас на даче летнюю кухню строим — дел невпроворот.

— Игорь Львович, случайно не помните, когда возвращались домой, девочка осталась у подъезда или тоже ушла?

— Она ушла, — быстро ответил Лобанов. — На полпути я обернулся, девчушка в подъезде

скрылась. Мне кажется, к Алексею родственники дальние приехали, а тут я со своей просьбой нарисовался. Отказать неудобно, позвать в квартиру, наверное, не захотел, попросил девочку ключи вынести.

Люська переглянулась с Верой.

— Отправить ребенка с ключами от машины на улицу в начале одиннадцатого вечера? Верится с трудом.

— Но ее ведь отправили на улицу с ключами, — возразил Игорь Львович.

— В том-то и дело, — Люська начала спускаться вниз по лестнице. — Отправили. Вопрос в другом, кто отправил и почему?

— Чертовщина какая-то получается, — бормотала Вера, перескакивая через две ступеньки. — Что мы узнали? Ровным счетом ничего. Зря прокатились. Зато я вся мокрая, сама себе противна.

— Как зря, Вер, мы узнали не так уж и мало.

— Например?

— Во-первых, стало известно, что у Романова была жена Галина. И у нас есть адрес ее дачи. Во-вторых, Алексей Гаврилович по каким-то причинам не смог лично отдать приятелю ключи от машины. В-третьих, на горизонте появилась неизвестная девочка в белом платье.

— Брось, Люсь, при чем здесь девочка? Романов мог попросить соседского ребенка спуститься вниз и отдать ключи.

— Так я и поверила. Ты сама себя слышишь? Нет? Представь на минуту, что у тебя есть семилетняя дочь. Время позднее. К тебе сосед звонит и просит, чтобы дочь взяла ключи и вынесла их на улицу. Вер, какая мать отпустит ребенка одного? Ты бы сама согласилась ключи передать, а ребенка дома оставила бы.

— Ой, как ты любишь все усложнять, Люська. Ну, допустим, мы имеем то, что имеем, а как дальше действовать?

— Первым делом необходимо поехать в садовое товарищество и переговорить с Галиной. Кстати, как ее отчество? — Люська достала из сумочки бумажку и прочитала вслух: — Бекетова Галина Валентиновна. Вот к ней и отправимся. Завтра, — добавила она спустя пару секунд.

— Нет-нет, — затрясла головой Вера. — Ты можешь ехать, а я на такие подвиги не способна. На улице жарища, врачи рекомендуют по возможности не выходить из дома. Сейчас битум плавится, для здоровья это вредно, надышишься такой гадостью — и коньки раньше времени отбросишь. Нет, Люсь, я никуда не поеду. Давай подождем чуток, жара спадет, и тогда...

— Тогда поеду одна, — перебила Люська. — Нельзя терять время. Надо ковать железо, пока оно горячо.

— Уж куда горячее, — скривилась Вера, достав из сумочки солнцезащитные очки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Адрес и маршрут Алла Евгеньевна написала достаточно подробно, проблем с поиском нужного садового товарищества у Люськи не возникло. Минував распахнутые настежь ворота, она оказалась на дороге с многочисленными выбоинами и колдобинами. В некоторых местах выбоины были засыпаны асфальтовой крошкой, кое-где — крупным щебнем. Дорога выглядела удручающе.

Навстречу шла женщина с двумя бутылками воды. Поравнявшись с Люськой, она остановилась, поставила бутылки на землю и, вытерев лоб ладонью, спросила:

— Ищете кого?

— Участок Романова. Алексея Гавриловича.

— Идете вы правильно, Алексей Гаврилович на нашей улице живет, только нет его на даче. Болеет, в городе живет.

— А мне он сказал, что на даче будет, адрес дал.

— Когда ж он вам такое сказал?

— Мы на днях созванивались, — врала Люська.

— Ну, не знаю, — женщина пожала плечами, подхватила бутылки и неуверенно проговорила: — Пошли поглядим, может, Гаврилович на дачу приехал.

Минуту спустя Люська смотрела на заросший травой участок и вытоптанную узкую тропинку — она брала начало от калитки, затем сворачивала за угол дома.

— Нет Гавриловича, — сказала женщина. — Калитка закрыта, недопоняли вы друг друга. Ты ему позвони, спроси, где он.

— А как же тропинка? — спросила Люська.

— Тропинку Галька протоптала. Она у Гавриловича перед крыльцом три гряды под огурцы сделала. Своих-то мало, — засмеялась женщина. — Я ей говорила, куда тебе, у самой три грядки с огурцами, зачем еще столько же? Упрямая, все ей мало. Завистливая Галька. Так-то добрая, и в гости пригласит, и на стол вкусок выставит, а с завистью ничего сделать не могла. Снег зимой будешь просить — не даст. Царствие ей небесное, — женщина перекрестилась.

Люська подпрыгнула.

— Она умерла?

— Неделю назад.

— Болела?

— Что ты! Здоровая была, как кобылица, видела бы ты, как на участке пашет. С утра до вечера — как проклятая. Ей все нипочем: дождь идет, она дождевик наденет — и на грядки, солнце палит — ерунда. Целину у Гавриловича под грядки перекопала.

— От чего тогда умерла?

— Несчастный случай. В баню пошла, поскользнулась, ударилась. Ее в предбаннике Клара утром обнаружила. Вот так, Гаврилович все болеет, каждый раз новые болячки врачи находят, а до сих пор жив. А Галька на двадцать лет моложе была.

— Родственники у Галины есть?

— Ни души. Разве что с Гавриловичем время от времени общалась. Детей нет, братьев-сестер тоже, родители давно на кладбище. Одна жила, оттого, наверное, и завистью мучилась — одинокий человек чувствует себя ущербным. Галька часто себя жалела. Придет вечером, сядет — и давай причитать, мол, у всех все есть, а я, бедная-несчастливая, ничего не имею. Жалела себя часами, такая натура. Ой, прости Господи, что-то я разговорилась.

— Кто же ее похоронил? — спросила Люська только для того, чтобы продолжить беседу.

— Государство, — ответила женщина, а после короткой паузы неуверенно добавила: — Я так думаю. Несчастливая у нее судьба, смолоду все наперекосяк пошло. А родила бы от Володьки сына или дочь, не одна бы жила. Пил Володька, потом в тюрьму загремел, там через два года умер. Гальке сорока не было, когда вдовой стала.

— А Алексей Гаврилович?

— Алексей Гаврилович утешал вдову. Утешал-утешал — и мужем стал. Во как!

— Как пить хочется, — сказала Люська.

— Пойдем ко мне, компота холодного налью.

На веранде Татьяны Антоновны было прохладно и пахло смородиной. Выпив стакан холодного компота, Люська улыбнулась.

— А можно еще? — попросила она.

— На здоровье.

— Татьяна Антоновна, почему муж Галины получил срок?

— Пьяный за руль сел, человека сбил. На-смерть! Галька чуть с ума не сошла. На Светку вообще смотреть было страшно. Почернела, постарела. Оно и понятно — единственная дочь под колесами погибла. Володька Наинку сбил, Светкину дочку.

Люська сжала пустой стакан.

— Как вы сказали, Наинку?

— Наинку, — шепотом повторила Татьяна Антоновна. — Ей тогда восемь лет исполнилось, они с матерью в гости к бабке на лето приехали. Недалеко от наших участков деревенька есть, там Светка с Наинкой и гостили.

— Наина, — Люська уставилась на Татьяну Антоновну. — Он сказал, что здесь Наина.

— Кто сказал?

— Не важно, — Люська начала растирать виски кончиками указательных пальцев.

— Компотику еще налить?

— Нет, спасибо. Татьяна Антоновна, где сейчас мать Наины, известно?

— Через год после гибели дочери она покончила с собой. Вроде вены перерезала.

Голова пошла кругом. Обилие информации сыграло с Люськой злую шутку. Она пыталась сосредоточиться на чем-нибудь конкретном — тщетно.

Теперь известно, кто такая Наина. Восемилетняя девочка, которую насмерть сбил пьяный муж Галины Валентиновны. Его посадили, но сидел он недолго, через два года умер. Галина вышла замуж за Романова, старик пропал. Галина Валентиновна умерла от несчастного случая. А ко всему прочему крестник Романова был ранен из его пистолета и впоследствии скончался от потери крови. В разговоре с Левкой Кирилл упомянул Наину. Напрашивается вывод: исчезновение Романова, смерть Кирилла и гибель Галины Валентиновны связаны между собой невидимыми нитями.

Стоп! Люська покрылась липким потом. Игорь Львович сказал, ключи от машины ему передала маленькая девочка. А что если... Люська поднесла ко рту ладонь.

Наина — вот ключ к разгадке. Необходимо выяснить, что имел в виду Кирилл, заявив: «Не могу сейчас говорить. Здесь Наинка». Кем была та девочка в белом платье и в красных сандалиях, встретившая Игоря Львовича у подъезда Романова? И наконец, что в действительности произошло неделю назад в бане Галины Валентиновны? Имел место несчастный случай или же...

— Татьяна Антоновна, вы сказали, Галину обнаружил Клара. Она кто?

— Они с Галей дружили. Дача Клары в соседнем садовом товариществе. Если от нас идти, свернуть надо, не доходя метров сто до леса. Минуты три по дороге — и упрешься аккуратно в их ворота. Там спросить у любого можно, как Клару найти. С Галькой они тесно общались, — Татьяна Антоновна в очередной раз понизила голос. — Мне даже кажется, Галина взяла Клару в оборот.

— Даже так?

— Утверждать не могу, но люди говорят...

— Кто говорит? — перебила Люська.

— Люди.

— А можно поконкретнее?

Татьяна Антоновна замешкалась.

— Райка говорила, Галя в последнее время эксплуатировала Клару. Клара женщина безвольная, легко попадает под чужое влияние, своего мнения не имеет. Галька этим пользовалась. Сама видела у нее три новых платья и сарафан.

— При чем здесь платья?

— Клара портниха, людей обшивает — тем и живет. Галька ей на шею села, заставляла для себя бесплатно шить. Клара не умеет говорить нет, вот и ишачила на Галину. Повторюсь, детали мне не известны, зря на человека наговаривать не хочу. Но платья и сарафан я у Гальки видела. Ясно же, Клары работа.

— Она могла ей заплатить, — возразила Люська.

— Галька, заплатить? Не смей меня. Она до денег жаднучей была. Бесплатно Кларка ее обшивала, не сомневайся.

... Дом Клары Стрельцовой был заперт на большой замок. Пришлось возвращаться в город. Но поездка не прошла впустую, Люська разбогатела на весьма важную и полезную информацию.

***

— Люсико, девочка, с добрым утром, — пропела Юлия Станиславовна, провальсировав по спальне.

— Доброе утро.

— Как спалось?

— Хорошо.

— Не жарко?

— У меня кондиционер.

— Ну да, верно. Ты куда-то собираешься, да?

— Надо отъехать на пару часиков, — уклончиво ответила Люська, отметив, что Юлия Станиславовна вся светится. — Я смотрю, у вас сегодня хорошее настроение.

— Хорошее? — наигранно удивилась Юлия Станиславовна. — Тебе показалось. Хотя повод есть.

— Стойте, ничего не говорите, мне кажется, я догадалась, в чем дело. Вы с Дианой пришли к единому мнению и решили, какую стиралку купить, угадала?

Взяв в руки статуэтку фарфорового тигренка, Юлия Станиславовна хмыкнула:

— Не угадала, ни к чему мы не пришли. Твоя бабушка — редкостная зануда, ее невозможно переспорить, упертая до безумия. Это, во-первых. А во-вторых, мы с Диди, устав от бесконечных

споров, пошли на перемирие и приняли соломоново решение.

— Какое именно?

— Люсико, я выбрала одну из лучших моделей стиральных машин.

— И в чем проблема?

Юлия Станиславовна дотронулась до мочки уха.

— Дело в том что Диди тоже сделала свой выбор, и ее выбор несколько отличается от моего.

— Юлия Станиславовна, опять свистопляска начнется, вы будете гнуть свою линию, Диана свою. Имейте в виду, я долго этого не выдержу, рано или поздно у меня сдадут нервы.

— Девочка, не нагнетай обстановку, ты же не знаешь, зачем я к тебе пришла. Именно для того, чтобы избавить всех нас в дальнейшем от ссор и перепалок, мы проведем тайное голосование.

— По поводу?

— Вот смотри, — Юлия Станиславовна достала из кармана сложенные вчетверо листы формата А-4. — Стиральная машина под номером один нравится мне. На номер два — боже, какая безвкусица — положила глаз Диди. У тебя есть ровно пятнадцать минут, чтобы внимательно ознакомиться со всеми характеристиками и сделать правильный выбор. А через пятнадцать минут мы с Диди будем ждать тебя на кухне. Каждый поставит на бумаге цифру, и...

— И начнется подсчет голосов, — закончила фразу Люська.

— Верно. Все честно, все справедливо. Та стиральная машина, которая наберет большее количество голосов — то есть два — и будет куплена нами в ближайшее время. Мудрое решение?

Люська пожала плечами.

— Во всяком случае, это быстро.

Юлия Станиславовна открыла дверь и махнула Люське рукой.

— Читай внимательно. Помни: твой голос решающий.

Уставившись в отпечатанные листы, Люська начала водить глазами по ровным строчкам. И зачем Юлия Станиславовна впутала ее в эту авантюру? Люське вообще плевать, какой стиралке в итоге отдадут предпочтение. В настоящий момент есть более важные дела, чем выбор машинки. Но задний ход давать поздно, придется сосредоточиться.

Минуты три спустя в спальню снова прошмыгнула Юлия Станиславовна.

— Пятнадцать минут еще не прошло, — буркнула Люська.

— Знаю. У меня к тебе просьба. Люсико, ты же слышала о женской солидарности, да?

— Куда вы клоните?

— Диди не видит ничего дальше своего носа. Она и дома-то почти не бывает. Ну скажи, кто у вас занимается стиркой?

— В основном вещи в стиралку закидываю я.

— Вот! Исходя из этого, ты должна проголосовать за стиральную машину под номером один.

— Юлия Станиславовна, это не совсем честно.

— Брось, о нашей маленькой женской хитрости не узнает ни одна живая душа. Люсико, ты же знаешь, как я тебя люблю. Ангел мой, пойдя мне на уступку. В конце концов, я из принципа должна утереть нос Диди. Вспомни о женской солидарности.

— Диана тоже женщина.

Юлия Станиславовна отмахнулась.

— Она не женщина, она жертва божественного образа жизни. Уперлась рогом — овца крашеная. Смолоду такой бодливой была, привыкла, чтобы все по ее было. Знаешь, сколько она мне нервов испортила.

Люська молчала.

— Люсико, молчание можно воспринимать как знак согласия?

Люська отбросила листы в сторону.

— Учтите, если после голосования вы снова начнете спорить, я за себя не ручаюсь.

— Люсико, ты прелесть.

— И еще у меня условие.

— Говори.

— Не называйте меня Люсико, договорились?

— Договорились, мой ангел, — Юлия Станиславовна поцеловала Люську в щеку и на цыпочках подошла к двери: — Я уже ушла, меня здесь нет.

Не успела Люська перевести дух, в спальню, разумеется, без стука, зачем лишний раз себя утруждать — прошла Диана.

— Люсьена, детка, доброе утро. Давно проснулась? Выглядишь сегодня восхитительно, хорошо выспалась?

— Диан...

— Готовишься к голосованию? — перебила Диана.

— Готовлюсь.

— Наверное, трудно сделать правильный выбор?

— Трудновато.

— Детка, но ты ведь постарайся?

— Диан, зачем ты пришла? — спросила Люська, стараясь скрыть улыбку.

— Детка, — театрально вздохнула Диана, смахнув со лба челку. — Хотела напомнить, что мы с тобой состоим в кровном родстве. Ты моя родная внучка, дочь моей единственной дочери.

— Ты думала, я об этом забыла?

— Люсьена, если ты меня уважаешь и считаешь близким тебе человеком, то будь другом, проголосуй за стиральную машину под номером два.

— Настраиваешь меня против Юлии Станиславовны?

— Боже сохрани! Просто хочется утереть Юльке нос!

Люська задумалась. И как поступить? Юлия Станиславовна жаждет утереть нос Диане, Диана мечтает проделать ту же процедуру с сестрой. И обе надеются на помощь и поддержку Люськи.

— Люсьена, я могу на тебя рассчитывать?

— Хорошо, я сделаю как ты просишь.

— Что ни говори, а кровное родство превышает всего.

Вскоре Диана возвестила о начале тайного — уже смешно — голосования. Прежде чем вооружиться авторучкой, Люська выдвинула свое условие.

— Голоса начнете подсчитывать сразу, как только я выйду из квартиры. Не хочу присутствовать при этой процедуре.

— Как скажешь, Люсико, — закивала Юлия Станиславовна.

— Конечно-конечно, детка, — улыбалась Диана.

Первой бумажку на стол положила Диана, затем Юлия Станиславовна. Люська бросила скомканный клочок последней.

— Я убегаю, — крикнула она, схватив с комода сумочку. — Не ссорьтесь.

После того как захлопнулась входная дверь, Диана с видом победительницы начала подсчет голосов.

— Номер два! — с выражением произнесла она, помахав перед лицом сестры своей бумажкой.

— Я вижу, — смеялась Юлия Станиславовна. — Продолжай подсчет, дорогая.

— Номер один, — буркнула Диана, развернув лист сестры.

— Люсин голос решающий, — Юлия Станиславовна уже предвкушала победу.

— Да, — кивала Диана. — Решающий. Люсьена умница. Уверена, она приняла правильное решение.

— Не сомневаюсь.

— А я тем более.

— Посмотрим.

— Поглядим.

— Может, ты уже возьмешь ее бумагу?

Диана приготовилась прокричать «Номер два! Победила справедливость», но на лице застыла маска недоумения.

— Ну что, — хихикала Юлия Станиславовна, — какова воля твоей умной внучки?

Диана протянула сестре Люськин листок.

«Я вас люблю. Не скандальте. Вы же родные сестры!»

— И ни слова о стиральной машине, — вздохнула Юлия Станиславовна.

— Ни словечка, — согласилась Диана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НОЧНАЯ ПОЕЗДКА

Стук в дверь заставил Клару Юрьевну вздрогнуть. Поерзав на диване, она прислушалась. Стук повторился — на этот раз стучали громче, настойчивее.

— Кто? — крикнула Стрельцова, продолжая сидеть на диване.

— Мне нужна Клара Юрьевна.

Посмотрев на часы, Клара Юрьевна подошла к двери, но открывать не торопилась.

— Зачем я вам понадобилась? — спросила она, коснувшись дверной ручки.

— Откройте, я объясню.

Клара Юрьевна щелкнула щеколдой, приоткрыла дверь и повторила вопрос:

— Зачем я вам понадобилась?

— Клара Юрьевна, меня зовут Люся. Я приезжала к Галине Валентиновне...

Договорить Люська не успела, Клара Юрьевна хлопнула дверью и лягнула задвижкой.

— Уходите! Я не буду с вами разговаривать. Я ничего не знаю, оставьте меня в покое.

Напрасно Люська пыталась доказать Стрельцовой, что пришла с миром — Клара Юрьевна была непреклонна.

Устав топтаться на пороге, Люська спустилась с крыльца, огляделась по сторонам и, заметив возле яблони сбитый из досок столик, направилась к нему.

— Не сидите здесь, не сидите, — кричала с террасы Клара Юрьевна. — Все равно ничего не высидите.

Люська на крики не реагировала из принципа. Интересно, пронеслось в голове, полицию она не вызовет? Этот вариант нельзя исключать. Правда, шестое чувство подсказывало — прибегать к радикальным мерам Клара Юрьевна не будет.

Прошло минут пятнадцать, Люська вспотела. Не было даже намека на легкий ветерок. Полный штиль. Может, плюнуть и вернуться домой? Нет, взбунтовался внутренний голос, зря, что ли, на дорогу больше двух часов потратила? Сиди, Люська, и жди. Что-нибудь обязательно произойдет.

Спустя час, когда Люська уже была готова вскочить с опостылевшей скамейки и выбежать за калитку, на крыльце появилась Клара Юрьевна.

— Эй, — позвала она. — О чем поговорить хотели?

— О Галине Валентиновне, — Люська подошла к перепуганной Стрельцовой. — Вы чего-то боитесь?

— Не чего-то, а кого-то. Который день вся на нервах. Еще Галя снится постоянно.

— Не надо обращать внимания на сны.

— Легко советовать, ты не была в моей шкуре.

— Что у вас стряслось?

— Галина умерла, я ее обнаружила.

— Знаю, мне рассказывали, поэтому я и пришла.

Хочу узнать подробности.

— Зачем тебе Галя понадобилась?

— Необходимо было поговорить об одном человеке.

— О ком?

— О Кирилле Глухарева.

Клара Юрьевна нахмурилась.

— Никогда о таком не слышала.

— Скорее всего, его знала Галина Валентиновна. Кирилл — крестник ее бывшего мужа, Алексея Гавриловича.

— А я-то чем могу помочь?

— Расскажите, как вы обнаружили... — Люська запнулась. — Галину Валентиновну.

Клара Юрьевна посмотрела на Люську, затем перевела взгляд в сторону калитки, громко вскрикнула и, упав на землю, разрыдалась.

Подобной реакции Люська не ожидала. Растерявшись, она села на корточки, попытавшись поднять Стрельцову. Куда там, Клара Юрьевна была кулаком по земле и причитала:

— Они меня убьют! Теперь они меня убьют!

Резко поднявшись — так, что на мгновение в глазах потемнело — Люська бросилась в дом. Забежав на террасу, отыскала глазами чайник, схватила чашку и вернулась на улицу.

— Клара Юрьевна, выпейте.

— Что это?

— Вода.

— Они могут меня убить!

— Кто они?

Взгляд Клары Юрьевны сделался безумным.

— Если ты пришла от них, — прохрипела она, — Бог тебя накажет. Я за всю жизнь мухи не обидела, все заповеди соблюдала. За что мне такое испытание на старости лет?

— Не такая вы старая, — ляпнула Люська.

— Помоги подняться, дай руку. Рассказав тебе правду, я могу рассчитывать на помощь? — спросила Клара Юрьевна, опираясь на руку Люськи.

— Какого рода помощь?

— Поможешь мне сохранить жизнь?

Не зная, что ответить, Люська кивнула.

— Давай сядем. Я все скажу. Только не перебивай. Тебя интересует смерть Галины? Я знаю... Я многое знаю... Не перебивай, — повторила Клара Юрьевна.

***

В начале первого ночи позвонил телефон, на экране появилось «Галина». Перепугавшись, Клара Юрьевна перепутала кнопки, сбросила вызов. Десять секунд спустя звонок повторился.

— Галя, что случилось? — вместо приветствия закричала Клара Юрьевна.

— Клара, — шептала Галина Валентиновна, — она пришла ко мне.

— О ком ты говоришь?

— Наина пришла ко мне.

— Какая Наина, Галя?! Что у тебя происходит?

— Она просится в дом, ей холодно на улице, я ее впускаю. Только ты тоже приходи. Приходи прямо сейчас.

— Галь, страшно ночью идти.

— Клара, пожалуйста, я ее боюсь.

В трубке слышались гудки. Являясь от природы жуткой трусихой, Клара Юрьевна запаниковала. Выйти из дома страшно, не выйти... кто знает, какая беда у Гальки приключилась. Что за Наина в гости пришла на ночь глядя, и почему ей холодно? Как вообще может быть холодно, когда на улице двадцать три градуса? Нет, определенно, идти надо.

На участке Галины Валентиновны Клара Юрьевна появилась спустя пятнадцать минут после телефонного разговора. В комнате на первом этаже и на кухне горел свет. Входная дверь открыта, Клара Юрьевна прошла на веранду.

— Галя, я здесь.

Никто не отвечал.

— Галина, я пришла. Ты где?

Снова тишина. Клара Юрьевна заглянула в комнату, затем на кухню. Никого.

На улице она увидела тусклый свет, просачивающийся сквозь приоткрытую дверь в предбанник. Пришлось идти туда. Толкнув дверь, Клара Юрьевна вздрогнула. Галина Валентиновна лежала на полу, прерывисто дышала, сжимая кулак правой руки.

— Галя, что с тобой?!

— Клара, — прошептала Галина Валентиновна. — Возьми в моей сумке ключи от квартиры. Поезжай туда немедленно!

— Галя, я вызываю «скорую».

— Подожди, — Галина Валентиновна пыталась привстать, но не смогла. — На кухне... Он лежит на кухне, в вентиляционном отверстии. Сними крышку, возьми и...

Галина Валентиновна начала задыхаться. Клара Юрьевна нажимала трясущимися пальцами клавиши, попадая не на те цифры.

— Клара, бери ключи. В вентиляционном отверстии... На кухне, — из последних сил выкрикнула Галина Валентиновна.

— Кто к тебе приходил? Говори!

— Наина... Но я ничего не сказала... Ничего!

В этот момент Галина Валентиновна глубоко вздохнула, подалась вперед и умерла. Из рук Клары Юрьевны выпала трубка. Только сейчас она обратила внимание, что Галина Валентиновна лежит возле тумбочки, угол которой испачкан кровью.

Упала и ударилась? Толкнули? Убили? Мысли ураганом проносились в голове, пока Клара Юрьевна бежала в дом подружки за связкой ключей.

Зажав в руке ключи и не подумав, что необходимо вызвать полицию, Клара Юрьевна с ужасом и содроганием представила, что ей предстоит ехать в город. Она вызвала такси. Через полтора часа Клара Юрьевна вышла из лифта. От двери Галины Валентиновны отскочил высокий мужчина. Спешно

он начал спускаться вниз. На пролете его ждал второй верзил.

Дверь в квартиру оказалась открытой. Едва внизу стихли шаги, Клара Юрьевна забежала в прихожую, включила свет и закрыла дверь на два имеющихся замка и задвижку.

В прихожей все было перевернуто с ног на голову. В комнатах бедлам, на балконе распорото старенькое кресло, бледно-зеленый палас был обильно обсыпан кусочками поролон.

Клара Юрьевна поняла: она попала в серьезную передрыгу. Незадолго до гибели к Галине приходила некая Наина, потом удар, просьба Бекетовой взять что-то из вентиляционной трубы и смерть. Клара Юрьевна сломя голову понеслась в город, а здесь уже успели обшарить каждый сантиметр. Ясно как день — охотились за вещью, спрятанной в вентиляционном отверстии.

— Опоздала, — прошептала Клара Юрьевна, зайдя на кухню.

Взяв табуретку, она примостила ее ближе к мойке, аккуратно встала и уперлась глазами в покрытую слоем пыли пластиковую решетку. По спине пробежал холодок. Раз решетка на месте, значит, мужикам не удалось найти нужный предмет? Обыскали всю квартиру, распороли мягкую мебель, распотрошили книги, даже занавески сорвали и телевизор перевернули, а сюда заглянуть не соизволили. Ума не хватило? Или кто спугнул? А может, их спугнула она, Клара? Да нет, когда выходила из лифта, мужики уже

находились на лестничной клетке. Они уходили от Бекетовой ни с чем.

Почувствовав себя фигурой значимой, Клара Юрьевна — надо заметить, не без труда — сняла решетку, просунула руку и, нащупав тугой предмет, вцепилась в него мертвой хваткой. Продолговатая вещь была замотана в ткань и перевязана зеленой веревкой.

Бросив находку в сумку, Стрельцова вышла из квартиры, не забыв закрыть ее на оба замка. В лифте Клара Юрьевна развязала веревку, размотала ткань и увидела бархатную черную коробочку. Открыть находку она не успела. Шальная мысль молнией пронеслась в голове. Мужики! Они видели ее! А она сразу же включила в квартире свет. Ой, какая дура! Вдруг они стоят возле подъезда и ждут появления Клары?

Лифт открылся на первом этаже. Клара Юрьевна держала в руках бархатную коробочку. Хлопнула входная дверь. Не соображая, что делает, Стрельцова бросила находку в шахту лифта. Выпрямившись, увидела торопившегося к лифту старика с собакой.

Проклиная свою трусость и излишнюю подозрительность, Клара Юрьевна вышла из подъезда. Называется, выполнила просьбу умирающей. Вещицу отыскала и лично выкинула ее в шахту лифта. Принесла больше вреда, чем пользы.

— Вам сумка руку не тянет? — спросил кто-то.

Клара Юрьевна ойкнула. Из темноты вышел один из мужиков.

— Сумочка, спрашиваю, не тянет?

Обернувшись, Стрельцова увидела второго здоровяка.

— Я... Я сама отдам вам деньги... У меня нет ничего ценного... Ребята, я...

В два счета Клару Юрьевну затолкали в машину с тонированными стеклами.

— Кричать не надо, — предупредил мужик. — Мы только посмотрим, что у вас в сумке. Если там ничего нет, мы вас отпустим.

— Там ничего нет, — повторила Стрельцова.

Пока один мужик рылся в сумке, второй с любопытством рассматривал паспорт Клары Юрьевны.

— Тебе только сорок семь? Я думал, ты на пенсии давно. Чего за собой не следишь, денег не хватает?

Клара Юрьевна молчала. Бросив ее сумку, первый мужик спросил:

— У Бекетовой была?

— Я... Да, я к Галине приезжала.

— Зачем?

— Она меня просила. Галя сейчас на даче, а я цветы поливаю.

— Понимаем, только нам больше нравится, когда нам правду говорят.

— Я говорю правду, — неизвестно почему, но Клара Юрьевна внезапно осмелела. — Галя попросила поливать ее цветы, а я забыла. Закрутилась дома, из головы вылетело. Вспомнила только сегодня.

— И решила полить цветы ночью. Я видел, где ты прописана — другой конец Москвы. Не ври нам, тетка.

— Галя вечером звонила, сказала, завтра утром с дачи возвращается. Сразу поехать не смогла, муж пьяный долго буянил. Он уснул в первом часу, я сюда примчалась.

— На чем приехала?

— На такси.

— А обратно как возвращаться будешь?

— Тоже машину поймаю.

— Говоришь, ничего ценного нет, а сама по городу ночами на такси разъезжаешь. Слушай, а хочешь, мы тебя довезем и денег не возьмем.

— Нет! — крикнула Клара Юрьевна, прижимая к груди сумку.

— Вываливайся! — приказал бугай.

Не веря своему счастью, Клара Юрьевна выскочила из машины и сразу же была схвачена вторым громилой.

— Только не торопись. Подойди к капоту, положи на него руки и стой спокойно.

— Зачем?

— Обыщем мы тебя. Повторяю, кричать не советую.

Стрельцова повиновалась.

Несколько секунд спустя второй бугай сказал первому:

— Пусто.

— Пусть валит.

Мужики сели в машину.

На дачу Клара Юрьевна вернулась первой электричкой. Выпила три чашки кофе, села в кресло и неподвижно просидела несколько часов.

На участок Галины Валентиновны Клара Юрьевна пришла в начале одиннадцатого. Дальнейшие события известны. Обнаружив мертвую подругу, вызвала «скорую» и полицию. Разумеется, о своих ночных злоключениях она никому не рассказала.

С тех пор прошла неделя, и Стрельцова каждый день ждет дурных вестей. Мужики знают ее домашний адрес, они в любой момент могут нагрянуть к ней домой. Или похитить, покалечить, убить... В каждом незнакомце Клара Юрьевна видит врага. Вот и Люську приняла за одного из врагов. Думала, выследили и подослали своего человека разведать обстановку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ

— Зачем она впутала меня в эту историю? — сокрушалась Клара Юрьевна. — Я оказалась соучастницей. Откуда мне знать, кто те люди и чем занималась Галя? Сама понимаешь, она была замешана в чем-то серьезном.

После минутной паузы Клара Юрьевна спросила:

— Как думаешь, за часы можно убить человека?

Люська была озадачена.

— За часы?

— Скорее всего, в шахту лифта я бросила часы. Бархатная коробочка, размеры — все сходится. В таких футлярах обычно продают дорогие ювелирные украшения.

— Вспомните, что говорила Галина Валентиновна, — напомнила Люська. — «Он лежит в вентиляционном отверстии». Он, а не они. Значит, там были не часы.

— Да, не сходятся концы с концами. А залезть в шахту никак нельзя?

— Вы читаете мои мысли, — ответила Люська. — Но знаете, что меня поставило в тупик? Очередное упоминание о Наине. Опять эта Наина!

— Ты с ней знакома?

— Да не знакомы мы. Наина — маленькая восьмилетняя девочка, она умерла несколько лет назад. Погибла. Ее сбила машина.

— Несчастливая, — прошептала Клара Юрьевна.

— Галина Валентиновна никогда вам не рассказывала о той трагедии?

— Галя знала Наину?

— Ее сбил муж Бекетовой, за что впоследствии его посадили.

Клара Юрьевна была поражена.

— Я в курсе, Галя дважды была замужем, но о судьбе первого мужа она не любила распространяться. Мне сказала, они развелись, а выходит... Постой! — вскрикнула Клара Юрьевна, и на ее висках выступили капельки пота. — Если Наина погибла несколько лет назад, как она могла прийти к Гале?

— Загадка.

— Скорее совпадение, наверняка Галя имела в виду другую Наину.

— Маловероятно.

— Люся, ты меня извини, но не думаешь же ты, что ночью к Гале приходила умершая девочка?

Люська хранила гробовое молчание.

— Я понимаю, — продолжала Стрельцова, — Наина — редкое имя, но я не поверю в воскрешение покойницы.

— Я и сама не поверю, а знаете почему? Получается нестыковка. Галина Валентиновна, как она

призналась вам, ничего не сказала Наине. Помните? А что она могла ей сказать и почему ее боялась? Ночью, после появления Наины на даче, в городской квартире Бекетовой провели тщательный обыск. Они искали бархатную коробочку, и я не собираюсь верить, что история со сбитой девочкой и история с загадочной вещью, которую вы отправили в шахту, могут пересекаться. Вы правильно заметили, Галина Валентиновна была замешана в темных делах, иначе не отправила бы вас в Москву.

Клара Юрьевна с мольбой посмотрела на Люську, потом коснулась ладонью ее ладони и тихо спросила:

— Как мне быть? Я боюсь... меня могут убить.

— Не думаю, что вашей жизни угрожает опасность, — ответила Люська. — Какой им смысл лишать вас жизни, вы ничего не знаете.

— Им это не известно. Да, они отпустили меня тогда, но где гарантия, что, разложив все по полочкам, не придут к мысли, что я слишком много знаю. Тем более видела их лица.

На колебания ушло не более минуты, после чего Люська решительно заявила:

— Клара Юрьевна, некоторое время вы поживете у меня. Собирайтесь.

— Это не выход. Спасибо, конечно, но твоя идея не кажется мне удачной.

— Почему? В моей квартире вы будете чувствовать себя в безопасности.

— Кто тебе это сказал? Я не смогу жить у тебя постоянно, а перебираться на время какой смысл? Ну, проживу месяц-два, а потом? Нет, Люся, к тому же у меня клиенты. На мне сейчас два заказа, я работать должна.

— Сообщите клиентам новый адрес и работайте на здоровье. Клара Юрьевна, соглашайтесь, вы нас не стесните, зато и мне, и вам будет намного спокойнее.

— Отдаешь себе отчет, что, связавшись со мной, очень рискуешь?

— Я всегда рискую, — отшутилась Люська.

Клара Юрьевна долго не могла решить, стоит соглашаться или лучше ответить отказом. В итоге, представив, как начнет мучиться с наступлением ночи, согласилась.

Собрав вещи и закрыв дом, Клара Юрьевна вздохнула.

— Вернусь я сюда когда-нибудь?

— Клара Юрьевна, прекратите, к чему столько пессимизма? Конечно, вернетесь.

— Мне бы твою уверенность. Я по жизни меланхолик и, ты верно подметила, пессимистка. Ничего не могу поделать, в любой ситуации всегда вижу исключительно плохую сторону. Плюс ко всему очень впечатлительная, честное слово. Скажи мне, что видела летающего слона, и я тебе поверю.

— Наверяд ли, — улыбнулась Люська.

— Если твои слова подтвердят два-три человека — точно поверю.

В электричке Люська сказала:

— Нам надо будет поехать к Галине Валентиновне. Вы спрашивали, можно ли залезть в шахту, и мне кажется — ответ положительный. Во всяком случае, попытка не пытка, попробовать стоит.

— Дай бог, чтобы коробочка оказалась там.

— Вы правы, за неделю ее могли обнаружить, хотя... Не будем гадать.

Час спустя Люська представила Клару Юрьевну домочадцам.

— Диан, не возражаешь, если Клара Юрьевна некоторое время поживет у нас? Так сложились обстоятельства...

— Люсьена, не надо подробностей, — отмахнулась Диана. — Я все равно скоро уезжаю на съемку.

— Не хотите чая? — спросила Юлия Станиславовна.

Обстановка немного разрядилась, Клара Юрьевна перестала смущаться. А Диана, узнав, что гостя портниха, пришла в полный восторг.

— В наш дом тебя привела путеводная звезда.

— В наш дом Клару Юрьевну привела я, — напомнила Люська.

— Люсьена, детка, я это помню. Клара, мне необходим совет профессиональной портнихи. Скорее даже не совет, а помощь. Дорогая, пройдем в мою комнату.

За ужином Диана заявила, что Клара Юрьевна — это кладезь.

— Я заказала у нее платье, — делилась она радостью. — И если останусь довольна работой, отбоя не будет от наплыва клиентов.

Клара Юрьевна улыбалась.

***

— Ты правда меня любишь? — Настя надула губы и стала похожа на маленькую девочку, потерявшую любимую куклу.

— Ты уже спрашивала, — ответил Сашка.

— Опять все испортил! Когда тебе задают конкретный вопрос, ты должен давать конкретный ответ. Неужели так трудно сказать «Да, зая, я тебя люблю»?

— Зая, я тебя люблю! — повторил Сашка. — Люблю только тебя одну.

— Уже не то. Клещами из тебя признания выдирать мне надоело. Убери ты эти чипсы! Сколько можно хрустеть? Посмотри, у тебя брюхо появилось.

— Живот, — спокойно ответил Сашка. — Не брюхо, а маленький животик.

— Маленький животик со временем превращается в огромное пузо.

— Ты сегодня не в духе. Проблемы на работе, опять Нинка ерундой доставала?

— Быть вместе и быть порознь одновременно — отвратительно.

Сашка нахмурился.

— Не понял.

— С тобой все ясно, — отмахнулась Настя.

— Не-е, Настюх, я правда не понял. Повтори.

— Мы с тобой практически всегда вместе.

— Ну...

— Не ну! А я одна. Понимаешь? Ты рядом, но я тебя не чувствую, ты как мебель.

— Та-а-ак! И что Нинка наплела тебе на этот раз, опять о родстве душ трепались? Она, конечно, сказала, что я тебя не достоин, что твой принц ждет тебя где-то там, за горизонтом, а Сашка Немушкин придурок, которого надо бросать. Угадал?

— Ты не понял.

— Что мне надо понять, Настька? В последнее время ты изменилась. Я не понимаю твоих полунамеков, говори прямо, в лоб, без обиняков, что лично тебя не устраивает? Я тебе противен? Окей, если скажешь правду мне в лицо, легче будет нам обоим. Я жду.

— И к чему эта бессмысленная тирада?

— Говори, в чем дело? — пробасил Сашка. — Надоело ходить перед тобой на цыпочках, в конце концов, я мужик, а не размазня.

— Когда это ты ходил передо мной на цыпочках?

— Всегда. Ты же у нас девочка-недотрога, чуть что не по-твоему — истерики закатываешь, губы дуешь. А Сашка сразу на задние лапки и угодить старается. Но тебе не угодить. Тогда давай, скажи, что и как мне делать? Попробую, если получится, может, даже понравится.

Настя выбежала из комнаты.

— Этой беготней заканчиваются все наши выяснения отношений. Ты сама не хочешь решать проблему, сбегаешь от нее. Настя! Ты меня слышишь?

— Я домой поеду.

— Давай поговорим.

— Не сегодня, — Настя зашла на кухню и налила в чашку воды.

— Настен, сердишься?

— Нет, но домой поеду.

— Зачем на ночь глядя?

— Как-то мне неспокойно.

— Опять видения... — начал Сашка и осекся.

Резко от него отстранившись, Настя сжала кулаки.

— Я тебе говорила, это не видения. Я видела ее собственными глазами. Видела так же отчетливо, как сейчас вижу тебя. И она мне звонила по телефону, а потом позвонила в дверь. Наинка приходила ко мне!

— Ведь ты не открыла дверь.

— Не открыла, — прошептала Настя. — Испугалась. Она сказала... я иду тебя искать.

Сашка облокотился о стол.

— Сама как считаешь, это реально — увидеть человека, который погиб много лет назад?

— Реально не реально, а факты говорят сами за себя.

— Насть, а вдруг это чья-то шутка?

— Шутка? Нет, так шутить некому. Некому, Сашка, — повторила Настя и вышла в коридор.

— Я тебя провожу.

— Вот чего не боюсь и никогда не боялась, так это ходить вечерами по улицам.

— Рискуете, девушка, — улыбнулся Сашка.

— А кто сейчас не рискует? Как приеду, позвоню.

Настя приехала домой без четверти двенадцать. Открыв дверь, прошла в прихожую, села на стул и громко сказала:

— Пуська, я еле живая. На улице пекло, опять не уснем.

Кошка Пуська вела себя сегодня странно. Вместо того чтобы броситься к хозяйке и начать тереться о ноги, прося корма и порции ласки, она сидела на комоде, испуганно озираясь по сторонам.

— Пусь, ты чего? Тебе жарко? Пошли протру тебя влажным полотенцем.

Кошка спрыгнула с комода и метнулась в маленькую комнату — под кровать.

— Ну-у, — протянула Настя. — Как хочешь, а я в душ.

Прежде чем зайти в ванную, Настя прошла в большую комнату положить на полку кольцо и цепочку. Включив свет, сделала пару шагов в центр комнаты и завизжала. На полу возле распахнутой балконной двери лежал человек.

***

Утром Люську разбудил робкий стук в дверь. Приподняв голову, она покосилась на часы и крикнула:

— Заходите.

На пороге топталась растерянная Клара Юрьевна.

— Зачем вы встали так рано? — Люська свесила ноги с кровати, вспомнив, что еще с вечера они договорились отправиться к Бекетовой не раньше полудня.

— Люсь, мы забыли мой «Зингер», — произнесла Стрельцова.

— Кого мы забыли? — не поняла Люська.

— Мою швейную машинку. Я хотела начать шить. Как мы могли оставить ее на даче?.. Необходимо поехать за город, без машинки я как без рук. Поедем сейчас, пока не так жарко. Я бы съездила одна, но как-то боязно.

Что Люська могла ответить? Конечно, согласилась, пообещав, что через десять минут будет в полной боевой готовности.

По дороге Клара Юрьевна призналась:

— «Зингер» достался мне от бабки — так сказать, семейная ценность. Бабушка тоже была портнихой, ее мастерство передалось мне с генами.

Клара Юрьевна говорила, Люська пыталась побороть сонливость. Жутко хотелось спать — жара отбирала все силы.

Назад вернулись в начале первого. Едва зашли в квартиру, увидели Веру.

— Где тебя носит?! — прокричала Вера.

— Что случилось?

Схватив Люську за руку, Вера потащила ее в комнату.

— Я была у следователя, — сказала она и, решив поиграть в актрису, начала выдерживать убийственную паузу.

— Ну и?

— Люська, это полный капец! Вчера вечером обнаружили тело Алексея Гавриловича.

— Да ты что?! Где?

— А сейчас ты услышишь самое интересное. Его обнаружили в жилой квартире в районе Тушино.

— Как в квартире?

— Вот так. В полночь поступил сигнал от хозяйки квартиры, она пришла домой и увидела в комнате мертвого мужчину. У него в кармане был паспорт. Но это еще не все, Люсь. По словам экспертов, смерть Алексея Гавриловича наступила дня два назад.

— Где он мог находиться все это время?

— Ты меня спрашиваешь? Лучше поинтересуйся причиной смерти.

— Убийство, я права?

— Нет. Романов умер от острой сердечной недостаточности.

— Верка, что происходит, я ничего не понимаю... Как труп мог попасть в квартиру?

— Как мог попасть в квартиру — раз, где Романов был почти десять дней — два, почему из его пистолета стреляли в Кирилла — три.

— Да, да, да, знаю, вопросов много, ответов нет. Вер, не мельтеши, сядь. Что тебе сказал следователь про хозяйку квартиры?

— Я не вдавалась в подробности. Какая разница, кто она.

— Это важно. Вставай!

— Зачем?

— Поедем к следователю и постараемся узнать, кому вчера вечером так сильно «повезло»? Мне могут ничего не сказать, а тебе должны.

— С какой стати?

— Ты жена, вернее, вдова крестного сына Романа. Вер, пошевеливайся.

Прежде чем попасть в кабинет следователя, им пришлось на протяжении трех часов промариниваться в ожидании. Вера была готова полезть на стену, Люська внешне оставалась спокойной.

Удача им улыбнулась. Выходя из отделения, Люська сжимала в руке бумажку с адресом Анастасии Фединой.

— Ты точно раньше ничего о ней не слышала? — спросила она Веру.

— Сначала следователь двадцать раз спрашивал, теперь ты заняла его место. Заявляю официально: Анастасию Федину я не знаю, мы не встречались. Вообще, у меня никогда не было знакомых с таким именем. Хотя вру...

— Вот видишь.

— Да не трепыхайся. Я вспомнила, что в детском саду у меня была подружка Настя Гуревина.

— Блин, как душно. Вер, может, к нам поедем? Юлия Станиславовна приготовила окрошку.

— С квасом?

— С кефиром, но тоже вкусно.

— Если приглашаешь, не откажусь.

Всю обратную дорогу Люська задавала себе вопросы, заранее обреченные остаться без ответов. Главным образом интересовало таинственное — нет, скорее даже волшебное — перемещение трупа Романова. Алексей Гаврилович скончался два дня назад. Где его тело находилось на протяжении сорока восьми часов — не ясно. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, Романов лежит в комнате Фединой.

Разумеется, труп туда принесли — это как раз понятно и сомнений не вызывает. Но кто? К подъезду старика привезли на машине — иначе и быть не может — а что дальше? Открыли дверцу, подхватили тело и как ни в чем не бывало занесли в подъезд? Опять же, совершенно непонятно, как неизвестные попали в квартиру. Следователь сказал, замки у Фединой не повреждены. Загадка!

— Вер, надо смотаться к Фединой.

— Люська, не сейчас. Не хочу разговаривать, мне жарко.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

В квартиру Люську пропустил Сашка. Он не поинтересовался, кто она такая и зачем пришла. Просто открыл дверь, посторонился и вскинул брови.

— Мне нужна Анастасия Федина, — сказала Люська.

— Мне она тоже нужна, — ответил Сашка. — В комнате заперлась, ни с кем не хочет разговаривать, даже есть перестала.

— Может, мне удастся переговорить с ней?

— Вряд ли, — Сашка кивнул в сторону закрытой двери. — Но я не препятствую, проходи, стучи, только толку от этого не будет.

Люська не замедлила постучать в запертую дверь.

— Настя, откройте, пожалуйста. Меня зовут Люся, я пришла к вам...

— Не открою! — раздался визгливый голос. — Сашка, кого ты в квартиру пускаешь?! Выгони! Выгони всех немедленно!

Сашка развел руками.

— Я предупреждал, Настя не выйдет из комнаты. Попробуй приехать через пару дней. Думаю, она придет в себя.

На вопрос Люськи касательно Романова Сашка не смог ответить ничего определенного.

— Мне Настя позвонила, когда здесь всюю хозяйничала полиция. Она попросила меня приехать, все время плакала. Говорила, чуть не умерла от страха. Потом замкнулась в себе и закрылась в комнате.

Негусто. Поездка прошла впустую. Но ничего, опускать руки рановато. Возможно, Сашка прав: пройдет пара-тройка дней, и Настя Федина отойдет от шока.

***

В четверг с утра Люську бил озноб. Интуиция пыталась о чем-то предупредить, делая туманные намеки. Внутренний голос едва слышно шептал неразборчивые фразы. Люська, теряя над собой контроль, начинала нервничать.

— Мне не по себе, — призналась она Кларе Юрьевне, когда они подошли к дому Галины Валентиновны.

— Я сама как струна. Знаешь, даже боязно в подъезд заходить.

— В подъезде окажемся без проблем, нас никто не тронет. А удастся ли найти вещицу «Х» в шахте — вопрос интересный.

— Сначала в шахту попасть нужно.

— Придется прибегнуть к маленькой хитрости.
Клара Юрьевна вскинула брови.

— В смысле?

— Не хотели бы вы на некоторое время превратиться в няню моей младшей сестры?

— Шутишь?

— Я серьезно. Есть у меня одна идея.

В подъезд они зашли, озираясь по сторонам.

— Здесь прохладно, — зачем-то сказала Люська.

— И пахнет кошками, — ответила Клара Юрьевна.

Вызвав лифт, Люська приготовилась увидеть то самое отверстие, в которое Клара Юрьевна бросила бархатную коробочку. Створки открылись.

— Слушайте, — Люська посмотрела вниз. — А там темно.

— Конечно, темно. Ты думала, в шахте должна быть иллюминация?

— Шахта в нашем подъезде освещается. Нет, правда.

Клара Юрьевна обернулась.

— Сейчас не это главное. Я звоню, да?

Люська кивнула.

— Звоните.

Сделав глубокий вдох, Клара Юрьевна подошла к двери с номером «56», потопталась на резиновом коврике и несмело нажала на кнопку звонка.

Дверь открыл лысый мужчина в теплом спортивном костюме. Как он в нем ходит, пронеслось в голове, на улице пекло, неужели мужик мерзнет?

— Ну? — спросил он, лениво осмотрев Клару Юрьевну.

— Здравствуйте. Извините, что побеспокоила, у нас случилось ЧП. Не подскажете, где у вас находится диспетчерская?

Мужчина положил правую ладонь на затылок, нахмурился и секунд через десять выдал:

— В соседнем доме, в последнем подъезде.

Дверь захлопнулась.

— Он мог бы быть и повежливее, — ворчала Клара Юрьевна, пока они с Люськой пересекали детскую площадку.

— Вы все помните? — спросила Люська.

— Помнить помню, но боюсь, не справлюсь. Вдруг не получится расплакаться?

— Тогда всхлипывайте, трите глаза, смотрите в пол. Главное — изобразить потерянный вид, остальное — дело техники.

Поражаясь Люськиной отваге, Клара Юрьевна корила себя за пессимизм. Почему у других уверенность в успехе начатого мероприятия в буквальном смысле льется через край? Почему у нее, у Клары, все и всегда происходит с точностью до наоборот? Вопрос, естественно, остался без ответа, да и размышлять на эту тему было некогда — впереди замаячила дверь нужного подъезда.

В комнате за широким столом, уткнувшись в монитор, сидела женщина неопределенного возраста. Появление посторонних оставило ее равнодушной.

— Добрый день, — затараторила Клара Юрьевна, как только Люська толкнула ее в бок. — Девушка, помогите.

Женщина подняла глаза.

— Вы кто?

— Я во всем виновата, я не углядела, — морщилась Клара Юрьевна, пытаюсь расплакаться. — Мы из магазина возвращались, Валечка попросила дать ей ключи подержать. Кто ж знал-то, что так получится?

— Прекратите плакать, — прикрикнула Люська. — Мне достаточно вашей безалаберности и безответственности, не хватает только этих крокодиловых слез, — и, обращаясь к женщине, пояснила: — Мы живем в восемнадцатом доме, во втором подъезде. Моя младшая сестра умудрилась уронить в шахту лифта ключи от квартиры.

— Кто ж знал-то, — повторила Клара Юрьевна.

— Произошло это по вине няни, — Люська посмотрела на поникшую Клару Юрьевну и, не дожидаясь приглашения, села на стул: — Она дала Вальке ключи, представляете? Зачем пятилетнему ребенку давать ключи от квартиры?

— Действительно, зачем? — женщина перевела взгляд на Клару Юрьевну.

— Она просила ключики подержать.

— Это последняя связка, — прошептала Люська. — Ее необходимо достать.

— Достать, — передразнила женщина. — А кто доставать их будет? Я, что ли, с вами в подвал полезу?

— Но ведь это можно как-то организовать? — Люська открыла сумочку и достала кошелек.

— Уберите деньги, — усмехнулась женщина. — Вы не в магазине. Ждите.

— Чего ждать?

— Палыч скоро прийти должен. Как придет, отправлю его в подвал, достанет ключи. Успокойтесь.

Люська начала рассыпаться в благодарностях.

— Вам лучше подождать его на улице, — ответила женщина, уставившись в монитор. — Раньше часа он не появится, имейте в виду.

— Мы подождем, — заверила Клара Юрьевна, толкнув дверь в коридор.

На улице Люська засмеялась.

— По-моему, можно было обойтись и без нашего спектакля.

— Согласна. Да и спектакль получился какой-то бездарный.

— Думаете, она нам не поверила?

— Не знаю, — повела плечами Клара Юрьевна. — Глупо все получилось.

Худощавый рыжий мужичок, которого все в округе называли Палычем, возник возле подъезда весьма неожиданно. Ни Люська, ни Клара Юрьевна не видели, откуда он появился. Кашлянув, Палыч спросил:

— Меня дожидаетесь?

— Мы Палыча ждем, — ответила Люська.

— Меня, значит, — закивал мужчина. — Надька сказала, вы телефон в шахту уронить умудрились? Не беда, достанем. Идемте.

— Вообще-то мы ключи...

— Не телефон, — нашлась Люська, — Надежда все перепутала, мы уронили в шахту коробочку с часами.

— С часами? — Палыч остановился. — А как коробка с часами могла упасть в щель?

— Не коробка, а коробочка. Я брату на день рождения часы купила наручные.

— А-а-а, — заулыбался Палыч. — Тогда ясно. Не треснули бы от удара.

В торце дома, спустившись вниз по ступенькам и оказавшись у двери, ведущей в подвал, Палыч достал из кармана ключ.

— Я, наверное, здесь останусь, — прошептала на ухо Люське Клара Юрьевна. — Страшно в подвал заходить.

— А чего страшного? — удивился Палыч. — Тут свет есть, сейчас включим — и порядок.

В подвале пахло сгнившей листвой и хлоркой. Вдоль серых стен тянулись трубы, откуда-то сверху доносились шум и треск.

Следуя за Палычем, Клара Юрьевна то и дело вздрагивала.

— Здесь есть крысы? — спросила она, пройдя в маленький дверной проем.

— А как же без них! Бегают.

Клара Юрьевна замерла на месте.

— Тогда я дальше не пойду.

— На людей крысы не кидаются, — успокоил ее Палыч. — Они ж домашние.

— Домашние крысы живут в клетках и не разносят заразу, — проговорила Люська, заметив на стене большого паука.

— Я пятнадцать лет по подвалам шастаю, пока ни одна крыса не укусила. Мы ж не в метро попали. Вот там, говорят, крысы величиной с собаку водятся. Жуть!

— Кто говорит? — раздраженно спросила Люська.

— Не помню, кто рассказывал, но я точно слышал. А еще вроде в метро мутанты ползают, их машинисты ночью в депо видят. Да... Это вам не подвал, там все серьезно. А наши крысы что — серые мордахи и только.

Сегодня удача не стала отворачиваться от Люськи. Она наконец решила преподнести ей подарок в виде черной бархатной коробочки, найденной в шахте. При ударе коробочка даже не открылась, лежала рядом с конфетным фантиком и неизвестно как здесь оказавшимся пластиковым стаканчиком.

Схватив пропажу, Люська едва не задушила Палыча в объятиях.

— Да чего уж, — пробормотал смущенный мужчина. — Целехоньки ваши часики, брату приятно будет.

От сотни Палыч не отказался — все остались довольны. Бархатную коробочку Люська открыла, сев на скамейку. Открыла и ахнула. Внутри сверкал золотой браслет с красными бриллиантами и изумрудами. Бриллианты были в виде шапок гвоздик,

изумруды выполнены в форме лепестков. Клара Юрьевна аж присвистнула.

— Вот тебе и часики. Это же целое состояние!

— Откуда он появился у Галины Валентиновны? Браслет явно ей не принадлежал, в противном случае она не прятала бы его в вентиляционном отверстии и не просила бы вас забрать его из квартиры.

— Понятно-то это понятно, но что теперь с ним делать?

Убрав коробочку в сумку, Люська встала.

— Не знаю, Клара Юрьевна, надо подумать. Но честно говоря, мне это не нравится, я спиной чувствую опасность. Начала ее чувствовать сегодня утром, как только проснулась.

— А мне строчки Блока вспомнились:

В сыром ночном тумане
Все лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...

— Тебе не кажется, что мы сейчас в тумане? В сыром тумане, — добавила Клара Юрьевна, поежившись.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СЕАНС ГИРУДОТЕРАПИИ

Оказавшись дома, Клара Юрьевна не успела даже разуться, над ухом уже раздался голос Дианы:

— Юлия мне сказала, вы вчера долго болтали, и выяснилось, что ты лечишься пиявками. Это правда?

— Правда.

— И ты молчала, Клара?! Мне жизненно необходимо провести пару-тройку сеансов гирудотерапии на дому. В последнее время шея побаливает, остеохондроз. Когда приступим?

Клара Юрьевна растерялась.

— Желательно, чтобы жара немного спала, в такой духоте лечиться пиявками я бы вам не советовала.

— А кто собирается лечиться в духоте? В моей комнате стоит кондиционер, температура для гирудотерапии оптимальная. Твои пиявки окоченеют.

— Их еще купить надо, — ответила Клара Юрьевна, понимая, что Диана от своей затеи вряд ли откажется.

— Чего ты ждешь, дорогая? Ты сама сказала Юльке, пиявки продаются в аптеках. Ступай с миром

в аптеку, а я пока przygotowуюсь. Люсьена составит тебе компанию. Люсьена, ты ведь проводишь Клару Юрьевну в аптеку?

— Я не собираюсь выходить на улицу, там сейчас пекло.

— Спасибо, детка, я знала, на тебя всегда можно положиться. Долго там не задерживайтесь.

— Диан, вот зачем тебе понадобилась эта ерундистика?

— Гирудотерапия творит чудеса.

— Не припомню, чтобы ты ею увлекалась.

— Лучше поздно, чем никогда.

— Давай мы купим тебе пиявок на днях. Сегодня я правда не могу.

Диана прошла по коридору.

— Хорошо, Люсьена. Я потерплю. В конце концов, шея болит не так сильно. Подумаешь, ночью не могу перевернуться из-за болей. Это пустяки. А скоро мне на съемку ехать, но я же сильная, буду, превозмогая боль, изображать оптимизм.

— Хорошо-хорошо, — сдалась Люська. — Убедила. Тебе удалось меня разжалобить своим монологом.

— Ты прелесть.

— А ты нет, — буркнула Люська.

— Кстати, я звонила в наши ближайшие аптеки — пиявками там даже не пахло. Удача мне улыбнулась недалеко от метро «Сокол». Адрес аптеки на комоде. Все, я ухожу к себе, надо почитать сценарий.

Клара Юрьевна посмотрела на Люську.

— Поедем?

Люська покосилась на Диану, которая изобразила такую страдальческую гримасу, что ответить «нет» не получилось.

— Сколько купить пиявок, куда ты их будешь ставить?

Диана задумалась.

— Так, сейчас скажу... Две... Четыре... Шесть... Для меня шесть! Для Юльки тоже. Двенадцать!

— Хочешь сказать, Юлия Станиславовна согласилась на гирудотерапию? — с сомнением спросила Люська.

— Она побродила по Интернету, почитала отзывы и теперь ждет не дождется, когда из нее начнут сосать кровь ее ближайшие родственницы.

— Я все слышу, — раздался из кухни голос Юлии Станиславовны.

— А что такого я сказала?

— Моя ближайшая родственница – ты. Та еще пиявка!

— Клара, скажи, на язык пиявок ставят?

— Нет.

— Жаль, а то я знаю одну особу, которой не помешало бы отсосать из язычка немного яда.

— Себя имеешь в виду? — кричала Юлия Станиславовна.

— Не язви там.

— А кто мне помешает, Диди?

— Я не Диди!

— Короче, покупаем двенадцать пиявок, — сказала Люська Кларе Юрьевне, подталкивая ту к выходу. — Итого их будет в квартире четырнадцать.

Клара Юрьевна засмеялась.

О покое в этот день Люська могла только мечтать. Стоило вернуться домой с пиявками, как позвонил одноклассник Вовка Королев.

— Люсь, ты дома?

— Да.

— Занята?

— Чего надо, Королев?

— У тебя есть деньги?

— Ну и вопросик. Хочешь устроиться ко мне на работу бухгалтером?

— Я серьезно.

— И я.

— Мне пятьсот рублей не хватает. Можешь занять до вечера?

— Без проблем.

— Отлично! — обрадовался Вовка.

— Заходи.

— Не, Люсь, я не дома. Я это... в Братеево.

— Как тебя туда задуло?

— По делам ездил.

— Ладно, вернешься, заскакивай.

— Ты не поняла, мне деньги прямо сейчас нужны. Можешь подъехать?

— Королев, ты перегрелся? Это другой конец Москвы.

— Люсь...

— Так не пойдет.

— Блин, никто не может.

— Вов, я на дорогу час потрачу, потом обратно по жаре возвращаться. У тебя совесть есть?

— Есть.

Люська села на кровать. Вообще, Вовка парень неплохой, и Люська знала, что она ему нравится. Однажды Димон даже приревновал ее к Королеву. Вроде у них и разборка после школы была.

— Люсь, ты здесь?

— Нет, на Марс улетела.

— Выручишь?

— Только не ной. Не нытьем, так катаньем возьмешь.

— Это значит да?

— Где ты конкретно в Братеево?

— Записывай.

— Я не маразматичка, запомню.

Вовка затараторил.

— Тебя когда ждать?

— Сказала же, не раньше чем через час.

— А пораньше никак не получится?

— Никак! У меня метла сломалась.

— Какая метла?

— На которой я обычно летаю по городу.

— Не врубился.

— Ты точно перегрелся. Все, я отсоединяюсь. Жди.

Люська выскочила из квартиры, успев взять яблоко, которое — вот подлость — оказалось червивым. Отправив яблоко в урну возле подъезда, она приготовилась к изнурительной поездке в Братеево.

А пока Люська задыхалась в метро, Диана находилась в предвкушении гирудотерапии.

— Клара, сколько будет длиться сеанс?

— Часа два.

— Два часа? — удивилась Юлия Станиславовна. — Они всю кровь из нас не выпьют?

— Не волнуйтесь, пиявка лишнего не отнимет, зато после гирудотерапии вы почувствуете себя значительно лучше.

— Всю кровь, — передразнила сестру Диана. — Может, они вообще твою кровь пить откажутся.

— Это еще почему?

— Вдруг она невкусная.

— У меня хорошая кровь!

— Но повышен холестерин.

— У тебя, между прочим, тоже.

— Но мой на три десятых ниже твоего.

— Зато сахар на четыре десятых выше.

— Это было год назад, сейчас он идеален.

— Как и мой холестерин.

— Рассказывай в другом месте.

— Тебе результаты анализов показать?

— Избавь нас от этого зрелища.

— Диди, если ты не прекратишь меня поддевать, пиявки тебе не помогут.

— Я Диана! Когда ты запомнишь?!

— Пожалуйста, — взмолилась Клара Юрьевна, — не ссорьтесь. Давайте приступим.

— Она первая начала, — обиженно сказала Юлия Станиславовна. — Затронула святое — мой холестерин.

— Ладно, — Диана протянула сестре руку. — Предлагаю заключить временное перемирие. Согласна?

Юлия Станиславовна хмыкнула и отвернулась.

— Соглашайтесь, — прошептала Клара Юрьевна.

— Хорошо, я пойду на перемирие, Диди...

— Ты опять?!

— Извини-извини. Все, закрыли тему. Клара Юрьевна, мы готовы.

Когда Диана легла на кровать, Юлия Станиславовна засмеялась.

— Ты хоть парикними.

— Лежи и молчи!

Юлия Станиславовна вытянула руки вдоль тела, Диана подложила их под голову.

— Клара, начинай.

— Подождите, — спохватилась Юлия Станиславовна. — Противопоказания есть?

— Очнулась, — буркнула Диана. — Ты ж в Интернете все прочитала.

— Я забыла посмотреть противопоказания.

— Пиявки противопоказаны больным гемофилией и беременным женщинам, — ответила Клара Юрьевна.

— Слышала? Ты не беременна и не больна гемофилией. Ты просто больна. Поэтому не выпендривайся.

Юлию Станиславовну такой ответ не удовлетворил. Покосившись на плавающих в банке пиявок, она спросила:

— Они сильно кусаются?

— Укуса вы почти не почувствуете. Пиявка бросает в кровоток человека свою слюну, содержащую физиологически активные вещества. Действие этих веществ приводит к нормализации патологических процессов. После того как пиявка отпадет, из ранки может идти кровь — это нормальное явление, пугаться его не стоит.

— Хватит умничать, айболит! — прикрикнула Диана. — Ставь этих кровопийц, сколько можно ждать?!

К Юлии Станиславовне пиявки присосались довольно-таки быстро. Действуя по всем правилам, Клара Юрьевна удовлетворенно закивала, когда последняя — шестая — пиявка оказалась пристроена. Они были поставлены в шахматном порядке на расстоянии семи-десяти сантиметров от позвоночника.

С Дианой пришлось повозиться. Удивительно, но пиявки упорно не хотели заниматься своими прямыми обязанностями.

— В чем дело? — злилась Диана. — Клара, поторопись.

— Они отказываются вас кусать, — полушутя-полусерьезно сказала Клара Юрьевна.

— Что значит отказываются? Ты с ума сошла! Они обязаны!

— Даже пиявки брезгуют, — не удержалась от колкости «добрая» Юлия Станиславовна.

— Кто это там бормочет? Лежите тихо, бабушка. Иначе отправитесь в таком виде на экскурсию по подъезду.

Минуты через две Клара Юрьевна принялась.

— Диана, от вас пахнет парфюмом, или мне кажется?

— Да, пахнет.

— Господи, пиявки не переносят резких запахов: пот, парфюм, различные гели и лосьоны их отпугивают.

— Полчаса назад я приняла ванну с ароматическими маслами.

— Ой, а мне уже хорошо, — блаженно прошептала Юлия Станиславовна. — Такое впечатление, что мне массаж спины делают.

— Эгоистка! — злилась Диана. — Как тебе может быть хорошо, когда мне плохо?! Сестра, называется.

— Я не виновата, что пиявки отказываются иметь с тобой дело.

— Клара, не стой столбом.

— После душа вы пользовались духами?

— Нет... Не помню...

— Диана, ответьте честно.

— Совсем немного. Два раза пшикнула.

— Извините, пиявки к вам не пристанут.

— Что, опять в ванную идти?

Клара Юрьевна развела руками.

— Придется. И старайтесь не нервничать. Пиявки не любят нервных людей, это тоже может их отпугнуть.

— Может, прикажешь им серенаду спеть? — Диана встала и отправилась в ванную комнату.

— Так ей и надо, — веселилась Юлия Станиславовна. — Кстати, про то, что мне хорошо, я наврала,

чтобы досадить Диди. Ничего не ощущаю. Эффекта ноль.

— Не все сразу.

Прошло пятнадцать минут. На спине Дианы оказались шесть пиявок, но она все равно была недовольна.

— Юля, что ты чувствуешь?

— Одухотворенность, — сулыбкой на губах шептала Юлия Станиславовна.

— Почему я ничего не чувствую? Клара, объяснись! Юлька наслаждается, а я как бревно червивое валяюсь. Ты подсунула мне неправильных пиявок?

Юлия Станиславовна засмеялась.

— Чего смешного?

— Про бревно понравилось, а главное — в точку попала. Пиявки ведь тоже черви, я права?

— Ты сейчас из окна восьмого этажа вниз спланируешь. И о своем остеохондрозе забудешь на веки вечные. Я, конечно, не пиявка, но вылечу тебя от него за доли секунд. Поняла? И только пискни что-нибудь! Клара, когда будет эффект? Лежать неудобно. Пить хочется, они меня обезвоживают.

Клара Юрьевна вышла из спальни за водой. Диана от предложенной воды отказалась.

— Принеси апельсиновый сок из холодильника.

— Сок закончился сегодня утром, — ответила Юлия Станиславовна.

— Что за дом? Все заканчивается невовремя! Где справедливость? Сока нет, пиявки не действуют, родная сестра называет меня собачьей кличкой.

Клара Юрьевна улыбалась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БРАСЛЕТ С ИСТОРИЕЙ...

Выждав несколько дней, Люська поехала к Анастасии. У подъезда столкнулась с Сашкой, схватила его за руку, зачастила:

— Вы меня помните? Я приезжала к Насе несколько дней назад.

— Помню, — ответил он.

— Насе уже лучше, я могу с ней поговорить?

— Вы во второй раз прокатились зря. Наси нет дома.

— Подожду.

— Она исчезла, — оgoroшил Сашка. — Понятия не имею, что делать, о чем думать и куда обращаться. Был в полиции, заявление брать отказываются, ссылаются на правила. Почему у нас столько идиотских законов?

— Подождите, давайте по порядку, когда она исчезла?

— Второй день пошел. Вчера на работу собирался, Настька мне завтрак приготовила, кофе сварила. Мы не разговаривали, она молчала, я не настаивал, понимал ее состояние. Уходя, я обернулся,

Настя улыбнулась. Дурак! Вечером цветы купил, хотел Настьке сюрприз сделать. Сделал, называется. В прихожку зашел, а там атас.

— То есть?

— Все вверх дном. Вещи по квартире разбросаны, крупы на полу, дверца холодильника нараспашку... Насти дома не было.

— А друзья, подруги, вы им звонили?

— Звонил, конечно.

Люська нахмурилась. Кирилл Глухарев тоже исчез из дома, потом аналогичная история произошла с Алексеем Гавриловичем, теперь настал черед Анастасии. Кирилл и Алексей мертвы, а Настя...

— Настя никогда не упоминала Кирилла Глухарева или Алексея Романова? — спросила Люська.

— Глухарев? Романов? Хм, нет, я бы запомнил. Из имен она упоминала только девочку Наину.

После Сашкиных слов Люська подпрыгнула.

— Что она о ней говорила?!

— Всего я не знаю, мне только известно, что много лет назад Наина погибла под колесами машины. Вроде водитель был пьян. Недавно Настя уверяла, что якобы видела Наину на улице, недалеко от подъезда. И, по ее словам, Наина позвонила ей тем же вечером по телефону, а потом звонила в дверь и просила открыть.

— Она ей открыла?

— Нет. Тряслась, как заяц, мне все уши прожужжала. Твердила, что здесь не обошлось без потусторонних сил, говорила о переселении душ.

— Я так понимаю, вы ей не верили?

— А ты бы поверила? — вопросом на вопрос ответил Сашка.

— Скорее всего, нет.

— Вот и я считал, Настя преувеличивает. Теперь в голову всякая муть лезет. Сейчас опять в отделение иду. Буду настаивать, чтобы заявление взяли.

— А вы вызывали полицию вчера вечером?

— Нет. Полтора часа до Насти дозвониться пытался, на взводе был, о полиции не подумал.

— Сообщите им о погроме, они заявление с руками вырвут. В квартиру проникли, устроили бардак, самой Насти нет. Сразу надо было рассказать.

— Расскажу, — буркнул Сашка.

Люська долго не могла решиться уйти. Глядя на подъезд, гадала, будет ли разгадана тайна Наины. Кем на самом деле она является: восьмилетней девочкой, насмерть сбитой пьяным водителем, или призраком, фантомом, появляющимся на пороге людей, которые впоследствии исчезают и оказываются на том свете? Кто же ты, Наина?

***

Клара Юрьевна открыла дверь, и Вера, едва не сбив ее с ног, ворвалась в прихожую.

— Где Люська?

— В своей комнате.

Когда Вера вбежала в спальню, Люська вздрогнула.

— Спасибо тебе, — проворчала она. — Нормально зайти ты не могла. Вер, я, между прочим, ногти крашу. Смотри, что ты наделала.

— Люсь, меня хотели убить! — Вера села на диван и уж очень спокойно добавила: — Я теперь не смогу спокойно спать.

Обняв Веру, Люська постаралась переварить услышанное. Внезапно появившийся страх холодком пробежался по спине и сразу отозвался тупой болью в затылке.

— Кто хотел тебя убить? — задавая этот вопрос, Люська ощутила себя глупой девочкой. Да и сам вопрос показался ей глупым.

— Я их не знаю, — голос Веры был похож на эхо. — Но они от меня не отстанут.

— Кто они?

— Те люди, которые мне звонили. Вернее, мужик с противным голосом и одышкой. Вчера около одиннадцати зазвонил телефон, на том конце молчание. Слышу, кто-то дышит, но ничего не говорят. Через три минуты опять звонок. И так повторялось раз десять. Не выдержав, я телефон отключила. А утром... Утром он заговорил, — Вера умолкла, и Люське пришлось тряхнуть ее за плечи.

— Говори, Вер.

— Мужик сказал, они в курсе событий. Стал требовать, чтобы я сообщила, где Наина. Я стала выяснять, кто она такая и почему позвонили именно мне.

— А он?

— Посоветовал не строить из себя дурочку. Сказал, что я играю с огнем. Потом образовалась пауза, послышался кашель, мужик упомянул Кирилла. Люсь, он говорил, что Кирилл знал, где Наина, и если я не хочу повторить судьбу мужа, то мне лучше перестать артачиться. Им нужна только Наина. А кто она такая и где сейчас находится, я не в курсе. Почему они звонят мне, ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Когда и как тебя пытались убить? — напонила Люська.

Вера всхлипнула:

— Возможно, я сгустила краски, меня не хотели убить в буквальном смысле, но мужик намекнул, мол, не скажешь где Наина — тебе крышка.

— По его словам, Кирилл был в курсе? Все сходится, даром он упомянул Наину в разговоре с Левкой.

— Кирилл, может, и знал, но я-то ни сном ни духом. Но мне не верят.

— Определился номер, с которого он звонил?

— Ага, жди. Определитель, сволочь, совсем обнаглел — вместо цифр высвечивает сплошные прочерки. А если бы и определил номерок, смысл? Наверняка левый номер.

Люська прошла по комнате.

— Некто, — начала она рассуждать вслух, — или скорее не некто, а группа неизвестных нам людей хочет узнать о местонахождении Наины. Следовательно, делаем вывод: Наина скрывается. По крайней мере от них. Так?

— Ну, допустим.

— Идем дальше. Перед смертью Галина Валентиновна видела Наину. Видел ее и Кирилл. Заходила она и к Насте. Сто пудов, и у Романова была — вспомни девочку у подъезда с ключами от машины. Получается довольно странная вещь: от одних людей Наина скрывается — ее никак не могут отыскать — других же, прошу заметить, помимо их воли она преследует.

— Может, мне в Пермь поехать? — спросила Вера. — У меня там подруга живет.

— Если сбежишь, значит, есть что скрывать. Хочешь больших проблем?

— Можно подумать, сейчас они у меня маленькие. Страшно из дома выходить. Саданут по башке — и привет.

— Сиди дома безвылазно.

— Отличная идея, Люсь, ты гений. Я так и поступлю. Только сначала куплю кирпичи, цемент и замурую входную дверь. Потом научусь питаться воздухом и заживу припеваючи в своей двушке.

— Вер, не злись, я просто предложила пересидеть дома.

— А есть я что буду?

— Продукты могу взять на себя.

— Не годится.

— Тогда перебирайся к нам, — предложила Люська.

— У вас и так полный дом гостей. Где спать, на пороге вместо сторожевой собаки?

— Вер, прекрати, квартира большая, все разместимся. Смотри, Диана спит в одной комнате, Юлия Станиславовна — в гостиной, Клару Юрьевну разместили в спальне Глеба, ты можешь спать у меня. Кресло раскладывается, оно мягкое, широкое. Ну как?

Вера ткнула пальцем в бежевое кресло.

— Ты его имела в виду?

— Угу.

— Мне вещи перенести нужно. Поможешь? За один раз не управимся — шмоток много.

— Шмотками займемся завтра. Сегодня мне надо смотаться в одно место.

Вера пересела в кресло и скривилась.

— И совсем оно не мягкое.

***

Час спустя хмурая женщина с тонкими губами и колким взглядом велела Люське следовать за ней. Они шли по бесконечному коридору, по обе стороны которого высились стеллажи с книгами.

Женщина остановилась у обшарпанной двери, поправила передник и нехотя постучала. Не дожидаясь ответа, толкнула дверь:

— Григорий Ильич, к вам пришли.

— Да-да, это, должно быть, Людмила, я ее жду, пусть пройдет.

Люська зашла в кабинет, вдохнула пропитанный табачным дымом воздух и начала кашлять.

— Рая, принеси нам два чая и вафли, — распорядился Григорий Ильич. — Людмила, присаживайтесь,

чувствуйте себя свободно, конфузиться не надо. Друзья Дианы — мои друзья.

— Вообще-то, я не подруга, — ответила Люська, удивившись, что Диана скрыла от Волынцева правду. — Я ее внучка.

Григорий Ильич вскинул широкие брови.

— Вот так новость! Почему она меня не предупредила? Тогда я попрошу вас пересесть на диван. Раз такое дело и вы внучка Дианы, на диване вам будет намного удобнее.

Интересное кино. Значит, для знакомых Дианы предназначаются стулья, для внучки больше подходит диван. А он забавный, этот Григорий Ильич, Люська не смогла скрыть улыбку.

Раиса появилась в кабинете внезапно. Держа в руках поднос с чашками, сахарницей, молочником и вазочкой с вафлями, она подошла к столу и спустя полминуты удалилась. Тянуть время не хотелось. Сделав пару глотков из красивой фарфоровой чашки, Люська перешла к делу.

— Григорий Ильич, Диана рекомендовала вас как профессионала своего дела.

— Она не обманула, в своем деле я ас. Можете не сомневаться.

— Тогда я могу рассчитывать на вашу помощь, — утвердительно заявила Люська, открыв сумочку.

— Чем смогу, помогу, но хотелось бы узнать конкретнее: зачем вам понадобилась помощь ювелира?

— Мне необходима консультация. Взгляните, — Люська протянула Волынцеву коробочку с браслетом.

Лицо Григория Ильича вытянулось.

— Гм, забавно, — произнес он, достав браслет. — Очень забавно.

— Вы как ювелир можете что-нибудь сказать об этом браслете?

Волынцев хмыкнул.

— Об этом браслете я могу рассказать очень много. Но сперва позвольте полюбопытствовать, откуда он у вас?

— Это подарок, — уклончиво ответила Люська.

— Чей подарок? — допытывался Григорий Ильич.

Люська молчала. Григорий Ильич встал из-за стола и, извинившись, покинул кабинет. Браслет он забрал с собой. Промаявшись в ожидании двадцать минут, Люська вышла в коридор, наткнувшись на Раису.

— А где Григорий Ильич, он случайно про меня не забыл?

— Григорий Ильич помнит о вас, — ответил Волынцев, возникнув за Люськиной спиной. — Прошу прощения, что вынудил вас ждать, я должен был кое в чем удостовериться.

— В чем же?

— Вы не ответили, кто подарил вам браслет. Я хочу услышать правдивый ответ. Ну же, Люда, почему вы мне не доверяете? Вы пришли за помощью,

я могу ее оказать. Но только при условии, что наш разговор будет построен на взаимном доверии.

Выдохнув, Люська поведала Волынцеву историю о смерти Галины Бекетовой и о ее последней просьбе, адресованной Кларе Юрьевне.

— А когда мы открыли коробочку, то увидели браслет, — закончила она свой рассказ.

— Странная история. Неужели та женщина, Бекетова, каким-то образом была замешана в том деле? А что, вполне возможно, хотя...

— О каком деле вы говорите?

— Видите ли, Люда, у браслета, который вы мне принесли, весьма впечатляющая биография. Он большой путешественник, и... — Григорий Ильич, поднес браслет ближе к глазам. — И думается мне, история тех лет имела продолжение в наши дни.

...В тысяча восемьсот восемьдесят пятом году в семье француза Анри Годара родилась девочка — единственная наследница огромного состояния. В детстве она ничем не отличалась от сверстников: бегала, прыгала, играла, кричала — вела себя, как и подобает вести здоровому ребенку.

Странности в поведении дочери мсье Годар начал замечать, когда ей исполнилось восемнадцать. Девушка перестала смеяться, общаться с друзьями, превратившись в затворницу. Анри Годар приглашал лучших врачей, результат, увы, оставался неизменным. Девушка чахла, причину выявить не могли. Врачи ставили множество

диагнозов, позже сами же их опровергали, спорили, собирали консилиумы, но помочь несчастной были не в состоянии.

Время шло, дочь Анри Годара перестала выходить из дома, к двадцати годам она ограничила свое пространство собственной спальней. Бледная, нерадивая девушка с большими, но грустными глазами напоминала призрака, охранявшего старинный семейный замок.

Однажды мсье Годар был приглашен в гости в поместье графа Луадье. Для него стало приятной неожиданностью, когда дочь захотела посетить поместье Луадье вместе с отцом.

На территории графа располагались две большие оранжереи, гордостью которых по праву считались красные гвоздики. Цветы источали настолько сладкий аромат, что у любого, кто оказывался в оранжерее, начиналось головокружение. Не избежала этой участи и мадемуазель Годар. Едва она ступила в оранжерею, у нее закружилась голова. Вдохнув пьянящий аромат цветов, девушка улыбнулась. Улыбнулась впервые за последние два года. А потом произошло настоящее чудо: она сорвала одну гвоздику, поднесла ее к лицу и закричала:

— Так пахло мое детство!

Что она имела в виду, для всех осталось загадкой. Да и сама Годар позже не могла объяснить, какой переворот произошел в ее сознании. Красные гвоздики действовали на девушку магически. Находясь в окружении цветов, мадемуазель Годар

оживала, начинала смеяться, на щеках появлялся заметный румянец.

Не раздумывая ни секунды, Анри Годар распорядился построить на собственных владениях большую оранжерею. Там выращивали исключительно красные гвоздики — любимые цветы девушки со странным недугом. К слову сказать, недуг постепенно отступал, его прогоняли гвоздики — во всяком случае, так считало большинство из тех, кто наблюдал за поведением дочери Анри. Девушка возвращалась к жизни.

Через четыре года она вышла замуж, получив в подарок от отца золотой браслет с красными бриллиантами, выполненными в виде шапок гвоздик, и изумрудами.

Кухаркой в доме Годаров служила русская женщина — Полина Рябова. Хитрая хамоватая особа себе на уме. В один из дней Полина сбежала от Годаров и подалась в Россию. Вместе с ней попытать счастье на чужбине отправился и садовник Годаров Жерар, муж Полины. Покидать Францию с пустыми руками Полина посчитала делом неблагодарным, с собой она прихватила браслет — так сказать, на долгую добрую память.

Браслет оказался на территории царской России. В седьмом году Жерар умер, Полину Рябову убили в четырнадцатом. За два года до гибели она продала браслет Никите Старомыжскому — человеку с дурной репутацией и еще более дурными намерениями.

На некоторое время судьба браслета была окутана дымкой неизвестности, но в конце тридцатых он обнаружился у нового хозяина — директора овощебазы Милашова.

В сорок первом началась война, Сергея Милашова убили в мае сорок третьего. В августе сорок пятого его вдова продала браслет, как сказали бы сейчас, жене одного авторитета. Спустя несколько лет женщина была найдена задушенной в подворотне — браслет с руки сняли.

В начале восьмидесятых годов ювелирным украшением стала обладать некая Анна Лейбовна Шанская. Браслет ей подарил муж, карточный шулер и вор.

— С Анной Лейбовной я знаком, — сказал Георгий Ильич. — Она не раз прибегала к моим услугам. А после того, как потеряла мужа, я за ней... в общем, приударил. Правда, Анна старше меня на семь лет, сейчас ей восемьдесят три года, но на развитие нашего бурного романа это никак не влияло. Красивая была женщина, рискованная. Знаете, про таких говорят — роковые красавицы. Аня ничего никогда не боялась. Иногда мне страшно делалось, потом холодным обливался, а она словно кремь. Сейчас болеет часто, видимся изредка, вспоминаем былое, — усмехнулся Волынцев.

— Получается, браслет принадлежит Шанской?

— Он ей принадлежал до девяносто шестого года.

— Она его продала?

— Никогда бы Анна с браслетом не рассталась, его украли. Да, вы не ослышались, украли. Неприятная получилась история. Анна сильно переживала, с тех пор ни она, ни я не видели браслет. И вот у меня дома появляется вы с Наиной. К чему бы это, Люда?

Люська резко глотнула воздух, и он попал не в то горло. Начал бить кашель. Григорий Ильич протянул чашку с чаем, а сам пару раз легонько ударил Люську ладонью по спине.

— Как вас так угораздило? — сокрушался ювелир. — Выпейте. Выпейте чая, сделайте хотя бы несколько глотков.

— Григорий Ильич, о какой Наине вы говорите? Волынцев кивнул на браслет.

— О браслете. Он так называется — «Наина». Анри Годар дал браслету имя своей дочери Наины. Что с вами, Люда?

Люська откинулась на спинку мягкого дивана.

— У Наины Годар был браслет «Наина»? Замечательно. Это тупик.

— Я вас не совсем понимаю.

Люська рассказала Волынцеву историю о сбитой девочке Наине.

— Действительно, тупик получается, — развел руками Георгий Ильич.

— Вы можете дать мне адрес Анны Лейбовны?

Волынцев адрес продиктовал, вернул Люське браслет и вдруг неожиданно произнес:

— Прежде чем вы уйдете, вы должны кое-что знать. Этот браслет подделка. Не скрою, подделка

качественная, чувствуется рука профессионала, но тем не менее для меня не составило большого труда определить: к настоящей «Наине» он не имеет ни малейшего отношения.

— А вы уверены, Григорий Ильич?

— Вы не доверяете слову ювелира? Люда, не забывайте, я видел настоящую «Наину», причем видел не единожды и с полной ответственностью заявляю: бриллианты не настоящие, изумруды не настоящие, золото... Золото высшей пробы, а в остальном, простите, это всего лишь копия. У настоящей «Наины» на замке было выгравировано «N.G.». Здесь же подобной гравировки я не наблюдаю. У вас еще остались сомнения?

Люська замотала головой.

— Но кому понадобилось делать копию браслета?

— Вопрос вы задали хороший, но я не в силах на него ответить.

Попрощавшись с Волынцевым, Люська вышла на лестничную площадку. Отовсюду так и слышалось: Наина. Наина! Наина!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НОЧЬЮ У ПРУДА

Им было семнадцать, и они любили друг друга. Увы, большой любви без больших преград не бывает. Против их отношений выступали родители Кристины, категорически запрещая дочери встречаться с Егором.

Егор жил в деревне со смешным названием Хохотунки. Здесь он родился, учился и встретил Кристину. Родители Егора работали на ферме. Пару лет назад ее закрыли, разворовали — коровники разобрали на кирпичики. Потом она была продана и по сей день стоит, никому не нужная.

Два года назад на выкупленных землях в километре от Хохотунков развернулось грандиозное строительство коттеджного поселка. Чуть погода в дома стали заселяться владельцы, территория строго охранялась. Началось соседство богатых и бедных, шутили деревенские, поглядывая в сторону элитных построек — туда, где еще совсем недавно были колхозные поля.

Кристина с родителями жила в крайнем коттедже на третьей улице. С Егором встретилась случайно.

Вспыхнуло чувство — то самое, которое называют любовью с первого взгляда.

Егор познакомил девушку с родителями, а месяц спустя произошло знакомство с родителями Кристины. В тот вечер его выставили вон, предупредив, чтобы впредь не смел приближаться к их дочери.

Начались тайные встречи. И было в них нечто такое, от чего захватывало дух. Появлялся драйв, и хотелось кричать от восторга. Такое бывает только в молодости.

Летом они встречались в полночь возле пруда. Пруд никогда не чистили, он зарос густой тиной, купаться в нем отваживались самые отчаянные деревенские жители.

Сегодня Егор предложил искупаться.

— Ты так шутишь? — улыбнулась Кристина.

— И да, и нет.

— В эту лужу я не зайду.

— Жарко очень.

— Не выдумывай.

В стороне, где рос дуб, что-то хрустнуло, подростки не обратили на шум внимания. Минут через десять Кристина испуганно сказала:

— Егор, там машина.

— Где? — он повернул голову и увидел припаркованную метрах в пятнадцати от пруда — под двумя раскидистыми ивами — машину.

— Как она там оказалась?

— Кто-то решил, у него не машина, а танк, и забил на колдобины. Пошли глянем.

— Подожди. Задняя дверца открыта.

— Вижу, — Егор подошел ближе, постучал костяшками пальцев по стеклу. Реакции не последовало.

Кристина нагнулась, посмотрела в салон и отпрянула назад.

— Егор, на заднем сиденье человек.

Егор открыл дверцу шире.

— Не надо, — Кристина перехватила его руку. — Давай уйдем, мало ли что.

— Подожди, вдруг ему плохо. Вы меня слышите? Помощь не нужна?

Человек не реагировал. Через минуту стало понятно — человек мертв. Егор вызвал полицию.

***

Увидев Люську, Вера вскочила со скамейки.

— Жду тебя минут двадцать, где ты носишься в такую жару? Звонил следователь, нашли машину Кирилла, мне надо приехать на опознание, или как там это называется.

— Тогда почему ты здесь?

— Одна боюсь.

— Хорошо, едем.

— Голос его мне не понравился, — сказала Вера. — Подозрительный какой-то, тихий, вкрадчивый.

— Не накручивай себя раньше времени, что ужасного может произойти? Все самое страшное позади.

— Да прям.

— Ты паникерша.

— Я суеверная. Если ты сейчас начнешь говорить, что все будет в порядке, обязательно сглазишь.

— Тогда мне лучше молчать.

— Согласна.

...Вера подтвердила, что найденная машина принадлежала Кириллу.

— Где ее обнаружили? — допытывалась Люська.

— В Подмосковье, в Чеховском районе. Неизвестные пригнали машину в деревню, оставили ее у пруда.

— А вам кто сообщил, что машина Кирилла найдена?

— Вы задаете слишком много вопросов, — одернул Люську следователь, затем посмотрел на Веру и мягко произнес: — Вера Михайловна, нам с вами предстоит посетить одно не очень приятное место.

— Что за место? — перепугалась Вера.

— Морг.

Вера вскрикнула и встала за спину Люськи.

— Вы смеетесь? Какой морг, что я там забыла? Нет, ни в какой морг я не поеду.

— Это необходимо, — настаивал следователь.

— Необходимо кому, вам или мне?

— Вера Михайловна, — его тон сделался настойчивым. — В машине вашего мужа было обнаружено тело молодой женщины. Возможно, вы могли знать убитую.

— Ее убили? — перебила следователя Люська.

— Да. На шее след от удавки.

— Это сон, — мотала головой Вера. — Кто-то издевается над всеми нами. Разве вы сами этого не видите? Мы марионетки, за нами постоянно ведется наблюдение, я это чувствую. Люсь, я не поеду в морг!

— Вер, — Люська отвела ее в сторону. — Понимаю, ехать в морг не очень заманчивая перспектива, но так надо. Соберись, а потом сразу поедem домой, примешь ванну, я тебе кофе сварю.

— Зачем мне смотреть на тело незнакомой женщины? Чтобы окончательно расшатать нервную систему?

— А вдруг ты ее знаешь?

— Абсурд.

— Но она оказалась в машине Кирилла.

— Я боюсь.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Если такая смелая, езжай сама.

— Я бы поехала, но меня не пустят.

— Люська, морг — это жуть.

— Знаю, Вер.

Некоторое время Вера неподвижно стояла возле входной двери, соображая, как поступить: выбежать из кабинета и вернуться домой или прислушаться к словам Люськи и отправиться со следователем.

— Вер, как ты? — спросила Люська.

— Сама не видишь?

— Вижу.

— Мне надо подумать.

Люська искоса посмотрела на следователя. В результате здравый смысл взял верх над эмоциями.

— Хорошо, я согласна, — ответила Вера. — Только давайте поскорее во всем разберемся.

На столе ожил телефон. На протяжении минуты следователь слушал звонившего, потом кивнул и спросил:

— Это точно?

И вновь повисла тишина.

— Я должен с ним встретиться, — сказал он, сжимая кулак. — Да. Нет, не надо. Спасибо.

Положив трубку, он сел на стул.

— Вера Михайловна, поездка отменяется, теперь в ней нет смысла.

— Что произошло? — Люська тоже села на стул.

— Тело убитой женщины опознали.

— Кто?

— Ее гражданский муж. Она пропала несколько дней назад, он обзванивал больницы, морги... Сегодня ему не повезло — сообщили, что приметы поступившей в морг женщины совпадают с приметами его пропавшей жены.

— Как ее имя? — едва слышно спросила Вера.

Следователь посмотрел в блокнот, в котором пару минут назад сделал запись.

— Анастасия Федина.

Люська прикрыла глаза. Пот градом потек по спине, в ушах зазвенело, сильно захотелось пить.

Не говоря ни слова, она встала, перекинула через плечо сумочку и, не прощаясь, вышла из душного кабинета. Удивленная Вера выбежала за ней.

— Люсь, ты чего? Тебе плохо? Может, воды купить в палатке?

— Это Настя, — прошептала Люська, глядя прямо перед собой. — Настя.

Внезапно она развернулась и поспешила в здание.

— Куда ты?

— Жди меня на улице.

— Люсь...

— Я быстро.

В кабинет следователя Люська зашла без стука.

— А можно узнать, кто обнаружил машину Кирилла Глухарева в Подмосковье?

На улице Люська сказала:

— Я узнала адрес парня, который позвонил в полицию.

— Зачем он тебе?

— Надо поговорить.

— Прямо сейчас стартанешь?

— Не поняла, а чего язвишь-то?

— Это от нервов, извини.

— Проехали. К Егору рвану на днях, сегодня мне надо с Анной Лейбовной связаться.

— Что еще за Лейбовна?

— Одна старушенция.

— На меня не рассчитывай, я к бабке ехать не собираюсь.

— А кто тебе предлагает? Я и сама тебя не возьму.

— Что так?

— Одной мне комфортнее. А когда ты рядом, я... как бы помягче сказать... Ну, короче, иногда ты меня напрягаешь.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Вера промолчала.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОДУКТОВЫЙ ШОПИНГ

Прежде чем дать согласие на встречу, Анна Лейбовна попросила Люську перезвонить через несколько минут. Как она пояснила, необходимо выяснить кое-какие детали. Десять минут спустя, повторно набрав номер Шанской, Люська услышала:

— Я звонила Григорию, вы не обманули, он подтвердил ваши слова. Жду вас завтра во второй половине дня, сможете подъехать к десяти?

— Постараюсь.

— Я вас жду.

Утром Анна Лейбовна — низкорослая полная бабулька с кудрявыми седыми волосами — встретила Люську у подъезда.

— Лапушка, вы пунктуальны. Я думала, опоздаете минут на сорок. Что ж, не будем терять время. В путь!

— В каком смысле в путь?

— В прямом. Видите машину? За мной заехал Павел, мой давний приятель. Собираюсь за продуктами. Таскать тяжелые сумки мне нельзя, два-три раза в месяц мы с Павлом ездим по рынкам и магазинам и затариваем два моих холодильника. Сегодня вы

поедете с нами. А потом я угощу вас вкусным горячим шоколадом. Вы ведь не отказываетесь ехать на рынок, лапушка?

— Ну что вы... — выдавила улыбку Люська, — я обожаю рынки.

В машине Анна Лейбовна сказала:

— Павел сорвал голос, молчит четвертый день. Не обращайтесь на него внимания. Паша, поехали.

Люська кивнула пенсионеру и посмотрела на Анну Лейбовну.

— Лапушка, Григорий сказал, у вас ко мне важное дело. Излагайте, я слушаю.

— Наверное, лучше поговорить дома, в спокойной обстановке.

— А разве в салоне машины беспокойная обстановка? По-моему, отличное место для бесед.

— Боюсь, беседа окажется не очень приятной.

— Не пугайте меня, лапушка, что стряслось?

Люська спросила о браслете «Наина». Анна Лейбовна вздрогнула.

— Прелестный был браслет, красоты неописуемой. И денег приличных стоил. Но деньги прельщали меня меньше всего. Я любила драгоценности — вот в чем настоящий смысл жизни. Бриллианты, рубины, изумруды... О!.. Сколько у меня было камней... И каких камней! Если бы вы их видели, лишились бы дара речи. Я не преувеличиваю.

— Григорий Ильич сказал, браслет у вас украли.

— Он не соврал. Та скотина действительно сперла браслет. Григорий вам говорил, кто украл «Наину»?

— Нет, — Люська мотнула головой.

— Тактичный, стервец, — усмехнулась Анна Лейбовна. — Гришка всегда был тактичным, я называла его аристократом. Согласитесь, лапушка, он похож на титулованную особу. Он обаятелен даже сейчас, когда должен рассыпаться на части. Ха! Гришка за мной ухаживал, красиво ухаживал, даже замуж звал. Я отказала. А зачем мне это надо? Я любила своего мужа, а когда он умер, поняла: уже никого никогда не полюблю. Да, у меня случился роман с Григорием, но то была не любовь, а что-то другое. Знаете, что ему сильно мешало в делах амурных?

— Даже боюсь представить.

— Его такт. Да-да! Паша, ты проехал поворот, теперь доезжай до конца улицы, там можно будет развернуться.

— Анна Лейбовна, кто же украл у вас браслет?

— Человек, не имеющий ни стыда, ни совести, — последовал ответ. — Вы в курсе, что чаще всего на предательство идут близкие люди — те, которым ты свято доверяешь?

— Не могу ничего сказать по этому поводу, — честно призналась Люська.

— Вам просто повезло, вас не предавали. За мою длинную жизнь меня предавали не раз. Кстати, как вы думаете, сколько мне лет?

— Семьдесят, — ответила Люська, чтобы не обидеть Шанскую.

— Восемьдесят три года! Ой, Паша, да что с тобой сегодня?! Куда тебя несет? Сверни налево. Мы почти приехали, лапушка. Сначала купим картошку, багажник у Павла вместительный, покупать будем много. Килограмм двадцать! Тормози, Паша, мы на месте. Сиди в машине и жди нас.

По дороге Анна Лейбовна пояснила:

— У него радикулит, поднимать тяжести нельзя, поэтому толку от него, как от козла молока.

Час спустя (за это время можно было купить весь рынок), багажник был забит картофелем, репчатым луком, свеклой и морковью. Затем отправились за рыбой и курицей. Затем пришел черед запастись крупами, сахаром — Шанская умудрилась купить сразу четыре упаковки по пять килограмм — и солью.

Надо ли говорить, что в качестве грузчика выступала Люська. Положив на заднее сиденье последнюю упаковку сахара и пакет с бананами и яблоками, Люська ощутила себя ломовой лошадкой.

— Устала, лапушка? — участливо спросила Анна Лейбовна, садясь в машину.

— Если честно, есть немного.

— Ничего, выпьешь горячего шоколада, тебе сразу полегчает.

— Я не очень люблю какао, — сказала Люська.

— Глупости! Все любят какао. И потом, я угощу тебя горячим шоколадом, а не какао.

— Разве это не одно и то же?

— Небо и земля. По дороге домой заедем в аптеку, надо купить йод, зеленку, бинты и аспирин. Люблю, когда дома всего вдоволь. Случись чего, самое необходимое под рукой.

— Анна Лейбовна, — взмолилась Люська, — мы заедем куда вы захотите — в аптеку, в магазин, даже можем заскочить в парикмахерскую. Только скажите наконец, кто у вас украл браслет?

— А я разве не сказала? «Наину» украл Иван. Мерзавец! Угроздило меня с ним связаться, до сих пор тот день проклинаяю. Понимаешь, лапушка, Иван показался мне человеком достойным, не способным на подлость и предательство. Он умел держаться, ходил с расправленными плечами, не сутулился — Аполлон. А я дом на даче строить задумала, машину водить не умею. Она была, но без водителя считалась ненужной консервной банкой. И тут Иван появляется, как говорится — к месту. Я стала платить ему деньги. Заметь, лапушка, деньги немалые, чтобы он возил меня за город и вообще садился за руль по первому моему требованию. Восемь месяцев Ванька возил меня туда-сюда, я к нему привыкла. Стала считать другом, а он... Втерся в доверие, выбрал подходящий момент и грабанул старую дуру, которая, дожив до шестидесяти двух лет, не научилась разбираться в людях.

— А вы уверены, что браслет украл Иван?

— Кроме него некому. Тем более за три недели до кражи он очень восхищался браслетом. Вез меня на день рождения подружки, увидел браслет и аж зацокал. Я вся была обвешана драгоценностями, но Ванька только браслетом интересовался. Говорил, что такой красоты никогда не видел. Мне бы тогда обратить внимание на его хищный взгляд и явно нездоровый интерес к «Наине», а я вместо этого пустилась в воспоминания. Рассказала, что браслет стоит бешеных денег, расхваливала на все лады красные бриллианты и изумруды, а он, паршивец, на ус мотал. Паша! Паша, остановись, я в аптеку заскочу.

В аптеке Анна Лейбовна пробыла минут пятнадцать. Обратно вернулась в прекрасном расположении духа. Села, хлопнула дверцей и как ни в чем не бывало продолжила рассказ:

— Ванька пришел ко мне расстроенный, помятый — сам не свой. Сказал, что попал в очень затруднительное положение, стал просить денег в долг. Назвал сумму, которой дома у меня, разумеется, не было. Пришлось идти снимать с книжки. Сберкасса находилась в нашем дворе, я Ваньку в квартире оставила, а сама ушла.

— Непредусмотрительно.

— Теперь понимаю, какую глупость совершила, но тогда хотелось только одного — помочь хорошему человеку. Вернулась — Ваньки нет. И только вечером обнаружила, что шкатулка, в которой лежал браслет, открыта. «Наина» пропала.

— Вы не знали адрес Ивана?

— И адрес, и телефон имелся, а толку? У него, судя по всему, еще квартира была, куда он прямоком и подался с моим браслетом.

— В полицию заявляли?

— А как же! Первым делом.

— Результат нулевой, я права?

— Не совсем. Ивана нашли спустя четыре месяца. Мертвым! Вроде его сбила машина, и он скончался на месте.

— А ваш браслет?

— Этот вопрос я задала следователю. Где, спрашиваю, мой браслет? А он руками разводит. Пришлось смириться с утратой.

— У Ивана были родственники, друзья, что вообще удалось о нем узнать?

— Родни вроде не было, по крайней мере мне о них ничего не известно. А узнать мне удалось, что он в свои сорок лет успел два раза отмотать срок за кражи. Вот так-то! Полагаю, браслет он продал сразу, как только вынес его из моей квартиры. Продал, естественно, за бесценок. Негодяй!

— Анна Лейбовна, фамилию Ивана вы случайно не помните?

— Лапушка, неужели ты считаешь, я способна забыть имя и фамилию человека, который лишил меня практически самого дорогого? Иван Акимов!

— И адрес назвать можете?

— Чей, Ваньки? Лапушка, бог с тобой, его адрес — кладбище.

— Адрес, по которому он жил раньше.

— Нет, его я, к сожалению, не вспомню. Улица Элеваторная — это точно, а номер дома... Нет. Лапушка, извини, терзать меня бессмысленно. Если я чего-то не помню, ты хоть в состояние гипноза меня вводи, а своего все равно не добьешься. Вот и дом мой показался, удачно мы съездили. Так, лапушка, теперь все продукты необходимо поднять на десятый этаж. Ты как, справишься?

Люська вспомнила про забитый под завязку багажник, многочисленные сумки на заднем сиденье, и ей сделалось дурно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОСТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Во вторник у Люськи состоялся разговор с Егором. В деревню она приехала под вечер, отыскивала нужный дом и, толкнув калитку, увидела, как сбитая девушка лет семнадцати и женщина с загорелым лицом, сидя под яблоней, пьют чай.

Поздоровавшись и спросив, дома ли Егор, Люська услышала:

— В доме он, — буркнула женщина. — Сейчас позову.

Когда она ушла, Люська повернулась к девушке и улыбнулась. Та опустила глаза.

Егор к разговорам расположен не был. Увидев Люську, враждебно спросил:

— Ты кто?

— Люся.

— Зачем я тебе понадобился?

— Егор, ты обнаружил машину моего... моего старшего брата.

Егор вздрогнул, покосился на мать и кивнул Люське в сторону калитки.

— Пошли.

— Куда?

— Не здесь же разговаривать.

Едва они сделали несколько шагов, девушка вскочила со стула.

— Оль, ты куда? — услышала Люська голос матери Егора.

— Быстрее идти можешь? — спросил Егор.

— Могу.

— Тогда давай резче.

— Ты всегда такой замкнутый?

— Чего?

— Что слышал. Куда бежишь, поговорить и здесь можно.

— Я вообще не обязан с тобой разговаривать. Усекла?

Люська поняла, что может перегнуть палку.

— Не злись. Я погорячилась.

— Так-то лучше.

Семена за Егором, Люська обернулась и заметила, что Ольга неотступно следует за ними. Она соблюдала дистанцию, а когда Егор, дойдя до развилки, остановился, Ольга спряталась за куст белой сирени.

— По-моему, за нами хвост, — усмехнулась Люська.

— Она постоянно за мной ходит, я уже привык. Не обращаю внимания.

— А зачем она за тобой ходит?

— Говорит, что любит, — серьезно ответил Егор. — Объяснять ей, что между нами ничего

не может быть, бесполезно. Ольга с девятого класса начала за мной бегать. К матери в доверие втерлась, целыми днями у нас дома тусуется.

— Егор, куда мы идем?

— Здесь недалеко есть отличное местечко, где можно спокойно поговорить.

Местечком оказался тот самый пруд, где подростки увидели машину Кирилла.

— Колись, чего хочешь узнать?

— Моего брата убили, машина пропала. Сейчас выяснилось, что она в деревне. Хочу узнать все подробности.

Егор вытянул руку.

— Мы с Кристей стояли там, машина возле ивы. Тетка не подавала признаков жизни, я вызвал полицию. И не задавай мне вопросов типа видел ли я ее раньше, не замечал ли в деревне странных личностей и так далее. Меня уже допрашивали, устал повторять, что ничего не знаю и ту тачку видел первый раз в жизни.

— О чем тогда тебя можно спрашивать?

— Что конкретно тебя интересует?

— Ну, — Люська снова увидела Олю. — Например, хотелось бы знать, что ты делал ночью возле этой лужи?

Егор сложил руки на груди.

— Мы с Кристиной часто приходим сюда.

— А кто-нибудь знает, что вы...

— Родители Кристины не в курсах, — перебил Егор. — Мои, скорее всего, догадываются.

Повисла пауза.

— Значит, ты не можешь сказать ничего интересного, да?

— Выходит, что так. Мне нечего говорить, знал бы, давно рассказал.

— Хорошо, тогда пока. Спасибо за экскурсию.

Сунув руки в карманы шорт, Егор не спеша начал удаляться от пруда.

Решив, что напрасно прокатилась, Люська направилась к главной дороге. И вдруг ее позвала Ольга.

— Подожди! — крикнула она. — Не уходи. Егор не соврал, он действительно ничего не знает, они пришли слишком поздно.

Люська насторожилась.

— Продолжай.

— Егор на Кристинку запал, — зло бросила Оля. — А она дура!

— Оль, вернемся к той ночи.

— Кристина его все равно бросит, у Егора денег нет, а я...

— Ты невеста богатая?

— При чем здесь это? Я люблю Егора, а Кристина нет. Зачем он ей нужен, у нее и так все есть: внешность, деньги, связи.

— Сердцу не прикажешь.

— Считаешь, я закомплексованная?

— Ты его любишь, уже хорошо.

— Любовь безответная, — Оля шмыгнула носом.

— Какая разница.

— Издеваешься? Зачем нужна безответная любовь? Предлагаешь мне страдать и получать от страданий удовольствие? Я же не мазохистка.

— А какой выход из создавшейся ситуации видишь ты?

Оля пожала плечами.

— Остается ждать, когда Кристина бросит Егора. Она его не любит. Не веришь? Я сама видела их, когда они целовались.

— И?

— Егор закрывал глаза, а она нет. Тот, кто во время поцелуя не закрывает глаза, не любит партнера.

— Интересная версия.

— Это на самом деле так.

— Оль, неужели ты постоянно следишь за Егором?

— Я не слежу, просто всегда нахожусь рядом. Тебе это на руку, благодаря мне узнаешь, кто и когда пригнал к пруду машину.

— Тебе что-то известно?

— Я поэтому тебя и позвала, рассказать хочу. К пруду я пришла в половине двенадцатого, встала за дубом и стала ждать Егора с Кристиной. Четыре недели за ними наблюдаю. Как жара установилась, они там каждую ночь торчат. Заставляю себя остаться дома — усидеть не могу. Постоянно о нем думаю, представляю, как они обнимаются, целуются, и начинаю заводитьсь.

— Ты пришла в половине двенадцатого, — напомнила Люська.

— Минут через пять услышала шум мотора. Смотрю, машина к пруду сворачивает. Остановилась, фары выключили. Минуты через две вышел водитель — высокий плотный мужик в майке и шортах. Лицо я не разглядела. Он открыл заднюю дверцу, сунул голову в салон и быстро пошел в сторону леса. Все! Мне тогда и в голову не пришло, что в машине труп. Без десяти двенадцать пришли эти, я видела, как они целовались, слышала смех, а потом Егор подошел к машине. Когда он начал звонить в полицию, я вернулась домой.

— Полиции ты об этом рассказала?

— Нет.

— Почему?

— Стыдно.

— Тогда почему мне решила признаться?

— Ты не из полиции. И потом... вряд ли будешь меня осуждать.

Домой Люська приехала без сил. Упала на кровать и сразу заснула.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГЕНКА ДРОНОВ

А в десять утра Вера уже подталкивала Люську к подъезду.

— Люсь, не злись, не пропадать же еде, — говорила она. — Я только сегодня вспомнила, что в холодильнике оставила солянку и котлеты. Испортятся, а так съедим. И компот у меня в кастрюле, тоже забрать надо.

— Компот, котлеты... Можно было вечером за едой сходить.

Вера вызвала лифт.

— Я тебе говорила, Клара Юрьевна пообещала мне сарафан сшить?

— Не говорила.

— Цены у нее нормальные.

— Вер, доставай ключи, — Люська вышла из лифта и прислонилась спиной к поручню.

— Уже достала, — Вера открыла дверь, прошла в квартиру и закричала: — Что это?!

Люська вбежала в прихожую. На полу обувь вперемешку с вешалками, шарфиками, кремами для обуви, губками и полиэтиленовыми пакетами. Бедлам стоял и в комнатах, кухне и даже ванной. Экран

был снят. Все то, что обычно хранят под чугунной ванной, валялось на кафельном полу.

Кухня Веры пострадала, как и кухня Анастасии Фединой: крупы, сахар, соль — на линолеуме. Сковороды, кастрюли и миски — возле батареи, которая была обсыпана мукой.

— Люсь, из шкафа все вещи вывалили, все мятое... Кресло распорото! И диван! Люська!

Телефонный звонок раздался совсем некстати. Вера схватила трубку и зло прокричала:

— Слушаю! Кто это? Что?! Опять вы... — в голосе появились нотки испуга.

Люська приблизилась к Вере вплотную.

— Что вам надо? Это вы превратили квартиру в свалку? Не знаю никакой Наины. Я обращусь в поли...

Выхватив у Веры трубку, Люська прочеканила:

— «Наина» у нас! Если хотите ее заполучить, скажите прямо: когда и куда ее доставить?

— Ты обалдела?! — шикнула Вера. — Что ты не сешь, Люська, такими вещами не шутят!

— Почему вы замолчали? — спросила Люська, показав знаком Вере, чтобы та отошла от нее подальше и умолкла.

— Так-то лучше, — раздался низкий мужской голос. — Пусть и с опозданием, но вы приняли правильное решение.

— Куда привезти браслет? — повторила Люська. Мужчина продиктовал адрес.

— Привезете его в воскресенье в два часа. Квартира коммунальная. Когда откроют дверь, скажете,

что пришли к Симухину и попросите проводить до двери. Дверь будет открыта, зайдете, положите браслет на стол и можете быть свободны.

— Почему я не могу сделать это сегодня, почему надо ждать воскресенья?

— Нам так удобнее. Надеюсь, вы понимаете?

— Не совсем.

— Меньше слов, тогда и спать крепче будете и здоровье сохраните.

— Хорошо, — Люська сжала телефонную трубку. — В воскресенье в два часа. Все поняла.

— Только без выкрутасов, — усмехнулся мужчина. — Не советую рисковать и звонить в полицию. Они не помогут, а вы врагов серьезных наживете. Вам это надо? Думаю, нет.

— Ты дура?! — набросилась Вера на Люську, когда та положила трубку. — О каком браслете ты говорила, куда собралась ехать в воскресенье?

— Не ори! Сядь, сейчас объясню.

Люська ввела Веру в курс дела.

— Как браслет связан с гибелью Кирилла? По-твоему, он имел в виду браслет, когда сказал, что не может разговаривать? Что за чушь?

— Что имел в виду Кирилл, я пока не знаю, но браслет лучше отдать, с ними шутки плохи.

— С кем с ними? У тебя хоть есть предположения, кто мне названивал?

— Убийцы.

— Хотелось бы знать конкретнее, кто они.

— В воскресенье постараемся это выяснить. Вер, у меня появился план. Я приеду в коммуналку

не в два, а чуть раньше — часов в одиннадцать. Зайду в комнату и постараюсь где-нибудь спрятаться — должен же быть у них шкаф или кровать...

— Ты больная! В квартире запросто может кто-нибудь находиться, они же не лохи.

— Дослушай. Мне кажется, за браслетом придут, причем придут тем же вечером. Пойми, коммуналка — это отвлекающий маневр, чтобы потом комар носа не подточил.

— Люсь...

— А ровно в два в комнате появится девушка, оставит на столе браслет и уйдет.

— Какая девушка?

— Хочу переговорить с Машкой, она не откажет.

— Собираешься сказать ей правду?

— Я вообще ей ничего говорить не буду. Просто попрошу об услуге.

— А если твою Машку схватят, скрутят и увезут? Ты не подумала, что коммуналка — это ловушка?

Люська задумалась.

— Не ловушка.

— А вдруг?

— Вер, им нужен браслет, а не Машка!

— Значит, в квартиру поднимаюсь я.

— Нет.

— Почему?

— У тебя другая роль. Правда, придется потратиться, но ради дела денег не жалко. Часов с одиннадцати будешь тусить недалеко от дома. На половину второго вызовешь такси, прыгнешь в салон и будешь ждать моего звонка. Если мне

удастся увидеть того, кто придет за браслетом — а я наизнанку вывернусь, но постараюсь его разглядеть — сразу позвоню тебе и сообщу, что объект выходит на улицу. Ты его заметишь и начнешь слежку.

— Белиберда.

— Есть другой вариант?

— Нет.

— Тогда не ломайся. Уверена, «курьер» сразу отправится к главному действующему лицу.

— Люсь, я все-таки за Машку твою беспокоюсь. Давай Клару Юрьевну помочь попросим.

— Если согласится, можно рискнуть. Бери свои котлеты, солянку, компот — и делаем отсюда ноги.

— А убраться?

— Потом, Вер, сначала поговорим с Кларой, уберемся позже.

Выслушав Люську — на признание ушло более часа — Клара Юрьевна неуверенно закивала.

— Я согласна, но правильно ли мы поступаем? Может, в полицию заявить?

— Они ясно дали понять, чтобы мы не делали глупостей.

— О себе подумала? Где собираешься прятаться?

— Я ей о том же говорила, — согласилась с Кларой Юрьевной Вера. — Не слушает.

— Я верю в успех нашего плана. И вы должны верить. Без веры ничего не получится. Клара Юрьевна, все будет хорошо. Обещаю!

— Твоими бы устами, Люся.

В комнате повисла пауза. Все были напряжены, каждый испытывал страх, но боялся признаться.

***

Поздно вечером, когда эмоции утихли и здравый смысл взял верх, Люська признала свою неправоту.

— Оставаться в коммуналке рискованно.

— Наконец дошло до тебя.

— Вер, только не начинай. Я погорячилась. Придется кое-что переиграть.

— Есть мысли?

— Да. Хочу позвонить Генке Дронову.

— Не знаю такого.

— Ты не много потеряла, — усмехнулась Люська.

— Кто он?

— Частный детектив.

— О!

— Скорее о-хо-хо. Генка — ходячее недоразумение: катастрофически невезучий, нелепый, постоянно куда-нибудь вляпывается.

— Тогда зачем звонить этому недоразумению? Кстати, как вы познакомились?

— Он как-то помогал нам, — Люська скривилась. — Или мешал. Не знаю, чего было больше: пользы или вреда.

— Для чего он тебе сейчас понадобился? — повторила вопрос Вера.

— У Гены есть машина. Согласись, при данных обстоятельствах это плюс.

— Не плюс, а маленький плюсик. Но учитывая, что хозяин машины никудышный детектив...

— Я не сказала, что он никудышный детектив.

— Сказала.

— Нет. У него занижена самооценка, но если установить над Геней контроль, все пойдет как надо.

— Сомневаюсь, — пожала плечами Вера. — Хотя ты ничего не теряешь. Позвони завтра.

— Не вижу причин откладывать, наберу прямо сейчас.

— Двенадцать часов, поздновато для разговоров.

— К Дронову это не относится.

Отыскав его номер, Люська, подмигнув Вере, села на кровать. Трубку долго не снимали, потом послышалось сопение.

— Алло, Гена?

Сопение повторилось.

— Ген...

Пошли быстрые гудки. Люська посмотрела на Веру.

— Странно.

— Что там?

— Кто-то сопел, теперь гудки.

— Все ясно.

— Ничего тебе не ясно, — Люська снова набрала номер.

На этот раз голос Дронова раздался после первого гудка.

— Слушаю.

— Ген, привет.

Сопение и пауза.

— Ген! — крикнула Люська.

— Я вас слышу, не надо кричать.

— Тогда почему тормозишь?

— Я не торможу, у меня из губы кровь идет.

Люська закатила глаза. У Дронова все без изменений.

— Что с губой?

— Откусил.

— Как?! — Люська так взвизгнула, что Вера едва не выронила из рук чашку.

— Вернее, прикусил сильно, — ответил Гена.

— Надо кровь остановить.

— Надо.

— Ген, понимаю, что позвонила невовремя, но дело важное.

На том конце ни звука.

— Ген, ты меня слышишь? Эй, ты здесь?

Вера засмеялась.

— Пока не поздно, бросай трубку и забудь своего Генку. Я с ним не знакома, но уже поняла, что он нам не подходит.

— Блин, куда он ушел? — злилась Люська. — Гена!

Прошло минуты три, Люська продолжала прижимать телефон к уху. Просто так она не сдастся. Даже если на помощь Дронова рассчитывать не придется, она должна высказать ему все, что о нем думает. А за три минуты ожидания слов накопилось много.

— Кхе-кхе, я вернулся, — слышался голос Геннадия.

— Где ты был?

— Как где, кровь ходил останавливать.

— А предупредить не мог?

— Вы сами сказали — надо остановить, я и пошел.

Люська сжала кулаки.

— Ладно, проехали. Ген...

— А с кем я разговариваю? — запоздало поинтересовался Дронов.

«Ну и тормоз», — подумала Люська.

— Это Люся.

— Люся? Мы раньше пересекались?

— К сожалению, да.

— Не припомню.

— Ген, кончай прикалываться. Я Люся!

— А-а... Да, да, да.

— Вспомнил?

— Конечно. Людмила из собачьего питомника? Помню-помню. Как поживает ваш питбуль?

— Сам ты питбуль. Я не из питомника. Люся Озерова!

Неожиданно Гена рассмеялся.

— Люська! Сто лет тебя не слышал.

— И я бы тебя еще столько же не слышала, — полушутя-полусерьезно сказала Люська, но, не сдержавшись, тоже засмеялась.

— Не узнал тебя, богатой будешь.

— Ага.

— Главное, голос знакомый, а понять, с кем разговариваю, не могу. Как у тебя дела?

— В пределах нормы. Ты сам как? — спросила Люська и сразу пожалела о содеянном.

Кто ее тянул за язык? Спросив у Дронова, как у него дела, она подписала себе смертный

приговор. Он же сейчас начнет в подробностях рассказывать обо всех своих несчастьях.

Так и вышло. Минут двадцать Дронов вещал о нелегкой доле, о катастрофическом невезении, сетовал на безработицу (неудивительно — кому нужен нелепый детектив?), жаловался на проблемы со здоровьем.

— Представляешь, недавно неудачно съел котлету, — тараторил Генка.

Люська посмотрела на часы и зевнула.

— Как можно неудачно съесть котлету? Целиком, что ли, проглотил?

— Нет. Во время еды у меня свело судорогой язык.

— Такого не бывает.

— А у меня свело, Люсь. Клянусь! Чуть не подавился. Вскочил из-за стола, побежал в ванную, по дороге упал, ударился локтем...

— Все обошлось? — перебила Люська.

— Ну да. Но вот позавчера, когда я возвращался домой, а света в подъезде опять нет...

— Я поняла, ты упал, ударился локтем, коленкой, копчиком — и все в таком духе. Сочувствую тебе! Мысленно я с тобой, да снизойдет на тебя благодать. Ген, а теперь заткнись и выслушай меня.

— Ты не в настроении, — протянул Дронов.

— До звонка тебе настроение было отличное. Генка, надо встретиться.

— Сейчас?

— Завтра можешь к нам приехать?

— Могу. Нет, завтра точно не получится. Или... а вообще, смогу.

— Так да или нет?

— Да. Нет. Да.

— Гена!

— Да! В котором часу подъехать?

— Когда тебе удобно.

— Люсь, адресок напomini. Я ведь свою записную книжку потерял.

Записав адрес, Гена спросил:

— Как Глеб?

— Понятия не имею. Не звонит, не пишет.

— А где он?

— Отдыхает вместе с Алиской.

— Значит, вы вдвоем с Димкой?

— И Димка уехал. Я одна.

В очередной раз повисла пауза.

— Гена, ты опять в отключке?

— Не совсем. Тут такое дело... Пока с тобой разговаривал, делал массаж указательного пальца левой ноги. И, по-моему, я его сломал. Или вывихнул. Но завтра я приеду к тебе в любом случае.

Убрав телефон, Люська закрыла глаза.

— Удачно пообщались? — веселилась Вера.

— Очень. Ты только послушай, как звучит: массаж указательного пальца левой ноги.

— Что за маразм?

— Это не маразм, это Дронов! И завтра — точнее, уже сегодня — ты с ним познакомишься.

— Жду не дождусь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРИСТУП КЛАУСТРОФОБИИ

Проигнорировав звонок, Люська перевернулась на другой бок. Через минуту телефон ожил снова. В семь утра могут звонить только ненормальные. Среди Люськиных знакомых таких нет, следовательно, кто-то ошибся номером.

Уже засыпая, Люська мимоходом подумала о Дронове. Генка! Он ведь точно ненормальный. Вскочив, она схватила телефон, проверила входящие вызовы и застонала. Звонил Дронов.

— Связалась с тобой на свою голову... — ворчала она, сунув ноги в тапки.

Генка был недоступен, но вскоре пришла эсэмэска: «Абонент снова в сети». Набрать ему Люська не успела, телефон «запел» в третий раз.

— Ген, пораньше ты позвонить не мог?

— Раньше — нет, — не услышав в ее словах иронии, ответил Дронов.

— Чего тебе не спится?

— Не понял. Вчера ты сама просила приехать. Забыла?

— Я просила приехать днем, а не будить меня в семь утра.

— Во-первых, ты сказала приехать, когда удобно мне. А во-вторых, я всегда так встаю.

— Рада за тебя. А теперь дай угадаю, ты позвонил, чтобы сообщить о неотложных делах. Сегодня встретиться не получится, да?

— Напрасно так думаешь. Я уже у вас.

— Как у нас?

— Так.

— Не поняла, Ген, — Люська подошла к окну.

— Мы застряли в вашем несчастливом лифте. Начали подниматься нормально, потом он дернулся и замер. Кнопка вызова не работает, мы в панике.

— Да кто мы-то?

— Я и Тамара Геннадьевна.

— Это еще кто?

— Узнаешь. Ей можно доверять.

— Ген, попробуй еще раз связаться с диспетчерской.

— Бесполезно, мы пробовали — кнопка не работает.

— Хорошо, я сейчас им позвоню.

— И скажи, что у Тамары Геннадьевны клаустрофобия.

— Только этого не хватало.

— Ей плохо.

— Генка, я отсоединяюсь. Жди.

Сообщив о застрявшем лифте, Люська позвонила Дронову.

— Обещали прийти быстро. Как вы там?

— Я нормально, а Тамара Геннадьевна описалась.

— Может, на всякий случай «скорую» вызвать?

— Не надо. Она сейчас заснула, не буду ее тревожить.

— Ты уверен, что она спит. Вдруг ей плохо?

— Спит. Даже похрапывает.

Ущипнув себя за руку, чтобы лишний раз удостовериться в реальности всего происходящего, Люська вышла на лестничную площадку.

— Между какими этажами вы застряли?

— Приблизительно между четвертым и пятым.

— Я спускаюсь.

— Ой...

— Что такое?

— Тамару Геннадьевну тошнить начало. Люсь...

Но Люська уже отсоединилась. Вернувшись в квартиру, она набрала «03».

— Женщина застряла в лифте, ей плохо. Она страдает клаустрофобией. Началась рвота...

— Возраст?

— Не знаю.

— Адрес.

Продиктовав адрес, Люська выскочила в коридор, столкнувшись там с Кларой Юрьевной.

— Сегодня ты ранняя пташка.

— Выспишься тут, когда с утра пораньше сумасшедший дом. Генка в лифте застрял с какой-то женщиной. Я «скорую» вызвала».

Вкратце пересказав Кларе Юрьеве, что и как, Люська начала спускаться вниз.

— Ген, — позвала она на четвертом этаже.

— Я здесь. Почему так долго нет мастера?

— Потерпите. Как Тамара Геннадьевна?

— Опять заснула.

— Поддерживай ей голову. Пульс у нее нормальный?

— Частый.

— Это от панической атаки. Ей бы воды выпить. Черт!

— У меня у самого голова раскалывается.

— Врачи должны приехать.

— Какие врачи, зачем? Люся...

— Что Люся? Не перечь, я все правильно сделала.

— Хм... даже не знаю, как теперь быть.

— Если Тамара Геннадьевна проснется, скажи ей, чтобы дышала по-собачьи. Это помогает при панической атаке.

Геннадий не отвечал.

— Гена.

— Мне стыдно.

— Что еще?

Ответить он не успел. Внизу послышался низкий голос мастера:

— На каком вы этаже?

— На четвертом! — крикнула Люська.

Мастер появился на площадке в компании врача и фельдшера. Люська зачестила:

— Они здесь. Гена держится, а Тамаре Геннадьевне совсем плохо. Открывайте скорее створки.

Пока мастер делал свое дело, Генка не проронил ни слова. А едва створки открылись, тихо произнес:

— Всем добрый день.

— А где женщина? — удивилась врач.

Люська вытаращила глаза. Кроме Дронова, в кабинке не было ни души.

— Куда делась Тамара Геннадьевна? — едва слышно спросила Люська.

— Спит, — промямлил Гена, показав окружающим задремавшую у него на руках морскую свинку.

Готовая провалиться сквозь землю Люська схватила Дронова за руку.

— Ты идиот?!

— Согласен, я слегка тебя дезинформировал. Тамара... Тамара Геннадьевна не человек. Она свинка. Но...

— Ложный вызов, — недовольно сказал фельдшер.

Врач начала отчитывать Люську. Та стояла, краснела, сдерживая себя, чтобы не наброситься с кулаками на Дронова.

Оставшись с Геной наедине (Тамару Геннадьевну в расчет не брали), Люська зло прочеканила:

— Ты поставил меня в дурацкое положение. На меня смотрели, как на кретинку.

— Я же не просил тебя вызывать «скорую».

— Что мне оставалось делать, если ты орал, что Тамаре плохо, у нее приступ клаустрофобии... — внезапно Люська осеклась. — Капец! Какая на фиг клаустрофобия у свиньи?

— Она не свинья, а свинка. Морская.

— Иди ты, Гена, знаешь куда?

— Куда?

По лестнице поднимались молча, а зайдя в квартиру, Люська опять начала заводиться.

— Нет, ну надо же до такого додуматься — клаустрофобия у свинки! Да твоя свинка спит как убитая, ей хоть в лифте тусить, хоть в канализационном люке — все едино. Дрыхнет.

— Когда лифт застрял, Тамара Геннадьевна занервничала, начала тяжело дышать...

— Еще одно слово — и врачей придется вызывать уже для тебя. Понял?

— Понял, не дурак.

— Был бы умный, не называл бы этого лохматого хомяка по имени отчеству. Почему Тамара Геннадьевна?

— Она Томка. Тамара.

— А отчество?

— Ну, вроде как у меня живет, значит, Геннадьевна.

— Я хочу что-нибудь разбить.

— Что у вас здесь происходит? — спросила Клара Юрьевна.

— Веселимся. Знакомьтесь, Геннадий Дронов — мастер выматывания нервов. Планировала просить его о помощи в нашем деле, теперь сильно сомневаюсь, что вообще стоит затевать разговор.

Клара Юрьевна протянула Геннадию руку.

— Очень приятно. А что с женщиной, ее увезли в больницу?

Люська прыснула.

— Ага, в реанимацию. Ген, покажи Кларе Юрьевне женщину.

Смущенный Гена сел на корточки и достал из-за пазухи сопящую Тамару Геннадьевну.

— Кто это? — Клара Юрьевна отскочила в сторону.

— Не бойтесь, это морская свинка.

— Никогда не видела лохматых морских свинок.

— Она у меня умница.

Клара Юрьевна перевела взгляд на Люську.

— Это и есть та самая Тамара?

— Угадали. А это Гена. Гена и Тамара — уровень интеллекта одинаковый.

Клара Юрьевна усмехнулась, а Дронов оскорбился.

— Ну, знаешь... Я не собираюсь выслушивать твои колкости. Если нам не рады, мы уезжаем.

— Генка, подожди.

— У меня испортилось настроение. Виновата ты! Сначала ваш неисправный лифт, потом издевательства. Все, мы ухо... Ай, Тамара Геннадьевна, сволочь! Дрянь зубастая! — Дронов бросил на пол свинку и начал трясти указательным пальцем. — Укусила!

— Даже свинка с тобой не согласна. Садись, сейчас йод принесу.

— И бинт.

— И бинт, — вздохнула Люська. — Горе луковое.

— Если я вам больше не нужна, пойду в комнату, — сказала Клара Юрьевна.

Тамара Геннадьевна поспешила за ней.

— Может, есть хочет?

— Дома ела, — буркнул Гена.

— Чем она питается?

— Овощами в основном. Если есть салатный или капустный лист, можете ее угостить.

Когда Клара Юрьевна с Томкой (с легкой руки Люськи свинка стала именно Томкой) ушли, а палец был перебинтован, Гена зевнул.

— Восемь часов, а я уже выдохся.

— Было от чего.

— А смешно получилось с врачами.

— Ген, с тобой постоянно что-нибудь происходит. Тебе самому не надоело?

— Не злись. Тамару Ге... Томку я прихватил с собой на счастье. Она мой талисман. Не веришь?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Напрасно. Если ее рядом нет, со мной обязательно неприятность приключится.

— Не гони, ты и со свинкой неприятности находишь.

— Ты опять?

— Хорошо, не буду.

— О чем хотела поговорить, что за дело у вас с Ксенией?

— Да... — протянула Люська. — Я забыла, у тебя еще и с именами большие проблемы. Она не Ксения. Клара Юрьевна!

— Ошибся, с кем не бывает.

— Помнится, ты и меня постоянно называл то Клавдией, то Мариной.

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Кстати, что-то у меня глаз чешется.

Понимая, что Генка может оседлать любимого конька и его опять занесет не в ту степь, Люська сказала:

— Началось все с прихода Веры...

Выслушав историю, Гена нахмурился.

— Надо было сразу связаться со мной.

— Лучше поздно, чем никогда, — язвительно ответила Люська.

— Что я могу сказать... Твой план с проникновением в квартиру — наиглупейший.

— Почему? По мне, он не так уж и плох.

— Ты слишком много сегодня разговариваешь, теперь говорить буду я. Мне виднее, у меня есть опыт, — Геня встал, заходил по кухне, растирая на ходу мочку уха. — Надо все обмозговать, на это уйдет дня два-три. Обещай, что до того момента ты будешь бездействовать.

— Обещаю. Но не затягивай, в воскресенье мы должны отвезти браслет.

— Помню. Скажи Кларе и Вере, чтобы по возможности не выходили из дома. И сама не высывайся.

— Ген, тебя заносит.

— Мы договорились: я говорю, ты слушаешь.

Люська хотела сказать, что позвонила Дронову исключительно из-за наличия у того машины, но сумела сдержаться. В конце концов, помощь им не помешает, а Генка хоть и невезучий, но все-таки работал частным детективом.

— Прости.

— Я отчаливаю. Буду на связи. Принеси мне Томку.

— Где она?

— У Клары Юрьевны.

Когда визжавшая Томка — к слову сказать, визжала она как резаная — оказалась на руках Дронова, тот признался:

— Надоело везде с ней носиться. А дома оставить нельзя — удача обидится.

— Не повезло тебе, — кивала Люська. — Ладно, идите. Думаю, вам лучше пешком спускаться. Если доедешь до дома, обязательно позвони.

Генка пообещал, а в самых дверях резко обернулся.

— Что значит если доедешь?

— Не придирайся к словам. Жду звонка.

За завтраком Люська пересказала разговор с Дроновым Вере и Кларе Юрьевне.

— Три дня я, конечно, подожду. Может, он действительно стоящую мысль предложит.

— Жаль, я его не увидела, — сказала Вера.

— Забавный человек, — улыбнулась Клара Юрьевна. — Ему бы в комедиях сниматься — успех был бы гарантирован.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Гена не звонил два дня. Попытки Люськи связаться с Дроновым терпели крах. Звонки он сбрасывал, присылая в ответ краткие эсэмэски: «Не сейчас», «Я занят», «Имей терпение». Терпение было на исходе.

— Знать бы, что он делом занимается, — говорила она Кларе Юрьевне. — А то получается, бездействуют все, а время идет.

— Два дня не срок. Ты нетерпелива.

— Почему он опять недоступен, я сейчас взорвусь!

В одиннадцать вечера Генка стоял на пороге.

— Не ждала?

— У тебя сегодня уши случайно не горели?

— Нет, а что?

— Я тебя вспоминала нелитературными словами.

— Зря. Я не прохлаждался.

Из комнаты вышла Клара Юрьевна.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте, Ксения... э-э, забыл отчество.

— Юрьевна. Клара Юрьевна.

— Прошу прощения, день тяжелый выдался, все в голове перемешалось.

— Если бы только сегодня, — ворчала Люська. — Чай тебе не предлагаю.

— У меня во рту пересохло.

— Выпей воды. За стол сядем позже. Клара Юрьевна, вы с нами?

— Конечно. Только Веру позову.

В комнате, едва все расселись, Гена зачистил:

— Начну с коммунальной квартиры. Две из четырех комнат действительно принадлежат Константину Симухину. В третьей живет полоумный дед. Четвертая, самая маленькая, пустует уже лет двадцать. Ее и комнатой назвать сложно — семь метров. Коробка.

— Кто информацией поделился?

Гена усмехнулся.

— Я профессионал, для меня не существует сложностей. Правда, люди сейчас неразговорчивые. Шарахались от меня, как от прокаженного. Но попалась мне одна соседка словоохотливая. От нее и узнал про хозяев квартиры.

— Что это нам дает? — удивилась Вера.

— Не торопитесь, я только начал говорить. Браслет просили оставить в комнате Симухина. Надеюсь, вы это помните?

— Ген, хватит тянут кота за хвост. Конечно, мы помним.

— А Константин Симухин, между прочим, уже полтора года в отъезде. За границей. Его комнаты закрыты.

— Откуда соседка может знать, закрыты его комнаты или нет?

— Забудьте уже про соседку, это я узнал от деда.

— Полоумного?

— Именно!

— Кто тебя просил разговаривать со стариком? Ты же засветился. А если он с ними заодно? Сразу после твоего ухода мог позвонить и сообщить о странном типе.

— Не части, Люсь. Никуда он не звонил. Повторяю, дед неадекватный, к тому же любит выпить. Вопросы я ему задавал тактичные, подвоха он не заподозрил. За пятьсот рублей выложил все, о чем знал.

— Я так и думала, ты все нам запорешь.

— Не вижу причин для волнения, — Клара Юрьевна встала на сторону Геннадия. — Рассказывай, что еще удалось выяснить. Люсь, не кипятись, Гена старался.

— Уже спелись? — буркнула Люська.

— Мне продолжать?

— Продолжай, Гена, — сказала Вера.

— Продолжай, — кивнула Люська.

— К Симухину приехал двоюродный брат. Тимофею Ивановичу он сказал, хочет забрать кое-какие вещи. Потом они со стариком посидели, выпили, и... — Гена сглотнул. — Здесь начинается самое интересное. Последовала просьба: в воскресенье

днем пустить в квартиру девушку. Якобы она придет посмотреть комнату, которую Симухин согласился сдать ей на полгода. Он и ключ Тимофею Ивановичу оставил.

— Какой ключ, Ген? Мне сказали, комната будет открыта.

— А она закрыта. Они не дураки, подстраховались. Скажи мне спасибо. Ты собиралась приехать раньше, а старику было сказано, что девушка придет ровно в два. Он бы тебя на порог не пустил до двух часов.

— И остаться в комнате у тебя не получилось бы, — сказала Клара Юрьевна. — Я так понимаю, ключ нужно вернуть соседу?

— Верно. Схема такая: зашла в квартиру, взяла ключ, открыла дверь, спустя время вышла, закрыла дверь и вернула ключ Тимофею Ивановичу.

— Что бы мы без тебя делали...

— Ты сейчас смеешься надо мной или признаешь мою правоту?

— Признаю, — нехотя ответила Люська.

— Значит, поступим следующим образом. В воскресенье в два часа ты отвозишь браслет в комнату Симухина, оставляешь его на столе и возвращаешься домой. Вера — она должна появиться в подъезде на полчаса раньше тебя — дежурит на лестнице. Я сижу в машине, наблюдая за подъездом. Как только в квартире появляется человек, Вера связывается со мной, и я готовлюсь к слежке.

— Моя помощь не требуется? — спросила Клара Юрьевна.

— Получается, нет.

— Если вам не сложно, — Гена залился румянцем, — я бы попросил вас составить мне компанию.

Клара Юрьевна согласилась.

— А теперь новость номер два. Я нашел Ивана Акимова. По базе данных.

— Ты не знал ни даты рождения, ни адреса.

— Зато известно имя, фамилия и улица. На Элеваторной проживал только один Иван Акимов.

— Проживал?

— Он умер. Через старых приятелей мне удалось разыскать его тетку. Ей в обед сто лет, ничего не помнит. Сказала только, где похоронен племянник, и все — впала в забытие. Она в доме престарелых живет. Но есть и хорошая новость, бабка рассказала про второго племянника, двоюродного брата Ивана — Василия Всеволодовича Акимова. Было нетрудно его разыскать. Василий Всеволодович работает в салоне недалеко от центра.

— Что за салон, и кем он работает?

— Трудно сказать. Мне кажется, Акимов либо ясновидящий, либо экстрасенс. По телефону мне сказали, попасть к Василию Всеволодовичу на прием можно только по предварительной записи.

— А почему сразу экстрасенс?

— Интуиция подсказывает, — ответил Геннадий.

— С твоей интуицией трудно спорить, — Люська встала. — На адрес салона дай взглянуть.

— Дома листок с адресом забыл. День у меня неудачный. Вечером позвоню, перепишешь.

— Какой вечер, время первый час ночи, — напомнила Клара Юрьевна.

— Уже?! Тамара Геннадьевна, наверное, проголодалась. Я поеду. Если что, звоните.

— А чай?

— Дома выпью.

Проводив Генку, Люська спросила:

— Что скажете?

— Тебе мое мнение известно — я бы предпочла обратиться в полицию.

— На данный момент это для нас непозволительная роскошь. Вер, у тебя какие мысли?

— Никаких. Я спать хочу, у меня голова раскалывается.

Оставшись одна, Люська заворчала:

— Одной подавай в полицию, вторая спать хочет. Можно подумать, мне больше всех надо.

***

В воскресенье в час дня Гена с Кларой Юрьевой подъехали ко второму подъезду.

— Сдай чуть назад, — посоветовала Клара Юрьевна. — Смотри, там есть свободное место.

Дронов дал задний ход.

— Обожаю шпионаж, он меня подпитывает.

— А я не создана для шпионажа, — Клара Юрьевна откинулась на спинку сиденья. — Надо было карты с собой взять. Скучно сидеть без дела.

— Можно поиграть в «Города».

— А действительно, давай.

— Кто начнет?

— Начинай ты.

— Нет, лучше вы.

— Хорошо, — Клара Юрьевна задумалась. —

Псков.

— Волгоград.

— Дальнереченск.

— Ох ты! Вы знаете этот город? В Дальнереченске у меня бабушка жила. Помню, один раз, на каникулах, поехал к ней и сломал там руку.

— Как тебя угораздило?

— С дерева упал.

— Не повезло.

— Месяц в гипсе.

— Ген, твоя очередь. Город на букву «к».

— Красноярск.

— Калуга.

— В Калуге я был. Зимой. На улице гололед страшный, шел, как по катку. Ногу там подвернул.

— Город на «а».

— Абакан.

— Новосибирск.

— В Новосибирске со мной однажды такая история приключилась неприятная, — Гена нахмурился. — Представляете, отравился в гостинице.

— Чем?

— Скорее всего, кефир был несвежим. Несколько дней в кровати пролежал.

— Бедный.

— На два килограмма похудел.

— Ген, твоя очередь.

— Да, я знаю. Какая буква?

— «К».

— Так, сейчас... Коломна.

— Анапа.

— Хм, — Гена усмехнулся. — В Анапе я был дважды. В первый раз получил растяжение связки, во второй — сорвал голос. Мы с компанией...

— Гена, ты меня извини, но есть хоть один город, в котором у тебя ничего не болело?

— Конечно, есть. Саратов. Ой, вру, в Саратове у меня ангина началась. Зато в Ессентуках отдыхал без проблем. Нет, опять вру. В Ессентуках меня просквозило. Или это было в Нальчике... Забыл уже.

Клара Юрьевна посмотрела на часы.

— Что-то расхотелось играть в «Города».

— А у меня, наоборот, азарт появился, сразу столько воспоминаний нахлынуло. Помню, случился у меня в Тамбове приступ аппендицита...

Клара Юрьевна прикрыла глаза.

Без пяти два Гена увидел Люську.

— Идет.

***

Люська уже была в подъезде, когда в сумочке завибрировал телефон.

— Ген, зачем ты звонишь? — спросила она громким шепотом.

— Хочу тебе сказать, мы тебя увидели. Все в порядке. Как настрой?

— Пока не услышала твой голос, настрой был боевой. Договорились же, звоним друг другу только в экстренных случаях.

— Ничего не бойся, — не слушая Люську, говорил Дронов. — Ты под надежным прикрытием. Веди себя естественно, мысленно я с тобой.

Убрав телефон, Люська выругалась. Настроение испортилось. У Генки есть удивительная способность делиться своим невезением с окружающими. Теперь ей начало казаться, затея не стоит выеденного яйца и где-нибудь обязательно будет прокол.

Поднявшись на этаж, Люська кашлянула. Сверху послышалось шарканье — сигнал Веры.

Дверь открыли после третьего звонка и двухминутного ожидания. Тимофей Иванович выглядел невыспавшимся и злым.

— К кому? — спросил он, щуря подслеповатые глаза.

— К Симухину.

— А-а, ясно. Проходи.

В коридоре он сказал:

— Сейчас ключ дам. Ступай за мной.

Вручив Люське ключ и кивнув на дверь, Тимофей Иванович сразу вернулся к себе.

— Будешь уходить, постучи, ключ верни.

Люська открыла дверь. В комнате было темно, окна занавешены плотными шторами. В центре стоял круглый стол, Люська осмотрелась и вскрикнула. За столом сидел человек.

— Дверку за собой прикрой, — с усмешкой сказал мужчина.

— Кто вы?

— Это не столь важно.

— Вы от них? — вопрос прозвучал так глупо, что Люська скривилась.

— Я от себя. Устраивает такой ответ?

— Вполне.

— Чего ты ждешь? Мне кажется, на столе чего-то не хватает.

Люська открыла сумочку, достала футляр.

— Я привезла браслет, как и договаривались.

— Положи на стол.

Выполнив поручение, она хотела уйти, но мужчина крикнул:

— Не торопись.

Взяв футляр, он подошел к окну, отодвинула резким движением штору. В комнате сделалось светло. Люська внимательно всматривалась в лицо незнакомца. Бритый череп, маленькие глазки, нос картошкой. Да, решила она, не Брэд Питт.

Мужчина открыл футляр, достал браслет и зацокал языком.

— Хороша вещица.

— Мне можно уйти?

Он молчал.

— Я привезла браслет, теперь вы оставите нас в покое?

— Может быть, — последовал ответ.

Люська сделала шаг в сторону, и вдруг дверь распахнулась. В комнате появился низкорослый коренастый мужик с пистолетом в руке.

Завизжав, Люська отскочила к шкафу. Бритоголовый, явно не ожидавший ничего подобного, положил браслет на подоконник. В глазах читалось презрение.

— Выследил? — спросил он у коренастого.

— А ты как думал? От меня не спрячешься, — он кивнул на Люську. — Кто это?

— Никто. Курьер.

— Раз курьер, отдай ей побрякушку, пусть передаст мне.

Бритоголовый ухмыльнулся.

— Попробуй заставь меня.

— Заставит он, — сверкнуло дуло пистолета.

— Хорошая игрушка, только... — бритоголовый взял браслет, швырнув его на пол.

А едва коренастый мужик нагнулся, достал пистолет (Люська успела заметить, что оба оружия — с глушителем) и выстрелил. Один раз, второй, третий...

Коренастый выстрелил в ответ. Два раза. Зажав рот ладонями, Люська медленно сползла на пол.

Двое истекающих кровью мужчин лежали на полу. Между ними в солнечных лучах сверкала «Наина». Блеск поддельных бриллиантов показался Люське коварной насмешкой судьбы. Прошло несколько минут, прежде чем она заставила себя подняться с пола. Голова кружилась, ноги отяжелели, перед глазами клубилась дымка.

Мужчины были мертвы. Люська вышла из комнаты, хлопнула дверью и поплелась по коридору к выходу. На лестничной площадке позвала Веру:

— Верка, идем.

— Люсь, в квартиру зашел мужик, он...

— Идем, сказала.

На улице Люська начала озираться по сторонам.

— Где Генкина машина?

— Вон они.

Взяв Веру за руку, Люська ускорила шаг.

— Можешь объяснить, что случилось?

— Потом.

Сев в салон, Люська сказала:

— Ген, уезжаем отсюда. Они поубивали друг друга. У меня на глазах!

Истерика длилась минут пять. Немного успокоившись и рассказав, свидетельницей каких событий она стала, Люська застонала:

— Я оставила браслет в комнате. Не решилась его забрать.

— О браслете сейчас надо думать меньше всего, — сказала Клара Юрьевна.

— Вы не поняли меня. Приедет полиция, увидят браслет, коробочку и два трупа. Там мои отпечатки! Ген, что делать?

— Самим обратиться в полицию, — предложила Вера.

— Отпечатки ерунда.

— Как ерунда, Генка?!

— Ну снимут пальчики, твоих-то у них в картотеке нет. Сравнивать не с чем.

— Успокоил.

— Стараюсь как могу.

— В полицию все-таки стоит обратиться, — неуверенно сказала Клара Юрьевна. — Произошло убийство.

— Нет. Не сейчас, — Люська опять заплакала. — Я хочу успокоиться. Пожалуйста, не надо ничего предпринимать. По крайней мере пока. Дайте мне прийти в себя.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ИНСЦЕНИРОВКА

Люське казалось, воскресные события никогда не выветрятся из памяти, они будут преследовать ее до конца жизни. А так хочется о них забыть, лечь на кровать, заснуть крепким сном, а проснувшись, не помнить ничего.

Увы, подобное бывает только в сказках и при амнезии. В сказку Люська не попадет при любом раскладе, а страдать амнезией не пожелает и врагу.

Клара Юрьевна пыталась отпаивать Люську настойкой пустырника — заставляла принимать утром и вечером перед сном. Люська в его успокаивающие свойства не верила. Хотела верить — не получалось.

— Как мне поможет простая трава? — спрашивала она Клару Юрьевну. — Я не ребенок, на которого действуют рассказы о сладких микстурах, исцеляющих от всех болезней.

— Ты недооцениваешь пустырник, — Клара Юрьевна принуждала Люську выпивать по четверти стакана отвара. — Давай, выпей и ложись, спать будешь спокойно.

Парадокс: спать хотелось, даже глаза слипались, и зевота мучила. Но стоило лечь на кровать, от сонливости не оставалось следа.

Сегодня, едва удалось задремать, распахнулась дверь в спальню.

— Люсико, — сказала Юлия Станиславовна. — Извини, что разбудила, но к тебе пришли.

— Кто? — Люська посмотрела на часы. Она спала всего десять минут.

— Некий Геннадий.

— Блин... Только некоего Геннадия мне сейчас не хватает для полного счастья.

— Я не хотела тебя будить, но он был настойчив. По-моему, у него неприятности — очень уж нервничает.

— Пусть заходит.

— Он придет, как только Клара Юрьевна остановит ему кровь.

— А что с Генкой?

— Не знаю, как так получилось. Стоял в коридоре, потом сделал шаг, поскользнулся на ровном месте и упал. Носом ударился, кровь пошла.

— На ровном месте, говоришь? — Люська встала и подошла к зеркалу: — Меня это не удивило.

На кухне Клара Юрьевна протянула Дронову ватку, пропитанную перекисью водорода.

— Засунь в ноздрю и подними голову.

— Только бы нос не сломал.

— Нос не сломал. Ген, голову подними.

— Не могу.

— Почему?

— Она закружится, у меня шейный остеохондроз.

— Тогда я знаю, что тебе поможет, — сказала Люська.

— Привет.

— Привет, невезучий.

— Не смешно. Это частный случай.

— Ага, в другом месте врать будешь.

— Кто мне поможет с остеохондрозом?

— Пиявки.

— Да, да, да, — оживилась Юлия Станиславовна. — Я провела всего три сеанса и забыла о болях в шейном отделе. Спасибо Кларе Юрьевне.

— Мне нельзя ставить пиявок, — сказал гена.

— Есть противопоказания?

— Да.

— Только не говори, что у тебя гемофилия.

— Гемофилии нет, но кровь очень высокого качества.

— Премиум класса, что ли? — засмеялась Люська.

— Не веришь?

— Кровь у всех одинаковая.

— Не мечтай. Пару лет назад мне ставили пиявок. И что вы думаете? Когда пришло время их снимать, они ни в какую! Присосались насмерть. Уже как шары стали, а все пьют и пьют кровь. Чем только их ни пытались спугнуть: и йодом, и спиртом, и даже ацетоном. Ничего не помогло.

— А в итоге?

— Я упал в обморок. Пришел в себя, пиявок уже сняли. Врач сказала, такое впервые в ее практике. Все дело в качестве крови.

— Ген, пошли в комнату.

— Люсь, ему надо посидеть с поднятой головой.

— У меня и посидит. Пошли-пошли, Ген.

В комнате Дронов сказал:

— Лучше сядь.

— Не поняла.

— А то упадешь.

— Заинтриговал, — Люська села в кресло.

— Угадай, где я сегодня был?

— Сложный вопрос. Зная тебя, ты мог быть где угодно.

— Даю тебе три попытки.

— Ген, я не люблю гадать. Говори.

— Ездил в неизвестную тебе коммунальную квартиру.

Люська вздрогнула. По спине пробежал холодок.

— Зачем ты туда ездил?

— Планировал разведать обстановку.

— Гена, мы же разговаривали на эту тему.

— Не перебивай меня. Я действовал аккуратно, комар носа не подточит. И по твоим глазам вижу, тебе самой не терпится узнать последние новости.

— Ты прав, — кивнула Люська.

— Так вот, представь мое удивление, когда я встретил возле подъезда Тимофея Ивановича.

— Что в этом удивительного?

— Мы поздоровались, я поинтересовался его делами, настроением, а он...

— А он? Перестань делать паузы!

— Сказал, что настроение отличное.

— Ну! — Люська сорвалась на крик.

— Предложил мне подняться к нему, отпраздновать большое событие. Его внучка в Северодвинске родила сына. Тимофей Иванович стал прадедом.

— Рада за него, — едва слышно сказала Люська. — Только давай ближе к делу.

— Ближе так ближе, — Гена вытащил из ноздри ватку и шмыгнул носом: — Вроде кровь не идет.

— Ты поднялся в квартиру?

— Да. Зашли мы в коридор, Тимофей Иванович на свою дверь кивнул. А я по сторонам глазами стреляю. Смотрю, дверь в комнату Симухина приоткрыта.

Люська начала обкусывать губы.

— Ее не опечатали?

— Нет. И сейчас узнаешь, почему. Якобы отправившись мыть руки, я прошмыгнул в ту самую комнату. Толкнул дверь, а там... все чистенько. Ни пятнышка. Меня это насторожило. Пришлось спросить у Тимофея Ивановича, почему дверь открыта. И я узнал правду, — Генка торжественно посмотрел на Люську.

— Хочешь, у тебя из носа опять кровь пойдет? — спросила она.

— Нет! Извини, больше пауз не будет. Оказывается, в воскресенье, ровно в два часа, в квартиру позвонила девушка, которой старик передал

ключи. Девушка оказалась невоспитанной, потому как ушла, не вернув соседу ключ.

— Я уходила в таком состоянии, что о старике и о ключе думала в последнюю очередь.

— Верю. Но слушай, что было дальше. Когда ты зашла к Симухину, Тимофей Иванович лег на кровать и задремал. Проснулся от шума. На часах — четверть четвертого. Он решил, это чем-то стучат, вышел в коридор и увидел...

— Гена!

— Бритоголового мужика. Того самого, который представился двоюродным братом Константина Симухина. Он в компании низкорослого крепыша направлялся ко входной двери. Старику лишь кивнули на ходу. На вопрос, почему не закрыли дверь, промолчали. Тимофей Иванович обратил внимание, что одежда мужчин перепачкана красной краской. Едва они вышли, он метнулся к Симухину. В комнате — идеальный порядок. Дверью хлопнуть не стал, прикрыл ее, решив не обращать внимания на странности соседей.

Гена умолк. Люська моргала, не в силах переварить услышанное.

— Я стала свидетельницей спектакля?

— Хорошо отрепетированного спектакля. С первоклассными актерами.

— Но... Ген, я ведь видела их, все в крови...

— Краска. Под одеждой были пакетики с красной краской. В нужный момент пакетики разорвались, и одежда пропиталась «кровью». Старый трюк.

— Они не дышали.

— Откуда ты знаешь?

— Видела.

— Ты проверяла пульс?

— Нет.

— У тебя был шок, ты ничего не замечала. На это они и рассчитывали.

— А когда я ушла, встали, убрались в комнате и смылись.

— Вместе с браслетом.

— Черт!

— Мы решили их перехитрить, устроили засаду, а они оказались хитрее.

Люська позвала Веру и Клару Юрьевну. Генка, чувствуя себя значимой персоной, приготовился повторить свой рассказ. Закинул ногу на ногу, махнул рукой, умудрившись уронить на пол рамку с фотографией.

— Это к деньгам. Честно говорю. Верьте мне!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЗАПИСЬ НА ПРИЕМ

Поднявшись на второй этаж, Люська толкнула первую попавшуюся дверь. Тучный мужчина вздрогнул и зло прокричал:

— Что надо? Почему без стука?

— Я ищу Акимова Василия Всеволодовича.

— А я здесь при чем? Приехали к Акимову, идите к нему. На третьем этаже Акимов.

Извинившись, Люська потопала к лестнице. Зачем так орать, неужели нельзя объяснить спокойно, что Василий Всеволодович принимает клиентов этажом выше? Кстати, не мешало бы узнать, на какой области специализируется двоюродный брат Ивана. Что за салон такой? Может, Гена прав, и Василий действительно экстрасенс? А в каких случаях люди посещают экстрасенсов? Так, надо хорошенько подумать, с какой проблемой заявиться к Акимову.

Перебирая в голове всевозможные варианты, Люська поднялась на третий этаж. Пройдя по длинному узкому коридору, оказалась в полукруглом светлом помещении с мягкими креслами, кадками с цветами и крошечной стойкой

ресепшн. За стойкой сидела женщина в годах, а в одном из кресел расположилась полная блондинка лет сорока.

Люська даже не успела поздороваться, женщина за стойкой безапелляционно заявила:

— Сегодня Василий Всеволодович вас не примет. Кира Алексеевна — последняя клиентка.

— Подтверждаю, — низким голосом ответила блондинка.

— Вас я могу записать только на послезавтра.

Люська села рядом с Кирой Алексеевной.

— Хорошо, записывайте, я согласна.

— Подойдите к стойке, — недружелюбно проговорила секретарша. — Фамилия.

— Озерова.

— И?

— Что и?

— Дальше? Имя, отчество.

— Людмила Андреевна.

— Возраст?

Люська закусила губу. Если сказать, что ей пятнадцать, могут возникнуть проблемы. Вдруг Акимов не работает с несовершеннолетними клиентами? Может, прибавить себе несколько лет? Прокатит или нет? А если тетка потребует предъявить документ? Да, проблемка.

— Вы забыли, сколько вам лет?

— Восемнадцать, — Люська приготовилась к самому худшему.

— Меня интересует число, месяц, год рождения.

Вбив в комп данные, она начала заполнять какой-то бланк. Люська пребывала в состоянии легкого шока. Начали терзать сомнения. Неужели она выглядит на восемнадцать лет?

— Кто у вас? — резко спросила женщина.

— В каком смысле?

— В прямом. Муж, брат, отец?

Пока Люська переваривала услышанное, Кира Алексеевна рассмеялась.

— Да какой у нее муж в восемнадцать лет. У парня наверняка проблемы.

Обернувшись, Люська кивнула.

— Ну да, у парня. Вы угадали.

— Фамилия? — снова прогремела женщина за стойкой.

— Озерова Людмила Андреевна.

— Фамилия парня.

— Э-э... Крылов.

— Как давно начались проблемы?

Чувствуя себя заслуженной идиоткой, Люська снова обернулась к Кире Алексеевне.

— Не тушуйся, — весело ответила та. — Здесь стесняться не стоит, все всё понимают.

— Проблемы начались полгода назад, — ляпнула Люська, боясь даже представить, на какие вопросы ей еще предстоит ответить.

Но секретарша неожиданно улыбнулась и попросила Люську расписаться на бланке.

— Послезавтра сперва зайдите в пятый кабинет на первом этаже, там касса. Оплатите прием и поднимайтесь сюда. С собой иметь фотографию, сделанную в течение полугода. Все понятно?

— Да. Нет. Свою фотографию?

— Фотографию парня. Проблемы у него или у вас?

Люська хотела крикнуть, что проблему у самой тетки, но сумела сдержаться.

— У него, конечно.

— Тогда до послезавтра.

Люська кивнула, Кира Алексеевна занервничала.

— Татьяна Олеговна, — обратилась она к секретарше. — Почему вы ничего не сказали про фотографию? Я взяла снимок мужа десятилетней давности.

— Господи, Кира Алексеевна, чем вы меня слушали, я вам дважды повторила про фото. Немедленно возвращайтесь домой и берите свежую фотографию. Василий Всеволодович с вами даже разговаривать не станет. Что вы! У вас есть пятьдесят минут. Если задержитесь, он подождет.

Кира Алексеевна вскочила. Люська понеслась за ней по коридору.

— Кира Алексеевна, — крикнула она на лестнице. — Вы приехали на машине?

— Да.

— Не подбросите меня до ближайшего метро?

— О чем речь, пошли.

В машине Кира Алексеевна стукнула ладонью по рулю.

— Сейчас в пробку станем. Во попала! Ведь хотела Димкину фотку свежую взять, а потом старую в сумку бросила. Дура! Все у меня через одно место.

— Бывает, — протянула Люська. — А ваш муж давно болеет?

— Почти год, — прозвучал резкий ответ.

— А чем? — Люська закусила губу, приготовившись услышать страшный диагноз.

— Тем же, чем и твой парень. К Акимову с разными диагнозами не ходят, у всех одна напасть. Кому она на руку, а кто на стенку лезть готов. Ты знаешь, я бы не пошла к Василию, если бы Алька про чудеса не рассказала.

— А Алька это кто?

— Подруга моя. У нее муж — алкоголик со стажем. Уже семь лет! Чего только они ни делали, куда ни ходили: и по врачам, и по бабкам, мазями мазались, иглотерапию применяли. Семен как пил, так и пьет. Потом Алька про Акимова узнала. Сначала в его силу не поверила — кто ж поверит без доказательств. Но на прием записалась. Ей, как и нам, сказали фотку мужа с собой прихватить. И что ты думаешь?

— Что?

— За один сеанс Акимов Сеньку от пьянки излечил.

— Не может быть!

— Алька врать не станет!

Люська откинулась на спинку сиденья. Все ясно — Василий Всеволодович по фотографиям

лечит людей от алкогольной зависимости. Оригинально. Неужели действительно помогает?

Кира Алексеевна ухмыльнулась.

— Алька его человеком сделала, к жизни нормальной вернула, а он ее в грязь втоптал. Елки-палки, ведь был алконавт в пятом поколении, а как пить перестал, любовницу завел, перебрался к ней, разводиться с Алькой хочет. Она на стену теперь лезет. К Акимову снова приезжала, думала, он опять Сеньку пьяницей сделает. А Всеволодович руками развел — мол, обратный процесс ему неподвластен.

— Как же он по фото лечит, колдует, что ли?

— А хоть бы и колдует, — заявила Кира Алексеевна. — Тебе какая разница, как он твоего парня вылечит. Кстати, сколько ему, тоже восемнадцать?

— Нет, он на год старше.

— Молодой совсем.

— Интересно, а побочные эффекты бывают?

— Да какие эффекты, что может быть хуже? У моего уже год эти эффекты наблюдаются. Думаешь, приятно? Во всем работа виновата, бизнес! Димка с утра до вечера в офисе, весь на нервах, — Кира Алексеевна вздохнула. — Домой придет и накачивается до беспамятства.

— Кира Алексеевна, я забыла спросить, сколько стоит прием Акимова?

— Пять тысяч.

— Неслабо!

— Мизерная цена. По врачам шляться начнете — в десять раз дороже заплатите. А результата не будет.

Пяти тысяч пожалеешь, потом локти кусать станешь. Пользуйся случаем, пока Акимов есть. Сама понимаешь, все под Богом ходим, сегодня живы, завтра нет.

Высадив Люську возле метро, Кира Алексеевна пожелала ей удачи и рванула с места.

Удача была необходима. Без нее, как известно, никуда. Но в данной ситуации помимо удачи необходим хороший план. Глупо заявляться к Акимову с фотографией парня и просить о помощи. Да и зачем столько сложностей? Можно подождать Василия Всеволодовича на улице, подойти и заговорить. Пусть расскажет все, что ему известно о жизни двоюродного брата: друзья, знакомые. Возможно, всплывут имена, фамилии.

Иван украл у Анны Лейбовны браслет. Прошло двадцать лет, и появились люди, охотившиеся за «Наиной». Несколько человек убиты, в их квартирах проводился обыск — понятно, искали браслет. В итоге они его получили. Но только не оригинал, копию. А где оригинал? Он был у Ивана, и распорядиться им Акимов мог как угодно. Мог продать, поменять, подарить, в конце концов, потерять.

Тогда возникает вопрос, как с «Наиной» связаны Кирилл Глухарев, Галина Бекетова, Алексей Романов и Настя Федина? Браслет хранился у Бекетовой, знала ли она, что камни ненастоящие? Если знала, то было ли ей известно, где находится бриллиантовый браслет?

Из задумчивости Люську вывел телефонный звонок, звонила Диана. Мысли сразу испарились.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

Зарабатывал Акимов неплохо, во всяком случае, дорогую иномарку и личного шофера, выполнявшего заодно и роль телохранителя, Василий Всеволодович мог себе позволить.

Сбежав по ступенькам, Акимов надел солнцезащитные очки и торопливой пружинистой походкой подошел к черной машине. Садиться в салон не спешил, ждал, когда водитель откроет дверь.

Люська хмыкнула.

— Василий Всеволодович, подождите, — она ускорила шаг и, обогнув иномарку, улыбнулась Акимову.

Охранник насторожился, сделал по направлению к Люське два шага и вытянул руку.

— Максим, спокойно, — одернул его Акимов.

Телохранитель во все глаза уставился на Люськину сумочку. Он сканировал ее взглядом, на лице читались недоумение и растерянность. Создавалось впечатление, охранник не сомневался — в сумочке лежит взрывное устройство, которым Люська незамедлительно воспользуется, как только он потеряет бдительность.

— Василий Всеволодович, можно отнять у вас пару минут? — заискивающе спросила Люська, проведя указательным пальцем по гладкой поверхности капота.

Акимов снял очки.

— По какому вопросу? Вы были у меня на приеме? Назовите фамилию, я вас не припоминаю.

— Мы незнакомы, на приеме у вас я не была, поговорить хочу о вашем двоюродном брате Иване.

Василий Всеволодович выпянул губы. Невооруженным взглядом было видно: говорить о покойном родственнике Акимов не желал.

— Иван умер двадцать лет назад, — нехотя протянул Акимов, снова водрузив на тонкий нос очки. — О чем мы можем с вами разговаривать, все давным-давно сказано.

— В каком смысле?

— Зачем вам понадобился Ванька? — вопросом на вопрос ответил Василий Всеволодович.

Люське пришлось признаться, что она ведет расследование, в ходе которого всплыло имя Ивана Акимова. Ожидая услышать смех или сарказм в свой адрес (наверняка Василий Всеволодович не поверил ей на слово), она отвела взгляд в сторону. Но Акимов спокойно ответил:

— О мертвых не принято говорить плохо. Вам это известно? Сказать об Иване что-нибудь положительное я не могу, потому как не видел от него ничего хорошего. А чернить брата после его смерти не хочу. Зачем? Я здесь, он там, защитить себя

не сможет, оправдаться тоже, поэтому извините, мне пора ехать.

— Я надеялась на вашу помощь. Дело связано с криминалом, уже пострадало много людей. Есть вероятность, что это далеко не конец.

— Вот только не надо меня стыдить, у меня, в отличие от Ивана, совесть чиста. Хорошо, я скажу, кем на самом деле был Иван, но имейте в виду: длинного увлекательного повествования не получится. В детстве мы часто виделись в деревне у бабки, нас туда на все лето отправляли родители, и я был вынужден терпеть издевки Ваньки. Он постоянно меня колотил, издевался и при этом умудрялся выглядеть в глазах окружающих паймальчиком. Парадокс! И в этом весь Ванька. Нашкодит, а другие за него отдуваются. Он пошел по наклонной, на зоне несколько раз сидел. Когда выпускали, приезжал ко мне, неоднократно подбивал на темные делишки. Общаться с ним я не собирался, мне хватало детских воспоминаний. Чем жил и чем промышлял Ванька в последние годы жизни, я не в курсе, но думаю, здесь и гадать не надо — горбатого могила исправит.

Секунд тридцать Василий Всеволодович молчал, хмурил брови, а потом вдруг тихо произнес:

— По-дурацки все сложилось. Иван ведь мой ровесник, мог бы жить еще. Да чего там, считай, сам себе яму вырыл. Ребенка сиротой оставил.

Люська насторожилась.

— У Ивана был ребенок?

— Был, — Василий Всеволодович в очередной раз снял очки. — Приезжал Ванька, фотографию мне показывал. Красивая у него дочка была, глазастая, пухленькая. Где сейчас, что, как — неизвестно. Он с женщиной жил гражданским браком, она Ваньке Наину родила.

От неожиданности Люська вскрикнула, со стороны ее крик больше всего напоминал кряканье. Или она сошла с ума, или спятил весь мир.

Напрасно Люська пыталась выяснить у Акимова подробности, Василий Всеволодович ничего не знал о Наине. Было известно лишь о ее существовании, а судьба племянницы покрыта мраком.

— Имя его гражданской жены вы случайно не помните? — с надеждой спросила Люська, не веря, что Акимов назовет имя.

Но она ошиблась. Василий Всеволодович ответил не колеблясь:

— Светлана. Я почему помню, мою жену тоже Светой зовут.

Люська вспомнила разговор с соседкой Галины Бекетовой. По словам женщины, муж Галины Валентиновны — Владимир — умер в тюрьме, куда попал после того, как сбил девочку. Наину! А мать Наины покончила жизнь самоубийством. И Люська точно помнила: мать девочки звали Светланой. Выходит, это и есть та самая Наина?

Ураган мыслей мешал сосредоточиться. Люську настолько поразила и обескуражила услышанная новость, что, оказавшись у собственного

подъезда, она никак не могла вспомнить код домофона.

***

— Никак не мог вспомнить код домофона, — сообщил Геннадий, зайдя в прихожую. — Двадцать минут у подъезда проторчал, пока дед с псом на улицу не вышли. И позвонить вам не мог, со мной утром история приключилась. Представляешь, уронил телефон в канализационный люк. Телефон вдребезги, придется покупать новый, а заодно и симку.

Люська вполуха слушала болтовню Дронова, а он все не унимался.

— На улице ужасный смог, дышать нечем. А можно чашку чая?

Люська занялась приготовлением чая. Когда она поставила чашку перед Геннадием, тот удивленно вскинул брови:

— Я же кофе просил. Или чай? Ну ладно, выпью чай, не выливать же. Да, совсем забыл, у меня сногшибательные новости.

— У меня тоже, — Люська села на уголок. — Кто начнет делиться первым?

— Давай ты. Не, лучше я. Или нет, ты.

— Иван Акимов отец Наины! — Люська пересказала Гене разговор с Василием Всеволодовичем.

— Да уж... — протянул Дронов. — История запутанная и непонятная. По пять жизней люди, что ли, имеют.

— О чем ты?

— Моя новость тебя потрясет. Гарантирую! Я узнал, кому принадлежит четвертая комната в коммунальной квартире.

— Кому?

— Владимиру Леонидовичу Бекетову!

Люська засмеялась.

— Не гони.

— Я сказал правду. Давным-давно она досталась ему от бабки. Он там появлялся очень редко. Комната пустовала. Тимофей Иванович — я опять к нему ездил — сказал, что Бекетов не появлялся в коммуналке лет десять, а месяц назад вдруг нарисовался.

— Ген, приди в себя. Муж Галины Валентиновны умер в тюрьме.

— Ты уверена, что умер именно он?

— Она была вдовой, а потом вышла замуж за Романова.

— Хитрый ход Бекетова. Не знаю, почему он решил «умереть», но на тот свет Владимир не попал. Я разузнал через знакомых: Бекетов отмотал срок и был выпущен на свободу. Как из бывшего заключенного он превратился в богатого Буратино, узнать не удалось. Но... Люся, у него шикарный загородный дом. Я там был и видел Бекетова.

— Какая-то комедия абсурда. Если Владимир не умер в тюрьме, то почему... — внезапно Люська осеклась. — Получается замкнутый круг.

— Согласен.

Люська прошла в спальню. Сняв несколько листов исписанной бумаги, она уставилась в окно. Затем взяла чистый лист и начала быстро писать.

«1. Бекетов Владимир + Бекетова Галина = супруги.

2. Акимов Иван + Светлана = гражданские супруги. Имели дочь — Наину.

3. Бекетов Владимир насмерть сбил Наину. Сел в тюрьму. Умер в тюрьме.

4. Светлана покончила жизнь самоубийством.

5. Иван Акимов украл браслет «Наина» у Анны Лейбовны. Позднее Иван Акимов умер.

6. Галина Бекетова вышла замуж за Алексея Романова. У Романова был крестник Кирилл Глухарев.

Прошли годы.

7. Кирилл Глухарев исчез. Упоминал Наину. В него стреляли из оружия Романова. Умер.

8. Алексей Романов исчез. Его труп был обнаружен в квартире Анастасии Фединой.

9. Анастасия Федина была найдена мертвой в машине Кирилла Глухарева.

10. Галина Бекетова умерла на даче. Упоминала Наину. Дома хранила браслет «Наина». Подделка.

11. Человек «Х» пытался найти браслет. Обыски. В итоге «Х» получил браслет. Позднее «Х» был убит в комнате Владимира Бекетова.

12. Выяснилось, что «Х» жив.

13. Владимир Бекетов воскрес. Живет в особняке. За браслетом охотился именно он.

Вопросы:

а. Откуда у Галины Бекетовой появился поддельный браслет?

б. Как Владимиру Бекетову удалась манипуляция с инсценировкой собственной смерти?

в. Зачем Бекетову понадобился браслет, который много лет назад украл Акимов?

г. Где настоящий браслет?

д. Что за девочка была у подъезда Романова?

е. Какое отношение ко всему имела Настя Федина?»

Отбросив в сторону ручку, Люська через секунду схватила ее вновь и сделала приписку:

«Когда закончится невыносимая жарница и исчезнет смог?»

***

Люська с Геной вышли из магазина, и сразу звонил телефон.

— Люсьена, мне нужен витамин Е, — сказала Диана. — Купи, пожалуйста!

— Витамин Е? А где он продается?

— Разумеется, в аптеке.

— Хорошо, куплю.

— Кто звонил? — спросил Гена.

— Диана. Ген, давай в аптеку заедем.

— Заедем, раз надо.

До машины оставалось метров пятнадцать, когда к ним подбежала рыжеволосая женщина.

— Это ваша машина? — спросила она, схватив Гену за руку.

— Моя.

— Плачу любые деньги, довезите меня домой. Здесь недалеко! В пробку не станем. Времени мало, через час муж домой вернется, надо действовать быстро.

— Люсь, поможем?

Люська пожала плечами.

— Мне не в лом.

— Садитесь, — Гена открыл дверцу и включил зажигание: — А что у вас случилось, почему так нервничаете?

— От мужа уходить собралась. Давно сбежать хотела, все смелости не хватало. Сейчас по магазину бродила — и вдруг как шандарахнет! Все, думаю, или сегодня, или никогда.

— Не сошлись характерами?

— Хуже. Лупит меня постоянно. Ревнует к каждой собаке. Говорят, ревность — признак любви, мне такая любовь не нужна. Один раз так саданул, неделю с фингалом ходила, на работе неудобно было людям в глаза смотреть. Они меня жалеют, за спиной шушукаются, а мне их жалость не нужна.

— Дети есть?

— Слава богу, нет.

— И куда сейчас рванете?

— К маме в Видное.

— Не страшно?

— А чего бояться? Самое страшное — это бездействие. Сидеть и ждать, когда он меня пристукнет? Нет, спасибо. Ноги в руки — и прощай!

— Приедет, скандал устроит.

— Пусть попробует сунуться, с матерью на этаже полковник полиции живет. Начнет бузить, тот его быстро приструнит.

Остановить машину Алла — так звали пассажирку — попросила недалеко от блочной высотки.

— Вы меня подождете? — спросила она с нотками надежды в голосе.

Перспектива ехать в Видное ни Люське, ни Гене не улыбалась, поэтому они намекнули Алле, что ей будет намного проще вызвать такси.

— Если нет денег, я могу одолжить, — сказал Гена.

— Не в деньгах дело. Вон мой «Лексус» стоит, — Алла кивнула в сторону припаркованной под деревом иномарки.

— Зачем тогда вас ждать?

— Я права получила месяц назад, боюсь еще по городу ездить, а сейчас накрутила себя до состояния неврастенички. Отвезите меня к маме на моей машине, пожалуйста. Я сама вам заплачу.

— Моя доброта меня когда-нибудь погубит, — Гена вздохнул. — Вам помочь с вещами?

— Не-е, справлюсь сама. Я мигом.

Алла забежала в первый подъезд. Люська нарезала круги вокруг машины, Гена пытался завести наручные часы.

— Люсь, ты не злишься?

— На кого?

— На меня.

— Нет. Я что подумала, давай сделаем так: сумку с продуктами оставляю у тебя в тачке, а сама пойду в аптеку, оттуда домой. А ты довези Аллу, потом к нам приезжай. Ок?

— Хорошо. Только мне из Видного придется на своих двоих добираться. Могу поздно вернуться. У тебя в сумке рыба. Возьми ее, а то от жары испортится.

Пока Люська вытаскивала из сумки сыр, рыбу и молоко, на улице появилась Алла.

— Возьмите ключи от машины, — Алла протянула Гене связку, поставив на асфальт объемную сумку. — Ну что, едем?

— Все вещи поместились в одну сумку?

— За остальными в следующий раз приеду. Витька в любой момент с работы вернуться может.

— Ладно, я пошла, — сказала Люська.

— Как? — удивилась Алла. — Ты разве не поедешь?

— Нет, у меня дела.

— Но я... мне потребуется помощь в Видном.

— Донести сумку из машины до квартиры? С этим Гена справится.

— Нет, — Алла чуть не плакала. — Я объясню по дороге. Садись. Прошу, помогите мне, войдите в положение.

Переглянувшись с Геной, Люська села в салон. Алла вдруг спохватилась.

— Медицинскую карту и страховку забыла. Блин, так и знала, придется возвращаться.

— Не торопитесь! — крикнула Люська вслед убегающей Алле. — Все равно день пропал. Ген, зря мы ее решили подвезти. Неадекватная какая-то эта Алла.

— Мне она понравилась. Симпатичная.

— Она?

— Ну да.

— Со вкусом у тебя большие проблемы.

— Нет.

— Да! И не спорь. Черт, душно. Давай выйдем.

Они дошли до тротуара, встав в тени тополя.

— Ген, мне кажется...

Люська осеклась. Послышался щелчок, через пару секунд раздался взрыв. «Лексус» разнесло на части. На месте, где минуту назад стояла иномарка, высилось гигантское пламя.

У Люськи затряслись поджилки, ноги подкосились, она медленно села прямо на горячий асфальт. Из глаз катились слезы, она смотрела на пламя, пытаясь представить, что было бы с ней, не выйди она из салона. Гена был белее снега. На время словно онемел, стоял как вкопанный, боясь моргнуть.

Когда со всех сторон начали сползаться зеваки, Люська мысленно поторопила Аллу. Почему она так долго возится, неужели взять медицинскую карту настолько сложно? И вдруг ее прошиб пот. Покушение! Их хотели убить! Не было никакой Аллы. Вернее, была женщина, представившаяся Аллой,

сочинившая историю о муже, распускающем руки, о маме, живущей в Видном, и срочном переезде в Подмоскowie. Она заманила их в машину и знала, что обратно Люська с Геной уже не выйдут.

— Ген, уходим отсюда.

— Что? А? Ты кто?

— Гена, пошли, — Люська потянула его за руку.

— Взрыв, — лепетал Дронов. — Ты это видела?

— Дома обо всем поговорим. Генка, ты должен довезти нас домой. Приди в себя, пожалуйста!

В машине Гена смотрел в одну точку. Люся ждала.

— Кто хотел нас уничтожить? — тихо спросил Геннадий.

— По-твоему, я осведомлена?

— За нами следили.

— Согласна. Подослали Аллу, она оказалась хорошей актрисой.

— Мы кому-то мешаем. Бекетову? Но ведь ты отдала браслет.

Люська приложила к уху телефон.

— Ген, заводи машину.

— Кому ты звонишь?

— Вер, — закричала Люська. — Меня пытались взорвать в чужой машине!

— Нас, — поправил Гена.

— Нас, — машинально повторила Люська.

— Как взорвать? Ты где?

— Они подложили бомбу, мы вышли из машины... раздался взрыв, — нервы сдали, от пережитого стресса Люська разревелась.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Прошла неделя. Люська постепенно приходила в себя. Первоначальный страх утих, мысли вновь были заняты расследованием. Накопилось слишком много вопросов, а бездействие причиняло боль.

...Звонок нарушил идиллию. Услышав в трубке голос Дронова, Люська закатила глаза. Ее не удивило, что Геннадий позвонил глубокой ночью, когда все нормальные люди спят. Она давно поняла: Гена ненормальный, с ним вечно приключаются всевозможные истории — вне зависимости от времени суток и времени года. Дронов может попасть в передрагу как ночью в декабре, так и днем в июле.

— Люсь, — блеял Генка. — Ты случайно не спишь?

— Случайно нет, но собираюсь.

— А что делаешь?

— За компом сижу.

— Люсь...

— Чего?

— Ты в курсе, что надо помогать ближнему?

— Так, чувствую, пахнет жареным. Что на этот раз?

— Мне в экстренном порядке нужна твоя помощь.

— Куда ты вляпался?

— Никуда, — поспешил заверить Дронов, — я не вляпался, все намного цивильнее. Приезжай в бар «Пинки-винки».

— За фигом, Ген?

— Надо.

— Где он находится?

— В Москве.

— Уже лучше, — съязвила Люська. — Прямо от сердца отлегло. А я думала, придется ломануться в Питер.

— Когда зайдешь в бар, позвони мне, я тебя проинструктирую.

— А сейчас нельзя сказать, что случилось?

— Сейчас нет, — едва слышно ответил Дронов. — Ты только поторопись. И не забудь прихватить из дома инструменты.

— Издеваешься? Какие инструменты?

— Обязательно возьми отвертку, молоток и... Ну, не знаю, напильник, что ли. Все, не могу больше говорить, тут кто-то пришел. Пока.

— Ген... Гена!

Связь прервалась.

— Чокнутый! — в сердцах крикнула Люська. — Где я ему найду инструменты, у меня их отродясь не было.

На часах — половина второго ночи. Люська начала шарить по квартире в поисках отвертки. Самое удивительное, что отвертка обнаружилась. Бесспорно, это была удача. Молоток и напильник найти не удалось. И как быть? Генка просил их прихватить, следовательно, инструменты надо найти, но где?

Люська положила отвертку в сумочку, надела кроссовки и спустилась на седьмой этаж. Звонить в квартиру вредного старикана Козлова не хотелось, но выбора нет — просить молоток и напильник придется у соседа.

Старик нарисовался на пороге с видом воина, готового в любой момент пойти в атаку. Во всяком случае, на Люську он смотрел испепеляющим взглядом, в котором читалось презрение не только к ней, но и ко всему человечеству.

— Денис Денисович, извините, что разбудила...

— Какой разбудила! Как тут уснешь, когда у Ковалевых музыка орет?

— Да?

— Да, — передразнил дед. — Сама, что ли, не слышишь?

Люська прислушалась. Действительно, у Ковалевых громко играла музыка.

— Ходил к ним, ругался, полицией грозил.

— А они?

— Выключают. Только я лягу, она опять — бах. Ба-бах! Весь подъезд они терроризируют, никому спать не дают. Вон, и тебя до ручки довели.

— Вообще-то я даже не слышала...

— Глаза сонные, лицо помятое, выглядишь как перед расстрелом, — не слушая Люську, говорил старик.

— Денис Денисович, мне нужна ваша помощь.

— Заявление хочешь написать на Ковалевых? — оживился дед. — Я подпишу. Только тапки новые надену.

— Денис Денисович, у вас есть молоток?

— Отбойный?

— Нет, обычный.

— Хочешь им по башке настучать, да? Слушай, я тебе кувалду дам! Один раз саданешь — и обзванивай родню.

— Мне нужен молоток. И напильник. У вас ведь есть инструменты?

— Стой, сейчас принесу, — насупился старик. — Напильник ей понадобился. Пораньше ты зайти не могла? Я, между прочим, заснул только полчаса назад. Теперь из-за тебя до утра не усну.

— Вы же сказали, что музыка спать мешает.

— И что? Вредители вокруг живут. А в семь часов Диана твоя вскочит, каблуки свои наденет и начнет топать, как корова. Цок-цок, цок-цок.

Зараза! Нормальные бабы по квартире в тапках ходят, а твоя бабка на каблуках. Приструни ее!

Взяв у Козлова молоток и напильник, Люська подбежала к лифту.

— Спасибо, Денис Денисович, завтра все верну.

— Иди-иди, и с бабкой переговорить не забудь, надоел ее цокот. Каждый день цок-цок, цок-цок. Кобыла!

В бар Люська зашла спустя сорок пять минут. Сразу позвонила Геннадия.

— Приехала? — обрадовался Дронов. — А инструменты?

— Со мной. Ты где?

— Я в туалете.

— Хорошо, тогда жду тебя у входа.

— Ты не поняла, я застрял в туалете, меня нужно отсюда вызволить.

Люська чуть не упала. Как можно застрять в туалете? Это все равно что утонуть в унитазе.

— Иди в туалет и постарайся не привлекать внимания.

Подойдя к мужскому туалету, Люська остановилась.

— Ген, там никого нет кроме тебя?

— Какая тебе разница, заходи.

— Разница большая. Прежде чем зайти в мужской туалет, я должна быть уверена, что там пусто.

— А меня там тоже нет, — нервно хохотнул Дронов. — Я в женском сижу.

— Каким ветром тебя задуло в женский туалет?

— Позже узнаешь. Давай шевелись, пока паника не началась.

Не имея представления, о какой панике говорил Дронов, Люська быстро прошла в туалет и тихо спросила:

— Ты где?

— Здесь, — шепотом ответил Геннадий из крайней кабинки. — С замком что-то случилось, не открывается. Пошуруй отверткой, а если не получится, бей по замку молотком.

— Ген, не проще позвать на помощь кого-нибудь из персонала?

— Нет! Я опозорюсь. Открыть дверь должна только ты.

— Зачем я с тобой связалась... — Люська вооружилась отверткой. — Ты не детектив, ты катастрофа! Черт! Ничего у меня не получается. Ген, я позову людей.

— Не смей!

— Тогда попробуй выбить дверь ногой.

— Не могу.

— Почему?

— На мне слишком узкая юбка.

Люська вновь начала орудовать отверткой. Смысл сказанного Геннадием дошел до нее не сразу. Минуты через полторы она крикнула:

— Что на тебе? Узкая юбка?!

— Не ори. Да, юбка. А еще туфли и блузка.

Неизвестно откуда у Люськи появилась сила. Она, схватившись за ручку, рывком потянула на себя дверь, и последняя — о радость! — распахнулась.

— Немедленно говори, что все это значит?

— Люсь, ты ее открыла. Молодец! Я твой должник.

Намакияженный Генка в женской одежде с женской сумочкой и в русом парике выглядел отвратительно.

Люська рассмеялась.

— Капец!

— Чего смешного?

— Ты как клоун.

— Не перегибай палку. Согласен, с косметикой я переборщил, но в целом пристойно.

— Ужасно!

Гена направился к выходу.

— Мне нужен глоток свежего воздуха. Помоему, я отравился. Скорее! На улицу!

— Подожди, — Люська бежала за ним, держа в руке отвертку. — Ген, остановись.

На улице Генка блаженно вздохнул.

— Красота! После двухчасового пребывания в туалете даже смог кажется чистым воздухом.

— Я жду объяснений и надеюсь, они будут разумные.

— Ты про мой видон? Не бери в голову. Это маскировка. Я тут параллельно с нашим общим делом решил заняться халтуркой. Ага. Веду слежку за неверным мужем. Он с любовницей по барам ночами шатается, а жена дома страдает. Наняла меня. Сегодня на камеру их снять удалось.

— А женская одежда?

— Не хотел привлекать к себе внимания. Я же профессионал.

— Н-да. Как ты оказался в туалете?

— Как и все. Свою работу выполнил, собирался домой возвращаться, решил на дорожку в туалет сходить.

— В женский.

— А куда мне в таком виде, в мужской ломиться? Зашел, а дверь заела. Пришлось тебе звонить. Сама понимаешь, кричать не могу, стыдно. Вот такая история.

— С тобой с ума сойдешь.

— Ты зря злишься, я ведь и основным делом занимаюсь вплотную. Есть что рассказать. Тебе это вряд ли понравится. Я вел слежку за Бековым.

— Так.

— Сегодня днем в его коттедж на такси приехала женщина. Она беспрепятственно прошла на участок, а спустя двадцать минут они с Владимиром сели в его машину и укатили в неизвестном направлении.

— Как выглядела женщина?

Дронов молчал.

— Ген, не спи.

— Я не сплю. Между прочим, женщину я узнал.

Люська округлила глаза.

— И кто она?

— Твоя подруга — Вера!

Смех получился вымученным, неестественным, Люська даже закашляла.

— Мне сейчас не до шуток.

— А кто шутит? Ты меня слышишь? Я говорю, к Бекетову приезжала Вера. Они хорошо знакомы, охранник пропустил ее сразу, как только увидел, кто стоит за калиткой.

— Ты обознался.

— Исключено!

— Ген, это нереально.

— Нереально есть асфальт, а видеть Веру в компании Бекетова — очень даже реально. Понимаю, ты ошарашена. Трудно поверить, что подруга замешана в грязном деле, но правда есть правда.

Люська впала в прострацию. А вдруг Генка прав? Вера и Бекетов? Нет! Наверняка всему найдется объяснение.

Какое может быть объяснение, шептал внутренний голос. Вера... Верка! Неужели?..

***

Утром Люська выбежала из комнаты.

— Клара Юрьевна, где Вера?

— К себе ушла, вроде за ноутбуком.

— Давно она ушла?

— Минут сорок назад. Люсь, а что стряслось?

На тебе лица нет.

— Все ужасно, Клара Юрьевна, — Люська села в кресло. — Появились факты, уличающие Веру в нечистоплотности. Геннадий видел ее в компании Владимира Бекетова.

— Да ты что?! А он не обознался?

— Клянется и божится, что это была Вера. У меня есть сомнения, и им надо скорее положить конец. Я иду к Вере.

— Стой! Ты хорошо подумала, прежде чем пороть горячку? Если Вера действительно как-то связана с Бекетовым, ты не должна к ней идти, это опасно.

— Вы предлагаете сидеть сложа руки? — Люська взяла телефон. — Нет, я так не смогу, или сейчас, или никогда. Алло, Ген, привет. Слушай, ты можешь сейчас подъехать? Что? Какая Марина? Это Люська! Так сможешь подъехать или нет? Домой к Вере, записывай адрес. Да. Через сколько тебя ждать? Сорок минут? Договорились. Входная дверь будет открыта. Все, пока.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спросила Клара Юрьевна. — Могу постоять на лестничной площадке.

— Это лишнее, с Верой я переговорю с глазу на глаз.

— А зачем Геннадию звонила?

— Его присутствие необходимо. Если Вера начнет отпираться — а я уверена, она будет отпираться — то им с Генкой надо устроить очную ставку.

— Получается, Вера замешана и в убийстве мужа? Все это время она разыгрывала комедию, но для чего?

— Вы меня спрашиваете? Самой не терпится узнать правду.

— Ты ее не узнаешь, — неожиданно выпалила Клара Юрьевна. — И знаешь, почему. Ты на взводе, слишком возбуждена и действуешь спонтанно, необдуманно. Ну появишься ты у Веры, а что дальше? Спросишь в лоб, не причастна ли она к убийствам? Не боишься, что она тебя покалечит или, чего хуже, попытается убить?

— Глупости вы говорите.

— Отчего же глупости? Она под подозрением, и подозреваешь ты ее не в чем-нибудь, а в сговоре с убийцей. Подумай хорошенько, что ей терять, если ты прижмешь ее к стенке. Да, обезкуражишь, ошарашишь, а потом? Люсь, лучше остынь и прими правильное решение на трезвую голову.

— Клара Юрьевна, я не могу тянуть время, оно и так упущено. Сколько я уже ходила на ощупь

в потемках, сколько раз сворачивала не на ту дорожку. У меня нет сил ждать.

— Поспешишь — людей насмешишь.

Люська улыбнулась.

— И тем не менее я иду к Вере.

— С огнем играешь, — Клара Юрьевна перекрестила Люську, пожелав той удачи. — Держи со мной связь, я буду начеку.

Люська вышла из подъезда и была полна решимости. Пересекая двор, она позвонила Дронову. От рассеянного Генки можно ожидать чего угодно, он способен и адрес позабыть, и вообще явиться к Вере не сорок минут спустя, а только к вечеру.

— Ген, это опять я. Ты где? Едешь? Адрес не забыл? Хорошо-хорошо. Жду.

По мере приближения к дому Веры Люська теряла уверенность. Теперь слова Клары Юрьевны касательно неадекватного поведения Веры не казались нелепыми. Клара права, прижатая к стенке Вера будет сопротивляться до последнего. Может, и впрямь стоит немного подождать?

У подъезда Люська остановилась. Как поступить: зайти или вернуться домой? Монетку, что ли, бросить? Смешно, честное слово. Какая еще монетка, пронеслось в голове, пришла — так поднимайся на этаж и не хандри.

Дверь долго не открывали. Люське показалось, Вера уже успела уйти. Но вдруг послышались шаги.

— Кто? — раздался тихий голос.

— Вер, это я.

— Люська?! — Вера распахнула дверь и посторонилась: — Как ты узнала, что я дома?

— Клара сказала. Ты за ноутом пришла?

— Угу. Надоело твой комп мучить, решила свой ноут принести.

— Зачем он тебе?

— Как зачем, по Интернету бродить. Не стой, пошли в комнату, я решила шкаф с вещами разобрать, поможешь мне.

— Вер, а почему ты долго дверь не открывала? — Люська прошла в большую комнату, обратив внимание на беспорядок.

— Говорю же, вещи разбирала. Ой, осторожно, Люсь, ты чуть на блузку не села.

— Давай поговорим, — Люська выжидательно смотрела на Веру.

— Давай, — согласилась та. — О чем?

— О тебе.

— В смысле?

— У тебя много друзей?

— Здравсти-приехали, ты чего это вдруг? Сама не знаешь? Друзей раз-два и обчелся.

— А люди со связями среди них есть?

— Откуда они возьмутся? Забыла, в каких кругах я вращаюсь?

— Но с Владимиром Бекетовым ты же познакомилась. Значит, все-таки вращаешься в нужных кругах.

Вера округлила глаза.

— Люсь, ты шутишь так? С какого перепугу я знакома с Бекетовым?

— Отрицаешь?

— Естественно! — Вера села напротив Люськи и громко шмыгнула носом: — Ты в порядке?

— Я да, а ты?

— Я тоже, — голос Веры дрогнул.

— Гена вас видел. Он видел, как ты приехала на такси за город, прошла через калитку на территорию Бекетова. А потом видел вас, державшихся за руки.

— Да он идиот, твой Гена! Ты что, веришь всему, что он несет? Чокнутый придурок, я ему голову оторву.

— Он сейчас подъедет.

— Кто?

— Гена.

Вера вскочила с кресла.

— Не знаю, что тебе наплел этот интриган, но я ничего не понимаю. Ты сама-то слышишь себя? В чем меня подозреваешь? Я и Бекетов. Ужас! — Вера попыталась приблизиться к Люське, но та, вытянув руки, запротестовала.

— Не подходи ко мне.

— Люська, не пугай меня.

— Лучше стой где стоишь.

— Это не ты! — трясла головой Вера. — Ты не Люська, кто тебя так обработал?

В коридоре послышался шум.

— Эй, есть кто-нибудь? — крикнул Дронов. — Или я не туда попал?

— Гена, мы здесь, заходи в комнату.

— Как он оказался в квартире? — удивилась Вера.

— Я оставила дверь открытой.

— Зачем?

— Сейчас сама узнаешь.

Геннадий нарисовался в комнате спустя несколько секунд. Сделав пару шагов по направлению к Люське, он умудрился споткнуться на ровном месте и растянуться на полу.

— О-о-о... Моя нога.

— Гена, вставай.

— Ногу ушиб, нужно приложить что-нибудь холодное.

— Я принесу лед, — спохватилась Вера.

— Не выходи из комнаты! — сказала Люська. — А ты немедленно поднимайся. Хотя бы раз в жизни ты можешь вести себя как взрослый человек? Неужели нельзя быть чуточку внимательнее? Гена!

— Я не виноват, — гнусавил Дронов. — Пол неровный.

— Этот маразм когда-нибудь закончится? — Вера топнула ногой и с вызовом уставилась на Люську.

— Я хочу посмотреть, как ты в присутствии Геннадия начнешь отрицать, что выходила из коттеджа Бекетова, держа его за руку. Ген, доставай фотик, пусть Вера полюбуется фотографиями.

— Какими фотографиями? — спросила Вера.

— Какими фотографиями? — вторил ей Генка.

Люська была готова наброситься на Дронова с кулаками.

— Гена, не тормози, фотографии, на которых изображены Вера и Бекетов.

— А-а, ну да. Они у меня с собой.

— Ты не мог меня сфотографировать, — завизжала Вера. — Не мог! Это фотомонтаж! Люська, не верь ему.

Генка удивился.

— А при чем здесь ты? Тебя я не фотографировал.

Люська едва не задохнулась от возмущения.

— Ты утверждал, что видел Веру вместе с Бекетовым!

— Правильно, видел, только она-то здесь как замешана? — он кивнул на Веру.

— Но она и есть Вера!

— Как Вера?

— Так! — заорала Вера.

Гена покачнулся.

— Ничего не понимаю. Неужели я опять прокололся с именами? С детства так. Представляете, даже в классе умудрялся путать имена одноклассников.

— Я тебя задушу! — Люська схватила Гену за руку. — Говори. Ты видел Веру или нет?

— Видел. Вернее, нет. Если она действительно Вера, то я ее не видел. К Бекетову приезжала другая твоя подруга. Та, которая старше.

— Нет у меня таких подруг.

— Ну как же, она живет у вас дома.

— Клара Юрьевна?!

— Точно! — возликовал Генка. — Клара! Как я мог забыть. Конечно, я видел Клару. Да вы сами посмотрите, — он протянул Люське фотоаппарат.

На фотографиях отчетливо было видно лицо Клары Юрьевны. Люська сглотнула. В этот момент из-за закрытой двери повалил густой дым. Вера вскрикнула, пересекла комнату, открыла дверь и с ужасом отпрянула назад. В прихожей полыхал огонь.

— Люська, Гена, мы горим!

— Пожар! — Дронов выскочил на балкон и принялся голосить: — Спасите!

Непослушными пальцами Люська набрала «ноль один». Потом позвонила домой.

— Клара, — шелестела она, считая гудки. — Клара знала, что мы все соберемся здесь. Знала! Диана, Клара Юрьевна случайно не дома? Что? Дома?! Собирает вещи?! Диан, удержи ее, останови, не позволяй выйти из квартиры. Возможно... она замешана в убийствах! Да! Нет, это не шутка. Только... Алло... Диана...

Диана уже отсоединилась. Люська зажала рот ладонью. Дышать становилось трудно, всех начал

душить кашель. Огонь быстро распространялся по квартире, языки пламени сжигали все на своем пути. По всей видимости, тот, кто чиркнул спичкой. А в том, что имел место поджог, сомневаться не приходилось — предварительно разлил в прихожей Веры бензин.

— Соседи! — простонала Вера. — Можно перебраться на их балкон.

Непрестанно кашляя, Гена помог Люське и Вере перелезть на соседний балкон, после чего и сам там оказался.

Балконная дверь была открыта, они беспрепятственно прошли в комнату.

— Мария Антоновна, Григорий Андреевич, — звала соседей Вера. — Вы дома?

В коридоре послышался обеспокоенный голос хозяйки.

— Господи, кто там?

Минуту спустя Мария Антоновна отпаивала Геннадия сердечными каплями.

Пожарные прибыли через десять минут. С пламенем удалось справиться за считанные минуты, ребята сработали оперативно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОД МАСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

— Где Клара Юрьевна?! — закричала Люська, забежав в прихожую. — Диан, тебе удалось ее задержать?

Диана заламывала себе пальцы.

— Люсьена, я не хотела, это само получилось. Не знаю, что на меня нашло, но после того, как ты сказала про убийства...

— Она все-таки смогла убежать?! — в отчаянии прокричала Люська. — Я так и думала.

— Клара Юрьевна здесь, — пискнула Диана. — В квартире. Только понимаешь... Она немного не в форме, но моей вины нет!

— Где она?

— В комнате.

Толкнув дверь, Люська замерла в нерешительности на пороге.

— Она сама, — твердила Диана. — Детка, меня ведь не посадят, правда?

— Что ты с ней сделала?

Клара Юрьевна лежала возле окна. Правая рука была пристегнута наручниками к батарее. Но больше всего Люську удивило и испугало одновременно, что Клара была без сознания.

— Диан, что с ней?

— Я ее ударила. А что ты так смотришь? Сама просила задержать опасную преступницу. Маньячку, убийцу, тиранку, мучительницу. Как я могла ее задержать, ты об этом подумала? Кларка вещи в сумку кидала, я подошла сзади и легонько — можно даже сказать, плавным, переходящим в элегантное движением руки — саданула ее пельницей по голове. Она упала. В принципе, все.

Люська подбежала к окну.

— Клара Юрьевна, вы меня слышите? Клара Юрьевна!

— Бесполезно, она в отключке.

— Вызывайте «скорую».

— Люсьена?! Меня посадят, «скорая» исключается.

— Диан, ей необходимо оказать первую помощь.

— Ерунда, она оклемается. Полежит часик и встанет. Я так думаю. Хочу надеяться.

Люська схватила телефон.

— Люсьена, смотри, она зашевелилась. Положи трубку.

Люська присела на корточки рядом с Кларой Юрьевой.

— Принесите воды.

Диана выбежала из комнаты. Вернувшись, она протянула стакан и, обкусывая губу, спросила:

— Может, связать ей ноги?

— Клара Юрьевна, — Люська легонько похлопала ее по щеке. — Выпейте воды.

— А-а-а... — простонала она. — Оставьте меня в покое.

— Вы можете встать? Я помогу, давайте, опирайтесь на меня.

— Она не встанет, — заявила Диана. — Ты же видишь, на ней наручники.

— Откуда они взялись?

— Я сама приковала Клару к батарее, на всякий, так сказать, пожарный случай.

— Вам придется меня отпустить, — прочеканила Клара Юрьевна. — Это единственный выход. Поверьте, для вашего же блага будет намного разумнее, если мы сейчас распрощаемся и никогда больше не увидимся.

— Вы действительно так считаете? — спросила Люська. — Насколько я поняла, вы планировали распрощаться с нами более кроважидным способом. Зачем вы подожгли квартиру Веры? Это ведь сделали вы, не отрицайте.

— Не отрицаю, — Клара Юрьевна попыталась усмехнуться. — Мне пришлось прибегнуть к крайней мере, ты сама во всем виновата. Кто тебя просил лезть в расследование, почему тебе

не сиделось спокойно? У нас не осталось выбора: или мы тебя, или ты нас. Понимаешь?

— Нет, совсем ничего не понимаю.

— И я не понимаю, — топнула ногой Диана.

— Пусть она выйдет, — потребовала Клара Юрьевна. — Но сначала расстегните наручники.

— Люсьена, я надеюсь, ты не собираешься прислушиваться к словам этой шизофренички? Предлагаю вызвать полицию.

— Что вы этим добьетесь?

— На вашей совести несколько убийств.

— Ты попробуй докажи. Чем докажешь, спрашиваю? Нет у тебя доказательств, нет ни единой улики против нас. Ты не сможешь меня победить, за мной сила, у меня надежный тыл, а что есть у тебя? Идиотская жажда справедливости? Смешно! Кому нужна твоя справедливость? Что тебе не живется спокойно? Лазишь, вынюхиваешь, а правду-то не знаешь. Да если хочешь знать, я сама и вершила справедливость.

— Верится с трудом.

— А ты поверь. Думаешь, я ради удовольствия мстила этим тварям? Они лишили меня смысла жизни, я не жила, а существовала. Сколько раз хотела наложить на себя руки — не смогла. Наверное, смелости не хватило.

— А убивать ни в чем не повинных людей смелости хватило?

— Ты еще их к ангелам причисли. Кто тебе напел, что они ни в чем не виноваты?

— Клара Юрьевна...

— Я не Клара Юрьевна! Удивлена? Вижу, что удивлена. Ты бегала-прыгала, правду все пыталась узнать, а до сути так и не докопалась. Детективщица!

— Как не Клара? — удивилась Диана. — А кто ты?

— Пока она не выйдет, слова не пророню.

Люська обратилась к Диане с просьбой. Та стояла насмерть.

— Никуда не пойду!

— Я прошу, Диан.

— Почему я должна уйти, я у себя дома! В конце концов, это я обезвредила Клару и имею полное право находиться в комнате!

Минут через пять Люське все-таки удалось убедить Диану оставить их с Кларой Юрьевной наедине. Правда, на просьбу последней избавить ее от наручников ответила отказом.

— Не хочу еще раз подвергать жизнь опасности.

— Собираешься сдать меня полиции?

— Намекаете, вас следует отпустить?

— У тебя нет выбора.

— Есть!

— Я жертва, — едва слышно прошептала Клара Юрьевна. — Мне искалечили жизнь, отняли

самое дорогое. Неужели я не имела право отомстить?

— Кому и за что вы мстили, Клара Юрьевна?

— Я не Клара, — повторила она. — Несколько лет назад меня звали Светланой. А мстила я за убийство своей единственной дочери — Наины!

***

Мать Светланы жила в деревне недалеко от садового товарищества, в котором получили участки супруги Бекетовы и Алексей Романов. Каждое лето Наина гостила у бабушки, тот год не был исключением.

За день до несчастного случая Наина краем уха услышала, что в лесу появились подберезовики, начала просить мать и бабушку сходить в лес. Те отказались. Наина затаила обиду.

Утром, взяв из вазы гвоздику, Наина, сказав, что идет к подружке в соседний дом, дошла до конца деревни, свернула на колдобистую дорогу — по ней обычно ездили дачники — и услышала шум приближающейся машины.

Через полчаса в деревне стало известно — Наину сбила машина. За рулем сидел вусмерть пьяный дачник — Бекетов Владимир. Его осудили, Светлане лучше от этого не стало.

Спустя год в квартире раздался звонок, приехала соседка матери.

— Свет, мать очень плоха, — с порога сказала Тамара Ильинична. — Боюсь, не сегодня завтра помрет.

— Жаль бабу Пашу... — протянула Светлана. — Сколько ей уже?

— Девяносто четвертый пошел. Чувствует, что долго не протянет, с тобой поговорить хочет. Зовет постоянно тебя. Свет, хоть на пару минут заходи к нам. Мать вся извелась.

В доме бабу Паши Светлана появилась день спустя. Старушка лежала на кровати, укрытая двумя плотными одеялами. Возле кровати стоял стул, на нем — стакан воды и несколько пачек таблеток.

— Мама, — тихо позвала Тамара Ильинична. — У нас Света.

Баба Паша открыла глаза.

— Света... Света... — тараторила она, глотая ртом воздух. — Я тебя ждала.

— Здравствуйте, баба Паша. Как вы себя чувствуете?

— Пришло время, Светик. Отжила свое.

Попросив Тamarу оставить их со Светой наедине, баба Паша сказала:

— Моя мать до ста лет дожила, бабка до ста трех. Я бы тоже сто лет справила, да грех тяжкий на мне. Прости меня, Светка, прости старую. Боюсь на тот свет с грехом уходить, мешает он мне.

— О чем вы, баба Паша? За что прощения просите?

— Виновата я перед тобой. Не сказала сразу правду, теперь мучаюсь. Ты сядь, сядь рядышком. Я тебе вот что сказать хочу: Володька Бекетов не сбивал твою девочку.

И баба Паша начала исповедь. Год назад она пошла в лес за грибами. Возвращаясь, она уже практически вышла на дорогу, когда услышала шум мотора. По дороге вышагивала Наина. Через минуту девочка оказалась под колесами выскочившей из-за поворота машины.

Вздвогнув, баба Паша спряталась за дерево. Вначале ничего не происходило. Очевидно, водитель, сбивший ребенка, пребывал в трансе. А потом...

Задняя дверца открылась, из салона выскочили Алексей Романов и Галина. Они подбежали к Наине, нагнулись, затем резко отпрянули в сторону. Озираясь по сторонам, сели обратно в салон, громко хлопнув дверцей. Но вопреки ожиданиям машина не рванула с места — она продолжала стоять на дороге.

Прошло минуты три, и баба Паша стала свидетельницей жуткой сцены. Галя с Алексеем снова вышли из машины, передние дверцы открылись: с водительского места выскочила молодая девушка, с пассажирского — парень.

Вчетвером они вытащили с заднего сиденья в стельку пьяного Владимира Бекетова.

Галина тряпкой протерла руль и ручки. Далее Владимира посадили на водительское место, открыли багажник, достали две сумки, и, хлопнув дверцами, четверка начала удаляться в сторону дач. Уходили лесом.

— Не сбивал Володька Наину, — повторила баба Паша, глядя на Свету. — За рулем девица сидела.

— Кто она? — закричала Светлана. — Вы ее узнали?!

— Нет, милая, не видела ее раньше. И парня тоже не встречала. Гальку с Лешкой сразу признала, а молодежь была не местная. Через месяц Романов у меня молоко с творогом покупал. Пришел не один, вместе с ним был тот самый парень. Оказалось, его крестник. Прости, Светка, прости меня. Побоялась я тогда правду сказать, теперь страшно стало. Грех мне мой прости.

Светлана встала.

— Пстой, — простонала баба Паша. — Скажи, прощаешь меня?

— Бог простит, — ответила Светлана.

— А ты простишь?!

— Уже простила, — тихо сказала Света и вышла из комнаты.

Матери Светлана сказала следующее:

— Сюда я больше не приеду. Никогда! А недели через две скажи всем, что я покончила жизнь самоубийством — перерезала вены.

Месяц спустя Светлана написала письмо на зону. Бекетову! Еще через полгода она поехала к нему на свидание.

Узнав от Светланы правду, Бекетов едва не взорвался от ярости, но было поздно. Баба Паша — единственный свидетель — умерла.

— Я их убью! — пообещал он Светлане. — Выйду и придушу своими руками!

— Не горячись, — говорила Света. — Убить всегда успеешь. Лучше подумай, как сделать так, чтобы превратить их жизнь в ад?

Вскоре Галине Бекетовой сообщили, что муж повесился на простыне в камере. Для Бекетовой это был конец страшной истории. Для Владимира — начало новой жизни. Его план, их со Светланой (а позже — Кларой) план начал осуществляться.

***

— Володька освобожден через десять лет. С зоны вернулся, поселился у меня. К тому времени мы уже были официально расписаны.

Люська не успела удивиться, а Клара Юрьевна продолжала говорить:

— Ничего у нас не было, нищета нищетой. Если не брать в расчет браслет, из ценных вещей — только обручальные кольца.

— Василий Акимов сказал, гражданскую жену Ивана звали Светой. Это вы?

— Ты догадлива. Наина его дочь. Браслет он у одной тетки украл, мне подарил. Говорил, не хотел на кражу идти. Но когда узнал, что браслет называется «Наина», не удержался. Ваньку машина сбила, Наина совсем крохой была.

— А браслет?

— Настоящая «Наина» у меня, копию я сделала сразу после смерти Ивана.

— Зачем?

— А на всякий случай. В настоящих бриллиантах боязно выходить, а в бижутерии — в самый раз, — усмехнулась Клара Юрьевна. — Видишь, спустя столько лет она пригодилась.

— По телефону Кирилл сказал другу о Наине, и Настя видела девочку.

— Галлюцинаций у них не было, они действительно видели Наинку. После отсидки Володька решил встать на ноги. И знаешь, он это сделал! Вопреки всему. Теперь Вовка авторитет, а я, — Клара Юрьевна провела ладонью по щеке, — жена авторитета. Не смотри на внешность, это грим. В жизни я не такая уродина, какой ты привыкла меня видеть. Старая дева — это роль. Я играла, и мне все верили. И Галька поверила. Когда мы с Вовкой разбогатели, я заговорила о мести. Он уже ничего не хотел, перегорел, в голове были другие мысли, но я настояла. Вовка согласился. Так и появилась бедная несчастная портниха Клара Юрьевна. Кстати,

портниха я по специальности. На общем собрании познакомилась с Бекетовой, мы быстро нашли общий язык, общались, созванивались, ездили друг к другу в гости. Галька меня не узнала, да и не могла узнать: Света, которую она видела почти двадцать лет назад, и Клара, с которой она познакомилась сейчас, — два разных человека.

Год я ждала подходящего момента, летом он настал. Помощников было много, в частности очень помогла лилипутка Нелька, которая играла роль Наины. Ее так удачно загримировали, что даже мне порой казалось, я вижу собственную дочь. Сперва начали пугать Гальку. Увидев Наину, она едва от страха не скончалась. А вечером, когда ей в дверь постучала Нелька, Бекетова позвонила мне. Она думала, я у себя дома, а я была намного ближе — стояла у ее дверей. Увидев меня с Наиной-Нелькой, Галька вытаращила глаза и, не помня себя, помчалась в баню. Зачем? Понятия не имею. Наверное, от страха в голове все перепуталось. Там она поскользнулась и умерла. Мгновенно! Я к ней даже не притрагивалась. Как ты понимаешь, историю с ее предсмертной просьбой, моей поездкой на квартиру, встречей с мужиками, изъятием свертка из вентиляционного отверстия и его последующим выбросом в шахту лифта я придумала специально для тебя.

— Откуда вы про меня узнали? Когда я пришла к вам, вы сразу рассказали эту историю. У вас не было времени...

— Ошибаешься. Вспомни, в садовом товариществе ты разговаривала с Танькой. Татьяной Антоновной. Вспомнила?

— Припоминаю.

— Тем же вечером, когда я вернулась за город за вещами, Танька пришла ко мне. От нее и узнала, что некая Люся интересуется исчезновением Романова. Когда ко мне пришла ты, я была во всеоружии. Кстати, Романов тоже сам умер — у старика случился приступ. Мы привезли его в наш загородный дом. Пистолет старика, которым он нас запугивал, прихватили с собой.

— Зачем вам понадобился Романов?

— Я должна была узнать, что произошло в тот день в салоне машины. Должна! Романов играл в молчанку. Неделю молчал. Мы ждали. Думали, язык развяжется. Нет, крепким оказался старикан — настоящий партизан. Он умер на восьмой день от сердечного приступа. Идею перевезти его тело в квартиру Фединой подбросил Володька. А правду мы узнали от Глухарева. Три дня он, как и крестный, пытался держаться, в итоге не выдержал. Ночью Кирилл сиганул из окна и драпанул в лес. Я выстрелила в него из пистолета Романова. Нам опять повезло: Глухарев умер, так и не успев никому рассказать, что произошло

в действительности. Ну а с Фединой расправилась лично я. Она сбила Наинку, и я отомстила за дочь. Оставить Настю в машине Глухарева мне показалось забавным. Во всяком случае, путаница получилась колоссальная. Вон тебя как запутали.

— А обыски, звонки Вере, квартира, на которую я привозила браслет, взрыв машины...

— Все было заранее спланировано, — перебила Клара Юрьевна. — Я жила у тебя, было очень удобно узнавать свежую информацию. Вечером ты рассказывала мне новости, делилась планами, спрашивала совета, а через некоторое время я уже связывалась по телефону со своими людьми и готовила тебе сюрпризы. Например, браслет по моей указке был сброшен в шахту через пару часов после того, как ты сообщила, что мы едем домой к Бекетовой. Ты не подзревала, что, делясь со мной своими мыслями, роешь себе глубокую яму. Я пыталась тебя запутать, сделать так, чтобы ты от обилия нестыковок и миллиона вопросов поскорее отказалась от своей затеи продолжать расследование. Но ты упертая, пришлось прибегнуть к радикальным мерам.

— Ко всему прочему я еще и везучая.

— Точно! От взрыва не пострадала, в огне не сгорела. Молодец!

Пройдясь по комнате, Люська остановилась у двери.

— Так что же произошло в день гибели Наины в салоне машины? Что вам удалось узнать от Кирилла?

Клара Юрьевна стиснула зубы.

— Ненавижу их! Трусы! Негодяи! Убийцы!

***

В воскресенье Галя планировала уехать с дачи пораньше. Проснулась, а Бекетов уже пьян. При чем пьян основательно. Где и с кем умудрился нализаться ночью, так и осталось загадкой. В полдень пришел Романов с просьбой подбросить его в город.

— Ко мне крестник со своей девушкой приехали, не захватите нас за компанию?

— Сама гадаю, как в Москву ехать. Володька нажрался.

— Кирюха с Настей месяц назад права получили, доедем с ветерком. И Вовку твоего погрузим.

— Если только в багажник, — огрызнулась Галя и пошла собирать вещи.

Владимира посадили на заднее сиденье, с ним сели Алексей и Бекетова, молодежь расположилась впереди. Машину должен был вести Кирилл, но Настя попросила разрешения доехать хотя бы до остановки. Никто не возражал. Когда Настя вместо тормоза нажала на педаль газа и насмерть сбила Наину, все впали в состояние глубокого шока.

Увидев, что Наина мертва и помочь ей уже нельзя, Настя забилась в истерике. Но неожиданно громкий и властный голос Бекетовой заставил девушку моментально замолчать:

— Ребенка сбил Володька! — сказала Галина. — Он сидел за рулем, не справился с управлением. Он — пьяница.

На все про все ушло не более пяти минут. Галина Валентиновна всерьез полагала, что, избавившись от мужа алкоголика, наконец обретет счастье. Когда пришло известие о кончине Бекетова, Галина Валентиновна и Алексей Гаврилович расписались. Семейная жизнь продлилась недолго — настоящего счастья Галина Валентиновна так и не узнала.

Зато у них была тайна. Одна тайна на четверых. Лишь они знали, как на самом деле погибла девочка в белом платье, белых носочках и красных сандалиях.

Наина в переводе с древнееврейского означает «невинная». Ей было всего восемь лет...

***

Клара Юрьевна и некоторые ее подельники были арестованы и осуждены. Другим же действующим лицам во главе с Владимиром Бекетовым удалось скрыться. Поиски не принесли желаемых результатов.

Остается надеяться, рано или поздно каждый сполна заплатит по счетам и получит по заслугам.

ЭПИЛОГ

Через десять дней, когда совместными усилиями квартиру Веры удалось привести в порядок (побелили потолки, стены оклеили обоями), произошло грандиозное событие. Неизвестно как двум актрисам удалось договориться: утром привезли новую стиральную машину.

Диана была в восторге, Юлия Станиславовна на радостях аж прослезилась.

— Я знала, Диди, рано или поздно ты одумаешься и согласишься с моим решением приобрести правильную стиральную машину.

— Пардон, но это ты одумалась и признала мою правоту, — Диана погрозила сестре пальцем.

— Позволь с тобой не согласиться.

— Не понимаю, почему ты опять встаешь в позу? Мы купили стиралку, которую выбрала я, значит, правда на моей стороне.

— Кто тебе это сказал? — Юлия Станиславовна подошла к коробке, сощурила глаза и вскрикнула: — Диди, что это?!

— Это стиральная машина, дорогая.

— Не смешно! Зачем ты заказала это убожество? Ужасная модель!

— Не начинай, — отмахнулась Диана, подойдя к коробке. — Машина — зверь! Теперь надо ее распаковать и... Что это? Юлия, откуда у нас эта машинка?

— Ты ее заказала. И я уверена, сделала это мне назло.

— Да подожди ты, не кричи. Я заказывала совсем другую модель.

— Не ври.

— Клянусь.

Юлия Станиславовна схватила документы.

— Но здесь черным по белому указано, что заказана именно эта модель, Диди.

— Дай сюда, — выхватив документы, Диана начала читать. — Ничего не понимаю, произошла чудовищная ошибка. Надо им позвонить, пусть заберут этот агрегат и доставят выбранную мной стиралку.

— Где были твои глаза, когда ты расписывалась за доставку?

— Кто ж знал-то?

Из комнаты вышла Люська.

— Всем привет! Что за шум, а драки нет?

— Люсьена, ты не поверишь...

— Люсико, — перебила Диану Юлия Станиславовна. — Колоссальная путаница. Представляешь...

— О! — теперь уже Люська перебила Юлию Станиславовну. — Я смотрю, стиральную машину привезли. Супер!

— Привезти-то привезли, но не ту, что надо. Люська подошла ближе.

— Почему не ту, Диан? Именно эту стиралку я и заказала.

— Ты заказала? — удивилась Диана.

— Как ты? — Юлия Станиславовна была удивлена не меньше.

— Не вижу ничего экстраординарного. С вами каши не сваришь, до второго пришествия без новой стиралки просидим. Надоело, ползала по инету и сделала заказ. Почему вы на меня так смотрите?

Диана покосилась на сестру.

— Вообще-то я тоже заказала стиральную машину. На сегодня, — добавила она. — И когда расписывалась в накладной, думала, что привезли мой заказ.

Не успела Диана закончить фразу, в дверь позвонили. Доставили вторую стиральную машину.

— Вот! Это моя, — крикнула Диана.

— И что будем делать?

— Не знаю.

— Две стиралки нам ни к чему.

— Одну придется вернуть.

— Хорошо, — неуверенно сказала Люська. — Вернем твою.

— Минуточку! Почему сразу мою, а не твою? Юля, а ты чего молчишь?

Юлия Станиславовна глупо улыбалась, теребя на пальце колечко.

— Я... мне... как бы сказать потактичнее...

— Ты меня пугаешь.

— Диди, Люсико... Вы только не волнуйтесь, дело житейское.

— Люсьена, мне не нравятся ее слова.

— Правда, Юлия Станиславовна, что с вами?

— Мне тоже надоели споры с Диди по поводу стиральной машины. Я решила действовать.

— В смысле?

— Ну...

Снова раздался звонок в дверь. Диана щелкнула замком. На лестничной площадке стояли два парня, рядом — большая коробка.

— Ваш заказик доставили, — сказал один из парней.

— Какой еще заказик? — прошептала Диана.

— Стиральная машина.

Юлия Станиславовна бочком начала продвигаться в свою комнату.

— Мне пора, — сказала она. — Надо цветы полить.

— Стоять! Юлька, ты тоже купила стиралку?

— Кто ж знал, что их столько будет.

Парень почесал затылок.

— Зачем вам столько стиральных машин?

— Чтобы у каждого члена семьи была собственная, — пошутила Люська.

— А-а, — протянул парень. — Понятно. Так мы заносим?

Диана была растеряна.

— Люсьена, сделай что-нибудь, иначе квартира превратится в прачечную.

— Мы отказываемся от заказа, — решительно сказала Люська.

— Нет! — Юлия Станиславовна подбежала ко входной двери. — Моя машина лучшая! Ее мы возьмем, а ваши отдадим обратно.

— Я не откажусь от заказа! — топнула ногой Диана.

— И я не откажусь, Диди.

— Знаете что, — разозлилась Люська, — я тоже не намерена возвращать свою стиральную машину!

— Серега, заносим, — сказал парень.

Через пять минут в коридоре осталось три человека и три стиральные машины.

— Да-а... — протянула Юлия Станиславовна. — Анекдот какой-то получился.

— То густо, то пусто, — буркнула Диана.

Подумав, Люська сказала:

— Одна голова хорошо, а три стиралки лучше.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Раз, два, три, четыре, пять!	3
Глава вторая. Он не вернулся.....	19
Глава третья. Тревожный звонок.....	31
Глава четвертая. Крестный отец	47
Глава пятая. Это было давно	61
Глава шестая. Ночная поездка	74
Глава седьмая. В чужой квартире	85
Глава восьмая. Неожиданная находка	98
Глава девятая. Сеанс гирудотерапии	107
Глава десятая. Браслет с историей... ..	117
Глава одиннадцатая. Ночью у пруда.....	132
Глава двенадцатая. Продуктовый шопинг	140
Глава тринадцатая. Посторонний наблюдатель.	148
Глава четырнадцатая. Генка Дронов	154
Глава пятнадцатая. Приступ клаустрофобии ...	165
Глава шестнадцатая. Меж двух огней	176
Глава семнадцатая. Инсценировка	189
Глава восемнадцатая. Запись на прием	196
Глава девятнадцатая. Живее всех живых.....	203
Глава двадцатая. Друг или враг?	216
Глава двадцать первая. Под маской добродетели...	234
Эпилог	250

*Литературно-художественное издание
для детей среднего и старшего школьного возраста*

Серия «Невероятные истории»

Ситников Юрий Вячеславович

ХРАНИТЕЛИ ТАЙНЫ

Повесть

Издание второе, стереотипное

Редактор и корректор Ю.И. Вилюха
Художественный редактор А.Н. Ткачук
Компьютерный дизайн: С.В. Чепиков
Технические редакторы: Г.В. Викентьева, А.Е. Лобан
Директор-издатель С.В. Кузьмин

Подписано в печать 09.01.2018.
Формат 84х108 1/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 1530 экз. Заказ 100.

Издательское частное унитарное предприятие «Книжный Дом».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/135 от 08.01.2014.
Пр-т Независимости, 109-3, 220114, Минск. Тел.: (1037517) 369-90-58.

Общество с ограниченной ответственностью «Литера Гранд».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/469 от 22.06.2015.
Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск. Тел.: (1037517) 360-26-01.

Отпечатано в государственном предприятии «Издательство
«Белорусский Дом печати». Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр-т Независимости, 79, 220013, Минск.

